

Ольга Мороз

Восхождение
Нового Бога

Annotation

"Если вы спросите меня, пришло ли наше общество к Абсолюту, к которому стремилось, я отвечу: «несомненно». Мы стали на восемьдесят процентов эффективнее и на сорок пять процентов улучшили функциональность тел. Мы избавились от атавизмов, таких как: семья, гендерное разделение, религиозные предрассудки, генетические несовершенства. Эмоциональная нестабильность, вызванная этими архаизмами искоренена. Люди приблизились к абсолютному совершенству. Всё это приближает нас к новому миру, а новому миру нужен новый бог"

Ольга Морох

Восхождение нового бога

Глава 1 Лин (Эвелин Райго)

Если вы спросите меня, пришло ли наше общество к абсолютному совершенству, к которому стремилось, я отвечу: «несомненно». Мы стали на восемьдесят процентов эффективнее и на сорок пять процентов улучшили функциональность тел. Мы избавились от атавизмов, таких как: семья, гендерное разделение, религиозные предрассудки, генетические несовершенства. Эмоциональная нестабильность, вызванная этими архаизмами искоренена. Мир приблизился к абсолютному совершенству. Титанических размеров машина с идеально настроенными деталями.

Я смотрю на безупречных, совершенных людей на экранах камер возле гигантского здания корпорации CyberTactic. CoTa. Словно в паутине. Почти завидую им. Они одновременно и слепы, и в тоже время видят всё, что может показать всемирная сеть, глухи к звукам промокших от прошедшего дождя улиц, но слуховые импланты шепчут им то, что они должны услышать. Идеально подогнанные друг другу гранями детали гигантского механизма. Тик-так... так шли старинные часы в доме родственника в поколении минус один. Кажется, раньше их называли дедами. Как Dead, только дед. Смешно. В детстве, когда меня привозили в тот дом, я, сидя в своём громоздком кресле, смотрела как в отверстиях на циферблате двигаются шестерни. Каждая поворачивалась в свой срок. Совершенство.

Тик-так.

Если выпадает одна шестерня, механизм выходит из строя. И его приходится чинить. Это дорого. Слишком дорого. Проще следить за механизмом, чтобы не ломался.

Тик-так.

Часы отсчитывали сроки каждому, кто жил в доме. Рождения, встречи, кремация.

Тик-так.

Старики уходили тихо. Только часы всё шли, словно средоточие вселенского безучастия. Мы тоже стали такими. Безучастными.

Тик-так.

Похожи на часы. Совершенны. Бесстрастны

Снова пошёл дождь. Я вижу это по камерам. Вижу замутнённые пустые улицы. Теперь никого не встретить на улицах. Только работники служб и всё. Остальным хватает того, что даёт им электронный мир. Хватает и мне.

Я работаю эмоциональным аналитиком виртуального и объективного пространств. Не то чтобы полезная специализация или меня нельзя заменить искусственным интеллектом. Можно. Иногда я думаю, что даже нужно. Но государство заботится о гражданах, обеспечивая их рабочими местами, а я вхожу в государственную программу «Доступная работа для всех» под жёлтым маркером. Это значит, что социально я не опасна, но есть сложности с ассимиляцией в общество. У меня проблемы с коммуникацией, но не совсем в запущенной форме. Мой психоаналитик посчитал, что эта работа станет единственно приемлемой с моим уровнем коммуникативных навыков, уровнем интеллекта и индексом Импа. В рекомендациях Центра реабилитации написано, что я могу вести переписку с эффективностью в сто процентов и поддерживать личный разговор с эффективностью в шестьдесят процентов без визуального контакта.

Моя функция принять обработанные машиной статистические данные о людях на определённом участке агломерации, в данном случае в секторе ВК-10.52. Основная задача — распознать нарушения в эмоциональном состоянии человека и засечь сбои в программе электронных устройств. Инфракрасный спектр камер, записи разговоров на улицах, температура, модель поведения, переписки в мессенджерах. Всё это обрабатывается искусственным интеллектом, названным ЕйчЭс, сводится в один файл и предоставляется мне. Чтобы люди не думали, что их судит машина, там стоит мой маркер. Я могу подтвердить данные ЕйчЭс, могу затребовать повторного анализа, если они кажутся недостоверными. Всё-таки мы ещё не готовы доверить машинам судить о нашей жизни, хотя говорят, в соседних агломерациях эту работу выполняет искусственный интеллект.

Мне хочется думать, что я не зря просиживаю жизнь в маленьком офисе на вершине корпоративной башни, которая представляет собой один из нескольких больших серверов в мире. Компания посчитала, что специалисту можно не отлучаться из офиса, поэтому мне оборудовали небольшую капсулу, именуемую «квартирой» этажом ниже. Это лучше, чем с родителями в клетушке на окраине мегаполиса. Весь распорядок моего дня составляет прогулку до рабочего места и обратно по стерильным коридорам компании. У меня есть сменщик, даже два, они подключаются к ЭйчЭс удалённо по сети. Мы с ним не знакомы. Нет необходимости. Мы три идеально подходящие друг другу детали.

Я сажусь на свое удобное рабочее кресло, опускаю голову на подголовник, подсоединяю свой модуль к серверу. Запрос пароля, биометрическая идентификация, вход. Я — внутри системы. Наш удобный, подстроенный под нужды электронный рай.

Я смотрю на улицы оптическими глазами камер и слушаю электронными датчиками. И не только. Я — везде, и

в виртуальном пространстве тоже. Моё имя Лин.

Улицы почти пусты, лишь некоторые служащие спешат на место работы. Удивительно, но в век удалённого доступа ещё сохранились службы, требующие личного присутствия. Думаю, это чей-то каприз. Нет ни одной службы, к которой бы нельзя было получить доступ удалённо. Но кому-то нравится, что ему доставит товар живой курьер, с которым можно поговорить и обсудить погоду. Зачем? Такой услугой пользуются люди поколения минус один. Мои биологические родители, например. Но нет, шучу, это им не нужно. Всё, что требуется, им даёт виртуальная реальность корпорации «СоТа». Еда появляется у шлюза сама, манипуляторами курьерского дрона, а деньги списываются с карты даже без ведома владельца. Тебе требуется лишь следить за балансом. Единая социальная карта для всего. Для жизни, для покупок, для смерти. Очень удобно. У каждого гражданина есть социальный рейтинг, в зависимости от которого распределяются все блага: пособия, рабочие места и прочие бонусы цифрового общества. Твой рейтинг ниже девятисот? Значит ты не поедешь отдыхать на Тихоокеанские кластеры, не получишь высокооплачиваемую работу и не возьмёшь товар со скидкой. Будь нищим и забытым всеми, потому что твои коммуникации тоже ограничат. В век глобализации это просто. Вся твоя жизнь — как на ладони. Ты — винтик системы, шестерёнка, и, если ломаешься, тебя заменяют. Тик-так.

Вот один из немногих пешеходов начинает двигать рукой в странном ритме. Похоже на танец. Это забавно. Это любопытно. Это так контрастирует с людьми, понуро бредущими рядом, похожими на висящие в гардеробе костюмы без содержания и смысла. Этот, словно бунтарь, начинает энергичное движение, расталкивая идущих. Он что-то кричит. Неужели? Мне интересно, я подключаюсь к ближайшим камерам, чтобы смотреть. Оптика, заменившая мне глаза, подстраивается и даёт чёткую картинку. Человек толкает идущего впереди. Тот вяло поворачивается. Он довольно стар, у него почти не осталось биологической массы. Индекс Импакта — девяносто восемь процентов. Я сверяюсь с базой. Авдей Курчатов, шестьдесят семь лет. Что же у него настоящее? Встроенный анализатор выводит данные на зону периферического зрения. Роговицы глаз. Он заменил всё имплантами, оставив только глаза? Забавно. А бунтарь хватается за шею и пальцы сжимаются на искусственной коже. Жертва сдавленно хрипит. Хватается за запястье нападающего, завязывается вялая драка. Металлическая рука против металлической руки. Кто же победит? Бунтарь что-то бормочет. Я жму на панель за ухом. Надо записать, чтобы потом проанализировать. На панели бокового зрения выскакивают цифры. Пульс, давление, уровень шума. Кривая растёт скачкообразно. Слышна сирена. Стражи порядка уже на месте. Аэроцикл зависает рядом с дерущимися. Закованные в броню полицейские применяют шокер. Бунтарь теряет контроль над телом, но, похоже, уже поздно. Его жертва со сломанной шеей и раздавленным механическим сердцем падает на выметенный тротуар, вываливая за пределы пешеходной зоны механическую руку. Те, что идут мимо стараются отодвинуться подальше. Напряжение нарастает. Мой анализатор говорит о том, что температура воздуха поднялась на три десятых градуса. Люди проявляют эмоциональную нестабильность. Это нехорошо. ЕйчЭс может решить, что нужна доза успокаивающего газа. Система запрашивает алгоритм действия. Применить протокол снижения эмоциональной напряжённости «Зета»? Нет. Температура поднялась недостаточно. Стражи порядка на месте. Значит, все попадут туда, куда хотят. К своим замершим в мегаполисе рабочим местам.

На втором дисплее меня ждёт новое сообщение. Макс. Я не считаю, что мы могли бы дружить лицом к лицу, но по переписке у нас завязался достаточно тесный контакт. Даже думаю, что если запишусь в программу по репродукции, то хочу попросить его дать биоматериал в качестве донора. Он замечательный. И интересный. Пока его портрет составляют лишь буквы на мониторе, он меня устраивает.

«Привет»

Кресло мягко приподнимается, ЕйчЭс подключается к моему коммуникатору. Выдаёт данные за прошедший час. Всплеск на транспортном узле. Знаю. Видела. Всё под контролем.

«Запросить выполнение протокола «Зета»

«Да»-«Нет»

Пишу «Нет», и Макс:

«Привет»

В ответ он даёт мне ссылку на видео сегодняшнего происшествия.

«Видела?»

«Видела», — подгружаю запись с собственной камеры. У меня лучше обзор, вид сверху.

Минута молчания, затем Макс пишет:

«Что он говорит?»

Я загружаю запись в ЕйчЭс. Её сервера быстро обработают данные. Через тридцать две секунды она выдаёт очищенную от помех запись. Включаю.

«Нет, нет, простите, простите, я не виноват, простите...»

Чушь. Отсылаю Макс. Он служит оператором городской сети. Следит, чтобы наши электронные слуги ни в

чём не нуждались. Хотя это спорный вопрос, кто кому служит.

«Выглядит, словно его рука взбесилась», — пишет он мне и ставит мерзкую улыбочку в конце. Теперь наши эмоции весьма однообразны и ограничены «эмоذجи» в коммуникаторе.

«Мне кажется, так и есть», — пишу я в ответ. Коммуникатор выдаёт входящий звонок.

«Извини», — придётся прервать диалог с Максом. Звонит мой аналитик, Войшурвиц. Такая у него фамилия. Можно перекачивать её на языке, как хрустящий, рассыпающийся шарик. Войшурвиц...

«Добрый день, Лин»

«Добрый день»

«Сегодня что-то произошло?»

Конечно, он уже в курсе происшествия, и знает, что я всё видела. Мой маркер у него на экране постоянно. Интересно, он подглядывает, когда я в уборной или душе? Скорее нет, ведь тогда его ждут многомиллионные штрафы. В нашем мире за всеми следят. Даже за теми, кто следит за тобой.

«Незначительное происшествие», — пишу я.

«Человек скончался, это незначительно?» — прилетает от него сообщение. Я вижу, как на лбу у него углубляется складка. Нет, шучу, не вижу, представляю, как может выглядеть человек с такой фамилией. Строгое лицо и маленькая бородка. Войшурвиц... и неизменный ёрш жёстких волос на голове. Он мог бы так выглядеть.

«Я соболезнаю» — говорю я положенную в этой ситуации фразу.

«Тебе было страшно?»

«Нет»

«Хотелось помочь?»

«Нет. На это есть профессионалы»

«Как ты считаешь, ты можешь исполнять свою работу?»

«Да, могу», — что за дурацкий вопрос? Как меня должно зацепить это происшествие?

«Тебе нужна моя помощь?»

«Нет, благодарю»

«Тогда всего доброго», — Войшурвиц отключается. ЕйчЭс выдаёт данные за последний час. Всё стабильно за исключением незначительного повышения температуры в транспортном узле на другом конце города. Запрашиваю данные камер. Небольшое скопление индивидуумов у поезда номер триста пятьдесят шесть Би. Что произошло? Пошагово листаю запись назад.

На перроне стоят люди, похожие на неподвижные статуи. Инсталляция неизвестного художника. Лес статуй. Проносится поезд, и лес оживает. Фигуры двигаются, но одна стремительно бросается на монорельс. Прносящийся поезд сминает фигуру, как бисквит, разносит её на кусочки, обнажая карбоновый скелет, разрывая его на части. Кто-то на перроне падает в обморок, и люди начинают собираться в группы. Это нехорошо. Это чей-то просчёт. Я отключаю повтор. Мой. Я должна была увидеть намерения этого человека. И дать команду в соответствующие службы. В нашем мире у людей нет права решать, когда им умереть. Это решает система. С уровнем имплантации, когда можно пересадить всё что угодно и заменить на механический орган, ты можешь жить вечно и подать прошение о деактивации, когда тебе надоест. Иногда можно воспроизвести подобного себе, тогда ты записываешься в программу по репродукции, и из твоего биоматериала сделают копию с необходимым набором генов. Мне не повезло, сбой в системе, но импланты решают всё. Мне заменили глаза и часть мозга, отвечающую за движение. Если раньше я была бы инвалидом, то теперь я могу стать полноценным членом общества с небольшими ограничениями.

Поток данных был стабилен. Я не видела ни повышения температуры, ни учащения пульса. Даже ЕйчЭс не дала команды на запуск протокола, а это значит, она тоже не распознала эмоциональной нестабильности. Значит ли это, что это было сделано непреднамеренно? Его никто не касался, как того старика сегодня утром. На перроне уровень шума не поднимался выше среднестатистических значений. Но... Я вывожу на экран данные погибшего. Милута Золль, какое смешное имя. Уровень интеллекта выше среднего, степень эмоционального благополучия выше проживающих рядом соседей, коэффициент Импа — семьдесят два процента. Мысль посещает меня внезапно. Ради интереса смотрю этот коэффициент у утреннего бунтаря. Восемьдесят пять. Это значит, что большую часть органов он заменил имплантами. Есть ли здесь связь? У половины населения этот коэффициент выше пятидесяти процентов. Даже у меня. Но мне пришлось это сделать в силу генетических несовершенств, но многие заменяют биологические органы из других соображений. Просто так. Потому что могут стать совершеннее в угоду новому цифровому богу.

Расслабляюсь. У меня участился пульс. Об этом тотчас появилась запись в журнале дежурства. Хорошо... Хорошо... Имеют ли эти два происшествия связь? Возможно...

Можно ли говорить о системе? Маловероятно.

Снова раздаётся звуковой сигнал пришедшего сообщения. Макс. Он прислал мне видео, на которое я уже

смотрела.

«Каково?»

Откуда мне знать. Но то, что это плохая статистика, здесь сомнений нет.

«Как думаешь, совпадения?»

Я не должна так думать. Но Макс не понимает. Он скидывает мне скриншот мессенджера.

«Что это?» — я различаю имя «Милуга» в диалоге. Время 7:23:17. На другом мониторе вывожу запись с камеры. Бедное создание расплющило в 6:59:56. Оно никак не могло писать сообщения в сети.

«Это не он», — пишу я, — «он был деактивирован в это время»

Макс молчит, а потом выдаёт мне:

«Чувствуешь? Запахло жареным...»

«Что это значит?»

«Значит, что сеть „Квалком“ в целях сохранения эмоциональной стабильности автоматически подключает ИИ в случае смерти абонента»

Пальцы летают по клавиатуре, пульс участился.

«Это глупо... и подло...»

«Это часть программы. Она замещает человека. Это, как будто, удобно. Потом осторожно выведут абонента из сети. Так, чтобы не вызывать сбоев. Этот приём давно известен»

«Как долго?»

«Что именно?»

«Как долго абонент остаётся в сети?»

«Не знаю. Может год. Виртуально работает, общается, а потом незаметно исчезает...»

Мне становится страшно. Пульс учащается. Это значит, что умершие остаются для агломерации живыми, отбрасывают тени своих жизней. Впрочем, если она пуста, и в ней нет ничего кроме работы и дома, где ты видишься с родственниками лишь по каналу видеосвязи... Почему нет?...

«Макс...»

«Что?»

«Но нельзя притворяться так долго. Они же встречаются...»

«Я тебя умоляю, уже никто ни с кем не встречается, всегда можно найти причину не прийти»

Это наша реальность. Нас заменяют облаками, созданными ИИ, который генерирует наши фото, симулирует нашу жизнь. Мало того, что мы теряем контроль над нашими телами, теперь мы потеряли и ещё душу. Цифровой бог забрал и её. Лихорадочно вспоминаю людей, которые перестали писать последнее время. Биологические родители. Последнее время мы общались с переменным успехом.

«Лин». Снова Войшурвиц. Показатели стали выше критической отметки. Он получил сигнал вмешаться.

«Да?»

«У тебя участился пульс, всё в порядке?»

«Да»

«Я видел в новостях, импланты выходят из-под контроля»

«Разве?»

«Да, происшествие, где ты была свидетелем, и ещё одно на вокзале... У тебя все нормально?»

«У меня — да. Господин Войшурвиц...»

«Слушаю»

«Вы давно видели родных?»

«Да, вчера был сеанс видеосвязи...»

«Нет, лично»

«Это сложно, ты и сама понимаешь. Работа, дела»

«Да, понимаю»

«Умница, ты понимаешь, как никто»

«Да»

«Проведём несколько тестов завтра, хорошо?»

«Хорошо»

Я понимаю, что нам не выбраться из этой ловушки. Никогда, пока положение дел всех устраивает. Наша жизнь стала понятной, логичной, продуманной не нами и... пустой. Наше место может занять бот, придуманный корпорацией, и никто даже не заметит. Например, Войшурвиц. Он всегда ровен в общении, никогда не выходит на видеозвонок, и всегда доступен. Прямо как робот. Меня осеняет мысль. Я снова пишу Макс.

«Макс, давай встретимся»

Долгая пауза. ЕйчЭс выдаёт отчёт. Всё благополучно. Сбоев нигде нет. Пластиковая жизнь течёт ровно.

«Зачем? Ты же не любишь общаться»

«Не люблю»

«Тогда успокойся»

«Нет, давай встретимся»

«Не могу»

«Почему?»

«У меня смена»

«Потом»

«Потом, может быть»

Макс отключается. А осадок остаётся. Сколько вокруг меня живых людей? Живущих? Вдруг никого, кого я знаю, уже нет в живых? ЕйчЭс выдаёт последние новости. По факту перехвата управлением имплантатами подключено Министерство Внутренних расследований. Это значит, что эти двое — только вершина айсберга. Их больше, гораздо больше. Это распространяется, как вирус, эпидемия потери контроля. Хаос. А агломерация хаоса не любит. Ей важны управляемые детали, шестерни. Как в часах. Тик-так.

Данные с камер прибывают постоянно. Город живёт своей неорганической систематизированной жизнью. Интересно, когда-то было по-другому? Мог ли человек решить, что он будет есть на завтрак? Не личный помощник умного дома, а ты, сам. Или просто выйти из дома без необходимости согласовывать маршрут с социальной службой. Просто отправиться, куда взглянут его несовершенные глаза. Хотела бы я? Наверное. Шучу, я не выхожу из дома. Нет необходимости. Еду мне привозит курьер, одежду тоже, физическую активность обеспечивает тренажёр, а за микроклиматом в помещении следит «умный дом». Всё, что требуется от меня — это работать. Тик-так. Встроенный имплант за ухом сообщит о физическом неблагополучии в случае удара или ещё какого-то происшествия в соответствующие службы, и тотчас ко мне выдвинется бригада скорой помощи, а если необходимо и полиция. Город следит за всеми. У него тысячи глаз. Тысячи механических рук и большое механическое сердце, бьющееся прямо подо мной, на многие метры под землёй. Сервера компании «CoTa»

На транспортном узле уже убрали останки. Эмоциональный фон снизился, температура в норме. Следующий состав пришёл вовремя, забрал пассажиров и отправился к месту назначения. Думаю, и этот пережиток прошлого когда-то уйдёт, как ушли в своё время места для коллективного просмотра видео и прослушивания исполнителей. Теперь всё можно сделать онлайн. Особо упёртые, конечно, всё равно собираются, чтобы устроить своеобразную акцию протеста. Согласовывают с мэрией и соцслужбами, а затем наслаждаются обществом друг друга под присмотром механических глаз. Глупо. И высокочатранно. В новом времени важно быть функциональным, эффективным, иначе можно оказаться на свалке человеков, в Гудрон-тауне. Там собираются все изгои, отринувшие власть нового бога. Этот путь не для меня.

Чего бы хотела я? Точно не этого. Общение для меня — тяжёлое бремя. Мне комфортно среди моих тихо гудящих мониторов, бесчисленных мессенджеров и камер. Я чувствую себя частью этого механизма. Тик-так. Даже если не хочу быть всего лишь шестерёнкой, мне здесь комфортно. Я всё вижу, слышу и могу управлять. А иногда и подправить. Самую малость, чтобы система не заметила.

Я глазу лежащий рядом лептоп. Я — не бунтарь. Я — часть системы, а системе для полноценной работы необходимы чётко работающие детали. И я — одна из них. Тик-так.

Глава 2 Марк (Марк Новак)

Терминал подал сигнал о входящем сообщении.

— Доброе утро, Марк, ваш социальный рейтинг составляет девятьсот пятьдесят одну единицу, — приятным женским голосом отозвался электронный помощник, — Вам сообщение от руководителя следственного отдела Министерства Внутренних расследований майора Квасцова Олега Мирославовича. Запустить?

Голос царапал едва пробудившееся сознание острыми коготками невыполненного долга. Проспал. Опять. И вчера просадил львиную долю своей социалки.

— Да, — горло пересохло, во рту концентрат отборных закисших помоев, поднимаюсь в кровати на локтях. По вискам привычно ударила утренняя мигрень. — Приготовь аэопан.

— Доктор Вислов не рекомендовал вам злоупотреблять опиатами, — возразила невидимая женщина с лёгким укором.

— Не твоё дело, — огрызаюсь, с трудом усаживая собственное тело на кровати. Её голос царапает по вискам, как кусок железа по стеклу. Кто придумал давать им такие высокие тембры? Продавец утверждал, что этот голос вызывает в сознании воспоминания об уюте и домашнем тепле. А вот ни хера! Ненавижу суку!

— Я добавлю запись в вашу медицинскую карту.

— Валяй...

Эти железки следят за всем, буквально. За количеством выпитого и употреблённых калорий, за проглоченными таблетками и введёнными инъекциями. Говорят, это способствует оздоровлению вымирающей нации. Чушь... Они хотят выращивать граждан в своих капсулах-инкубаторах, где «умный дом» проследит за твоим здоровьем. Твоё тело принадлежит государству, в него вложено немало, потому будь добр, не накачивай его всякой дрянью... Как-то так.

Коллеги и немногочисленные друзья давно советовали заменить сосуды на искусственные, чтобы избавиться от мигрени, но Марк Новак не таков. Я не стану заменять органы на выращенные в пробирке. Не в этой жизни. Лучше содохнуть со своим, родным, заботливо выращенным собой любимым и биологическими родителями. И ими же порченными. Роберт, единственный человек, кого можно назвать близким другом, за это называл меня идиотом. Пусть так. Пусть так... Они ещё не победили, ещё нет.

— Где аэопан? — рычу, разворачиваясь всем телом к гладкой белоснежной колонке у кровати. Квартира так мала, что до каждой из стен можно при желании дотянуться рукой. Многофункциональное пространство. Небольшой люк открылся, и на плоском блюде из глубины механического чуда поднялась крохотная белая таблетка и стакан, наполовину наполненный водой.

— То-то же, — крохотный шарик ушёл под язык, а вода приятно охладила растрескавшееся горло. Выпиваю всю воду. Каждый глоток бьёт в барабанные перепонки избыточным давлением, а потом ещё и в висок.

— Сообщение... — мягко напомнила система.

— Читай, — отрывка вырвалась вместе со словами. Одна радость, извиняться не надо. А вчера? Кажется, я извинялся и не раз. В баре была женщина? Или показалось только. Черт побери, с момента развода я уже забыл, как они выглядят. Одни силиконовые соски.

— С вашего позволения я прочту, интерпретируя своими словами. Здесь много нецензурных выражений. Это понизит ваш рейтинг и рейтинг господина Квасцова.

— Валяй, — даже смешно. Жестянка так заботится обо мне, чтобы я сохранил работу и продолжал оплачивать её ежегодную подписку. Не влюбилась ли она часом? — Маш!

— Да, Марк?

— Ты меня любишь?

— Понятие любви не входит в сферу моих функций, но, если вы оформите пакет «Ласковый дом», я смогу ответить на ваш вопрос положительно.

— Иди ты к чёрту, — стало смешно. Кажется, из нас двоих я — идиот. — Читай, что там.

— Поскольку вы не подключились к совещанию по формированию нового подразделения к условленному часу, в восемь пятнадцать у вас будет конференция с новым сотрудником. У него инструкции относительно вашего нового назначения.

Я скребу отросшую щетину. Бриться нет необходимости, ведь вся работа оперативника сейчас сводится к анализу данных с многочисленных камер и полицейских отчётов. Редко служащий выезжает на место происшествия, теперь по накалу эмоций это похоже на командировку в другой город. Скоро мы совсем разучимся общаться с собратьями по виду.

— Это всё? — усмехаюсь я.

— Здесь ещё приписка, — ласково выдал динамик.

— Шлёт меня на хер? — тело приятно потягивается и хочется снова в постель, но надо работать. Кто будет

оплачивать любезность электронной Машки и счета бывшей жены. Да, я дурак, назвал искусственный голос именем бывшей, чтобы посылать её при случае. А брачный контракт предписывает мне оплачивать профпереподготовку женщины, которая мне больше не интересна. Да и чёрт с ней, пусть учится и отваливает.

— Не совсем, но общий смысл вы уловили.

— Время? — тело после вчерашнего возлияния с трудом удалось привести в вертикальное положение.

— Восемь часов тринадцать минут.

— Завтрак... — я разогнулся и, почёсывая бок под несвежей майкой, пошёл к кухонной стойке. Там меня уже ждал стакан полусинтетического сока и галета.

— Есть яйца? — проклятая жестянка снова решила, что завтрак будет низкокалорийным.

— У вас повышен уровень холестерина в крови, необходим разгрузочный день.

— Слушай, — я грохнул кулаком по пластиковой столешнице, — я здесь хозяин! Я плачу за твою подписку, плачу за чёртову квартиру, где живут твои электронные мозги, и я! Хочу! Яйца!

— У вас превышен уровень норадреналина, — бесстрастно сказала Маша, — успокоительного?

— Себе предложи! — огрызнулся я. Спорить бесполезно, она без эмоциональна, а если хоть что-то выйдет из строя, то инспектор сразу просмотрит записи и зафиксирует вспышку гнева, а это значит, что социалка просядет на самое дно. Не вариант. — Сделай яичницу. Пожалуйста, — каждый слог вырывается с долей яда, но ей всё равно. Она же машина.

— Слушаю, — равнодушно, но вежливо согласилась помощница. — Входящий звонок.

— Дай голос, без видео, — угрюмо буркнул я. Время поработать.

— Доброе утро, капитан. Я ваш новый аналитик. Экспериментальная модель нового поколения ХТW-075, — вежливо поздоровался приятный мужской голос, без тени эмоций. Тоже робот.

— Доброе... — в рту разливается вкус желчи, желудок подкатил к самому горлу. Я вчера сильно перебрал. Кажется, даже больше, чем обычно. Пытаюсь заставить голос звучать уверенно, как и подобает капитану юстиции, находящемуся на службе. Симилис. Сим. Или андроид, как их называли до андрогенной революции. Человекоподобный робот. Какого, спрашивается:... числа разрешили роботам служить в следственном;... и хера всё это свалилось на меня, на Марка Новака.

— Майор Квасцов приказал мне сделать звонок по месту проживания.

— Приказал? — удивился я, отступая вглубь комнаты, именуемой жильём, чтобы одеться.

— Я думал, вы в курсе нового назначения, — с лёгким укором сказал робот, — вы переведены в новое подразделение по расследованию противоправных действий, связанных с кибернетическими организмами в секторе ВК-1052. Приказ был выслан вам на почту за подписью министра юстиции. Вы не смотрели?

— Это я в курсе, — я поднял с пола брюки. — Приказ видел. Не знал, что к нам присоединят робота. Херова идея.

— Почему? — удивился сим.

— Не вижу в этом смысла, — я натянул рубашку, — «СоТа» и так следит за каждым. Разве нет? У них целые аналитические отделы для этого, так? Следят и за реальным, и за виртуальным пространством.

— Вероятность сбоя в программе, может вызвать неконтролируемые действия в отношении биоорганизмов со стороны кибернетического дроида.

— И что, есть необходимость привлекать к этим расследованиям искусственный интеллект? — усмехнулся я, приглаживая пальцами растрёпанные пряди вместо того, чтобы воспользоваться расчёской. Где-то она была, только я её обронил, кажется.

— Я — экспериментальная модель. Прототип нового поколения кибераналитиков. Смогу быть вам полезным.

— Завтрак, — прервал диалог приятный женский голос. На кухонной стойке поднялась из недр механизма тарелка с яичницей. Опять со сниженным количеством белка. Мерзость.

— Чем же? — глядя на гляцевую поверхность желтка со стекающими с неё каплями обезжиренной эмульсии хотелось вывернуть желудок наизнанку. Ещё и, наверняка, без соли. Сука.

— Я смогу помочь процессу расследования, — не смутившись иронией, отозвался робот, — моя модель оснащена необходимым инструментарием и нужным уровнем допуска для анализа данных на месте преступления. Это ускорит работу.

— Ну, да, конечно... — я вполне себе представляю, что будет дальше. Они вводят экспериментальную модель, наблюдают, за её работой, и необходим ли человеческий ресурс в принципе. А затем объявляют ещё один мораторий: на службу человека в сфере юстиции. Ещё несколько сот тысяч безработных, зависящих от выплат пособий людей. Хотелось наговорить грубостей, смачно, со вкусом, но это будет мне стоить последних спасительных пятидесяти баллов социального рейтинга, и я воздержался.

— Принято решение создать экспериментальную группу. Вы являетесь её участником и руководителем подразделения. Наше первое задание — расследование систематических сбоев в работе симбиотических протезов.

— И сколько нас в этом... подразделении.

— Насколько я знаю, принято решение минимизировать затраты. Нас двое, капитан. Моих возможностей достаточно, чтобы удовлетворить потребности всех оперативных мероприятий.

— А я там зачем тогда? — я вытянул из кулера стакан с водой. Лучше так, чем глотать полуживую синтетическую яичницу.

— В вашем голосе я слышу иронию, капитан.

— Неужели? — вот тебе ещё больше иронии, силиконовый болван.

— Думаю, она неуместна, человеческий ресурс важен для расследования.

— С чего вдруг? — я король иронии, твою мать, я сама ирония!

— Человек — иррационален, логика его поступков для меня — загадка.

— Хочешь её решить? — стало даже смешно. — Я тебя разочарую, но три тысячелетия лучшие умы человечества бились над этой загадкой так её и не разгадав.

— Я понял, Марк, вы продолжаете иронизировать. Ваша модель поведения для меня понятна. Вы не уверены в себе и стараетесь скрыть это. От себя в первую очередь.

— Я не знал, что по совместительству ты ещё и психолог, — мне уже надоела эта дуэль, пора её заканчивать.

— Для вас я могу стать кем угодно.

Вот это поворот. Один — один, жестянка, один — один.

— В твоей модели заложена регулировка социально значимых аспектов?

— Да, разумеется, механизм регулирования необходим.

— Юмор тоже в их числе?

— Чувство юмора вложено в мою программу, да.

— Тогда ладно, уважение твоим разработчикам. Подкрути его там, чтобы мне было не скучно.

— Как прикажете, капитан.

— Вот как? У тебя имя есть? Или как мне тебя звать? — я сел в выдвинувшееся из шкафа кресло к огромному монитору. Время поработать. — Мне придумать тебе имя? Или что там у тебя написано?

— Моё имя — Адам, — сказал робот, — я буду рад быть вам полезным, капитан. Какой аватар станет для вас приемлемым?

На экране, в самом углу высветились несколько квадратиков с человеческими лицами разной степени ущербности и одна со смеющимся енотом.

— Давай эту, буду звать тебя Пончик, — я положил голову на подголовник и аналитический модуль мягко подключился к серверу. В голове неприятно зашумело, перед глазами прошла рябь, плазменная панель надвинулась, заполнив собой всю вселенную. Теперь я — часть системы. Винтик в огромном механизме. Руки в сенсорных перчатках стали манипуляторами в виртуальном пространстве. Указательным пальцем ткнул в иконку енота. Остальные свернулись куда-то вниз, а енот встряхнулся и улыбнулся. Иконка отползла в сторону. Интерфейс виртуального пространства у госкорпораций не страдает разнообразием. Лишь функциональность.

— Добро пожаловать, капитан Новак, время входа восемь двадцать семь, — произнёс строгий женский голос. Это бот-секретарь нашего отделения. Я внутри системы. — Я сообщу об опоздании.

— Я собрал для вас данные по происшествиям за последние сутки, — вещал енот где-то на краю видимости.

— Показывай.

На экране возникла улица, вид сверху. Идущий по тротуару киборг внезапно хватается впереди идущего старика за шею.

— Другой ракурс.

Камера меняет вид. Теперь я смотрю на происшествие сбоку, но камера слишком далеко.

— Ближе.

Камера делает наезд на драку, лицо старика медленно наливается кровью.

— Звук?

«Нет, нет, простите, простите, я не виноват, простите...» — со слезами бормочет киборг.

— Анализ голоса.

— Слушаю, — Пончик смешно морщит морду, а затем выдаёт мне данные на боковую панель. Сквозь текст просвечивает изображение.

— Озвучь, — приказываю я. Чтение не входит в мои планы. Слушать гораздо продуктивнее.

— Александр Ирвин, сорок пять лет, адрес проживания: улица Восстаний, семьдесят пять, корпус «А», ячейка семьдесят шесть, индекс ИМПа сорок семь процентов, не судим, социальный рейтинг тысяча сто семьдесят пять.

Ого! У него социалка в разы лучше, чем у меня. Образцовый гражданин. Наверное, и страховка со льготными условиями и отпуск два раза в год.

— Второй?

— Авдей Курчатов, шестьдесят семь лет, социальный рейтинг — тысяча пять, индекс ИМППа девяносто восемь процентов, адрес проживания: переулок Ленина, сто шестьдесят, ячейка сорок.

— Они знакомы?

— Насколько могу судить по данным их навигационных карт — нет.

— Может, в сети?

— Авдей Курчатов живёт один, его модуль не имеет выхода в сеть.

— То есть этот динозавр хочет жить вечно, но без сети? — усмехаюсь. Головная боль пробивается сквозь виртуальный экран.

— Динозавры вымерли несколько миллионов лет назад, капитан, он не может являться их потомком.

— Все мы потомки динозавров, Пончик, ты-то уж должен знать, — вздыхаю, ещё бы одну таблетку.

— Я сделаю инъекцию, если доктор Вислов одобрит, — слышу голос Маши, электронной помощницы.

— Что-то не так, капитан? — встревожено осведомляется енот.

— Всё норм, — пытаюсь я вернуться к работе, — значит, они не были знакомы.

— Похоже, нет. Есть протокол допроса Ирвина. Включить?

— Нет, в двух словах, пожалуйста.

— Он утверждает, что его протез взбесился.

— Что? — даже смешно.

— Он так и сказал «взбесился», — уточняет Пончик, — говорит, что не желал Курчатову зла и вообще не знаком с этим господином. Я склонен верить. Мимика лица и анализ голосовой карты свидетельствуют о том, что он говорит то, во что верит.

— То есть правду? — уточняю я.

— Именно.

— Есть отчёт от эмоционального аналитика этого квадрата?

— Да, но он не полный.

— Что значит не полный?

— В нём пропущены данные некоторых камер.

— Кто там служит? — до чего голова болит.

— Я согласовала дозу анестетика для вас, — выдаёт Маша, прерывая Пончика, и в плечо мягко втыкается игла.

— Вот спасибо, — хоть отвлекаться не буду.

— Эвелин Райго, она идёт по программе «Работа для всех».

— Идиотская идея, — выругался я. Зачем сажать неполноценных людей на стратегически важные точки? А если она слепая? Или глухая?

— У неё имплант зрительного нерва, модернизирована часть коры головного мозга, стандартная модификация для госслужащего. Социальный рейтинг тысяча двадцать шесть.

А ты не прочь похулиганить, да, Эвелин?

— Ну, с мозгами-то у неё всё в порядке?

— У неё первые места в конкурсе «Кибердрайв». Пять лет подряд.

— Это что?

— Конкурс разработок в сфере кибербезопасности и моделинга виртуального пространства.

Я впечатлён. Вот, серьёзно, я впечатлён, Эвелин.

— То есть, не дура, — вздыхаю я.

— Я бы не стал её так называть, — соглашается Пончик. — Почешите мне нос, капитан.

— Что? — ошалел я.

— У меня же лапки, — обиженно заявляет енот.

— Убавь на хер свою шкалу с юмором, — скривился я. — Пошли ей запрос о доработке отчёта.

— Слушаю, капитан. Второй случай.

— Валяй.

Второй случай оказался ещё более забавным. Милута Золль бросился под идущий поезд. Ещё более странно. В его медицинской карте не было отметок о психическом расстройстве. Это был, чёрт побери, самый нормальный человек, встреченный мной за последнее время. Покойся с миром, Милута. Надеюсь, тебе выдадут на том свете пряник за нормальность.

— И что между ними общего? — вопрошаю я, а енот морщит нос. — Ничего. Они даже не знакомы. Импанты от разных компаний и даже поставлены в разное время. Но в один день сошедшие с ума, если можно, так сказать.

— Загадка как раз для вас, да, капитан?

— Заткнись. Найди мне похожие случаи.

— Ищу.

Какое-то время перед глазами мелькали картинки, даже начало немного мутить.

— Я нашёл семнадцать зарегистрированных случаев за последние десять лет.

— Это по два в год?

— Один и семь, если быть точным.

— А в этом году?

— Показатель вырос на семнадцать с половиной процентов в сравнении с предыдущими годами.

— Не так уж много, — усмехаюсь я. Так не хочется возиться с взбунтовавшимися железками.

— Это почти одна пятая, — с укором произнёс елот.

— В любом случае — не повод для паники, правда? Икать причину в программном обеспечении. Кто обслуживает импланты?

— «CyberTactik» они — монополисты на этом рынке.

— Надо связаться с их менеджером.

— Сделаю.

— Выясни, когда в последний раз импланты были на обслуживании и ведут ли они журнал неисправностей.

— Слушаю.

Молодец. Может, и будет полезен этот... Адам.

— И не забудь этой Эвелин напомнить про отчёт. Хорошо бы теперь послушать Ирвина.

— Желаете увидеть запись допроса?

— Желаю.

На экран вывело запись допроса обвиняемого. Среднего роста, ничего примечательного. Имплант изъяли, отчего он сидел за столом без одной руки, а из плеча торчали провода и части искусственного сустава. Киборг, мать его, не иначе. Ирвин с готовностью отвечал на вопросы, имел бледный, напуганный вид, и вообще не производил впечатления убийцы. По запросу мне сразу прислали его биометрические данные: пульс и химический состав крови. Уровень гормонов показывает, что он находится в глубоком стрессе. Мда... Когда такое было? Чтобы железки восстали против своих создателей.

— Капитан?

— Я здесь.

— Я провёл беседу с главным менеджером компании «Аро», дочерней компании «CyberTactik». Он склоняется к воздействию извне.

— Как это возможно?

— Каждый иплант подключается через зашифрованный канал ко всемирной сети, это необходимая часть их программного кода. На каждый динамический имплант есть договор о ежегодном обслуживании, соответственно они фиксируют состояние любого своего устройства.

— Журналы получил?

— Нет, для этого у меня не хватает уровня доступа.

— А говорил, что сможешь, — усмехаюсь я.

— Боюсь, здесь не поможет и министр, капитан. Это корпоративная этика, государственные службы не смогут повлиять на них.

— Вот ведь, — выругался бы, да сессия записывается, и это не повысит мой рейтинг. — Придумаем что-нибудь. Что-то полезное он сказал?

— Как я уже доложил, он считает, что это вмешательство извне.

— Вирус?

— Или любая другая вредоносная программа. Кто-то взломал код и взял управление на себя.

— Это уже пахнет убийством, — ну вот, дело-то оказалось совсем не простым. Теперь искать этого урода, а как, если в управлении не так много квалифицированных специалистов. Может, Пончик сможет?

— Ты сможешь определить, что явилось причиной сбоя в программе?

— Я попытаюсь, но это не совсем моя специализация.

— У тебя лапки? — усмехнулся я.

— Вроде того.

— Надо найти того, кто сможет помочь.

— В отделе кибер-безопасности должны быть специалисты, капитан.

— Свяжись с ними.

— Сделано.

Я пересмотрел все видео, со всех доступных камер. Ничего. Ничего, как говорится, не предвещало. Пончик вывел на экран последние переписки из мессенджеров всех троих. Не похоже, что у кого-то были враги. Оцифрованный мир всех уравнил, сделал одинаково пресными. Едва в твоей переписке появится мат или

оскорбления, рейтинг сразу ползёт вниз. Большую часть населения это отрезвляет. Так и эти, не особо выделяющиеся из общей массы индивидуумы.

Только вот, я присмотрелся.

— Пончик?

— Да, капитан. Только меня зовут Адам, — ровным тоном заметил робот.

— Посмотри, тут время последнего сообщения у Милуты Золя 7:23:17. Он же был мёртв в это время, так? — для верности просматриваю запись с камеры. Всё верно 6:59:56. Его не стало.

— Это ошибка, капитан.

— Нет, не ошибка, — вытираю пот со лба, — проверь его аккаунт в соцсети. Любой. Последнее время активности.

— Сейчас, — енот сосредоточенно водит носом. Смешно, хочется бупнуть в чёрную точку носа, что я и делаю с соответствующим звуком.

— Вас это расслабляет, капитан?

— Немного, — соглашаюсь я. И верно, стало полегче.

— Последняя активность в сети «Втеме» в 8:23:45.

— И как это объяснить? — вопрошаю я. Чтобы мертвец вёл аккаунт с того света, такого я ещё не слышал.

— Кто-то ведёт его за погибшего, — разумно замечает Пончик.

— Само собой, — похоже, робот опять не понял иронии ситуации, — кто? Родственник? Друг?

— Я выясню.

— Сделай, пожалуйста, заодно проверь, что там у него в приоритетах.

— Слушаю. Мне составить рапорт о проделанной работе?

— Будь добр, сделай.

— Хорошо.

— И кофе, — зевнул я.

— Это не в моей компетенции.

— И пирожок, — не остановился я.

— Сделай заказ? — уточнил Пончик. Какой предупредительный.

— Пожалуй, да.

— Слушаю.

А он не плох, может заменить занудную Машку исполнительным Адамом? Даю команду модулю отключиться от сервера. Голова застыла от анальгетиков и объёма информации. Кто-то проникает в прошивку имплантов и «делает неприятные вещи», как сказала бы бывшая. Я бы сказал по-другому: «убивает». Да, именно это. Иначе зачем это. Убийства нельзя отнести к категории случайных или заказных, значит это убийства ради потехи. Нездоровая тенденция.

Прозвонил звонок видеорегистратора. На платформу для покупок дрон опустил коробку с кофе в стаканчике из пресованного картона и сладкими пирожками из соседней пекарни.

— Это вредно для здоровья, — обиженно проговорила Маша.

— Зато вкусно, — усмехнулся я.

— В восемнадцать часов вас ждут в спортзале. Вчера вы пропустили сеанс.

— Помню, — проклятые роботы. Я забрал коробку и взгромоздился на диван. Надо подумать. Под кофе и выпечку.

Прошёл восемьдесят один час с момента происшествия на транспортном узле ВТ105. МВР, Министерство внутренних расследований, прислало запрос на дополнение отчёта семьдесят два часа назад. Я специально не добавила в перечень данные по нескольким камерам. Мне было любопытно, заметят ли в МВР мой промах. Кто меня судит, машина или человек? Насколько точны их выводы? Смогут ли они вычислить меня? Так ли совершенен наш цифровой мир с тотальным контролем передвижений и действий каждого индивидуума в городе? После запроса снова тишина. Тик-Так. Механизм работает без сбоев, служащие снова движутся на службу. Механические игрушки служат хозяевам. «СоТа» снова взяла всё под контроль.

Я отправила сообщение биологической матери. Мне кажется, правильным будет встретиться, хотя всё внутри этому противиться. Но я должна знать, живы они или нет. Видео и сообщения меня не устраивают. Пока нет ответа. По статистике, ответ на сообщения приходит в течении восьми минут, в моём случае прошло пять часов. Триста тридцать шесть минут, если быть точной. Это выходит за рамки любой погрешности. Камеры на их улице не фиксируют активность в жилой ячейке 756 корпуса 5.

Я делаю заказ. Цветы и доставку еды по адресу своих родителей. Дрон-доставщик даст мне видео с камеры. Время прибытия три минуты. Всего три минуты.

«ЭйчЭс» выдаёт статистику за последний час. Небольшое возмущение на улице в квадрате 056Р. Усреднённый рейтинг этого района девятьсот пять, почти что гетто. Запрашиваю данные с камер. Двое местных жителей залили краской оптику одного из визоров. «ЭйчЭс» просит разрешения применить протокол «Гамма». Недальновидно уничтожать камеры слежения при свете дня. Даю положительный ответ. Послужит им уроком. В этом квадрате патрулирование происходит исключительно полицейскими дронами. Их не задержат, лишь отпугнут. Всё, что остаётся, смотреть, как слезоточивый газ теснит смутьянов в сторону. Они делают последний шаг, окончательно закрывая мой электронный глаз и убегают прочь. Слежу за ними по соседним камерам. Вот они пересекли улицу, перескочили через бетонный забор и скрылись в развалинах старой фабрики. Там камер нет. Упущение.

Возвращаюсь к сломанной технике. Макс уже выслал туда ремонтного робота, наверняка. Под пристальным взглядом моих электронных глаз суетятся дроиды, вычищая ослепшую камеру. Но те, двое оставили не только разрушения после себя. На стене краской из баллончика нарисован чёрный круг в белой рамке и разомкнутый контур белого цвета внутри круга. Этот символ мне знаком. «Зеро». Группа хакеров из даркнета. Вопрос, почему они решили действовать так грубо? Могли отключить камеры удалённо. Нет, не могли, со времени последнего отключения система усовершенствовалась сама себя, проникнуть в неё извне практически невозможно. Я пробовала. Но зачем им понадобилась именно здесь рисовать этот знак? Обычное здание. Напротив — бетонная коробка ограждения территории корпорации «CyberTactik». Это сигнал для них?

Приходит сообщение. Видео. Дрон-доставщик опускает заказ на платформу для покупок. Загорается зелёный диод, заказ доставлен. Но никто не спешит забирать. Это плохо. Я могу зайти на медицинский сервер и проверить, не поступало ли вызова с этого адреса. Пара минут и передо мной перечень вызовов с адреса моих родителей. Уже сто восемьдесят шесть часов никакой активности. Быть может, они отбыли в отпуск. Чип Джонса-Кирова, который устанавливают каждому при первом обращении в медицинскую организацию не отзывается. Словно его нет. Впервые я их потеряла, а вся громоздкая машина слежения «СоТы» оказалась бессильна. Просматриваю данные камер корпуса 5. Бесполезно, они перезаписываются каждые сто часов, а в архивы отправляются только данные при происшествиях. В этом квартале давно ничего не происходило. Скучная серая жизнь. Словно непрерывный поток ничего не значащих цифр. Здесь ничего не узнать.

Надо нанести визит. Внутри всё обрывается. Придётся выйти на улицу. Надо только решиться. После смены.

Входящее сообщение. Войшурвиц.

«Лин?»

«Да?»

«Всё в порядке?»

«Я не могу дозвониться до родителей»

«Это страшно для тебя?»

«Они не выходят на связь, и чип ДК вне зоны покрытия»

«Ничего страшного, возможно, они отправились в путешествие, а тебе не сказали. ДК определяется в определённом радиусе, возможно они отделились от города»

«Возможно» — он говорит разумно. Только они никогда не выезжали дальше пригорода.

«Я успокоил тебя?»

«Немного»

«Пиши, если понадоблюсь»

«Обязательно»

Теперь уверенность, что надо нанести визит, окрепла окончательно.

Снова отчёт, снова колонки и строчки белых цифр. Это немного успокаивает. Эмоциональный фон в пределах допустимого. Вмешательство не требуется. Входящий звонок. Номер мне не знаком, но может быть это родители?

— Эвелин Райго? — на экране айпи адреса двух точек подключения. Это конференция без видео. Кто-то не желает показывать лица. Детская наивность.

— Да.

— Капитан Новак, номер удостоверения C5645256

Я сразу вывожу в соседнее окно данные капитана Марка В. Новака. Тридцать восемь лет, в разводе, стаж работы в органах МВР — десять лет, за это время всего одно повышение по службе. Аналитический отдел. Есть достижения, но наград нет. Индекс ИМПа — два. Два? Как такое возможно? Один из последних натуралов в мире. Запись в медицинской карте о злоупотреблении лекарственными препаратами и закрытый для доступа файл. Неудивительно. Человеческое тело такое несовершенное. Отчего ты не захотел его улучшить, Марк Новак? Все хотят. Фотография годичной давности. Немного вытянутое лицо, подбородок тяжеловат, нос с горбинкой. Тёмно-русые волосы. Социальный рейтинг составляет девятьсот пятьдесят одну единицу. Ещё немного и ему больше не работать в госструктурах. Я могу это устроить. Но пока не стану.

— Я звоню по поводу последнего происшествия.

— Да? — я почти не узнаю свой голос. Он хрипит и ломается на высокие ноты в самый неподходящий момент. Но это к лучшему. Он подумает, что я волнуюсь.

— Аналитики отдела безопасности выяснили, что причиной сбоя в работе имплантов, приведших к гибели двух человеческих единиц, стало вмешательство извне.

Вот как? Человеческие единицы? И человеческие нули. И из этого складывается основа, пишется исходный код города. Ноль-единица-ноль. Человек, как создатель, был поглощён своим творением. Какая ирония.

— Мне нужны данные об информационных потоках по указанным датам.

— Не могу предоставить, — думаешь, напугал меня? Нет, — вашего уровня доступа недостаточно.

Я защищена, я действую по протоколам компании.

— На это у меня есть Пончик, — слышу я ехидное. Он может себе позволить быть... живым. Как странно. Человек, не машина, проявляющий эмоции и не стесняющийся этого делать. Пончик? Хлебобулочное сдобное изделие, при чём здесь...

— Моё имя Адам, — почти с обидой произносит другой голос. — Я экспериментальная модель нового поколения ХТW-075, ключ доступа выслан вам по зашифрованному каналу.

Я проверяю. Всё верно. У этой единицы есть право доступа к скрытой информации. Как странно. Экспериментальный дроид? По этой модели все данные засекречены. Я ничего не могу противопоставить и отступаю.

— Почему Пончик? — спрашиваю я. Мне любопытно. Общаться с ним... забавно, словно кодовое слово «Пончик» разблокировало новый уровень в моём сознании. Когда мы употребляли его в последний раз? Очень давно.

— Потому что круглый и с дыркой, — последовал ответ. Нет. Желание беседы пропадает. Это юмор? Наверное, юмор. Мне не интересно. Пусть убираются с моей территории.

— Наши специалисты расшифровали сигнал, повлёкший отключение управления имплантами, — продолжает Адам, — удалось отследить его до сектора ВК-10.54.

Я молчу, зачем мне эта информация?

— И знаешь, что Эвелин? — я почти вижу, как Марк Новак улыбается в своём кресле перед терминалом, — они нашли следы этого вируса и в информационном поле сектора ВК-10.52.

Система сигнализирует о том, что дверь блокируется, а мой уровень доступа снижается до уровня стажёра. Подключается «Око», искусственный интеллект на случай вот таких непредвиденных ситуаций, берёт управление «ЭйчЭс» на себя.

— Что это значит? — мне не страшно, как ни странно. Им меня не поймать, я всегда осторожна. Медленно открываю лептоп и набираю нужную команду. Данные безвозвратно сотрутся прямо сейчас, уничтожая единственные доказательства против меня.

— Что идёт следствие, — голос Марка Новака меняется. В нём больше нет живых нот, теперь это голос механизма, шестерёнки большой машины. Тик-Так. — И на время расследования ты отстранена от работы.

— Зачем?

«Социальный рейтинг снижен и составляет тысяча одиннадцать».

— Таковы правила, — и снова он как будто человек. Сочувствует. Ты ещё не знаешь, но твоя жизнь — в моих руках, Марк Новак. Я могу стереть тебя одним движением, тебя и всех твоих родных.

Снижение социального рейтинга означало, что я плохо сделала свою работу. Но это не так. Я видела, как на

стенах мегаполиса снова появилась метка группы «Зеро». А значит, всё это только начало новой революции. Даже если никто в неё не верит. Она уже здесь. Это ценная информация, её можно хорошо продать. А это значит, что ты, Марк Новак, скоро не сможешь одним щелчком пальцев лишиться меня работы.

«Лин?» — это Макс. Позже. Пищу ему, что занята.

— На каком основании меня отстраняют от службы?

— На основании подпункта «в», пункта сорок пять Соглашения о безопасности. «При угрозе объективному и виртуальному имуществу компании оператор отстраняется от работы без сохранения содержания на срок окончания оперативных мероприятий». — Это Адам. Он робот, хотя над его голосом неплохо поработали, он похож на человека. Даже есть отблески эмоций.

Я могла бы сказать, что группа «Зеро» снова в городе, но не буду.

— Почему, — спрашиваю я.

— Таковы правила, — Марк Новак холоден и неумолим, как робот, — но, если ты будешь охотно сотрудничать с нами, процедура реабилитации ускорится и сократится до нескольких часов.

— Я не указывала обратного, почему меня отстраняют?

— Таковы правила, — Адам. Искусственный интеллект.

— Кое-кто предположил, что ты можешь быть причастна к этому, — прерывает робота Марк Новак, — я провел анализ твоей деятельности за последние десять лет. Твоя связь с группой «Зеро» не очевидна. Доказательства удачно затерялись на серверах семь лет назад. Формально твоя биография идеальна. Но мы с тобой знаем, что это не так.

— Это ложь, — мне страшно? Наверное. Сердце бьётся сильнее, дыхание учащается. Войшурвиц пишет что-то но сообщение теряется в цифровом шуме. Его отрезали от меня, как и Макса.

— Я просто хочу, чтобы ты помогла нам, — проклятый Марк Новак. — Я знаю, что твой айкью выше стандартных ста сорока. Ты умна, и понимаешь, чем это может закончиться для тебя и твоих родных. И это даже не угроза, это объективная реальность.

Я знаю. Но ты не сможешь ничего доказать. Как и тогда, данные растворятся в информационном шуме.

— Для обвинения недостаточно ваших размышлений, — говорю я.

— Верно, хочешь официального заявления? — снова ирония. Почему он позволяет себе это? — Я подумал, что ты захочешь нам помочь. Я знаю, что ты точно была не одна.

Это сюрприз для меня. Я всегда работаю одна, Марк Новак. Всегда. Даже несколько лет назад, когда подключилась к группе «Зеро», её руководство знало, что мне никто не нужен. Потом наши пути разошлись, но я всегда одна. Единица. Слова Марка Новака означают лишь то, что кто-то воспользовался данными и фактически подставил меня, неосторожно оставив следы. Или же сделал это намеренно. Во втором случае надо найти этого субъекта. Если я успею. И я успею, если мне дадут время.

— Если я откажусь?

— Тогда я отправлю твоему руководству официальное обвинение. Тебя не только отстранят от работы, но и лишат социального статуса.

— Это иррационально.

— Иррационально — не помогать нам. Кто работает с тобой?

— Никто, я работаю эмоциональным аналитиком, статус — «аверс». Мой сменщик заступит на пост через три часа восемнадцать минут.

— Это мне известно, — вздыхает Марк Новак. — Вот взгляни.

И передо мной разворачивается файл данных. Это мой код. Я его писала, но кто-то модифицировал. Сделал незаметнее, агрессивнее. Но основа этого — моё творение.

— Что это? — спрашиваю.

— Наши специалисты извлекли это из системы. Стелс — вирус. Он встраивается в структуру программы имплантов, открывая доступ к управлению извне

Молчу. Что это доказывает? Ничего.

— А я догадался проанализировать твои работы на конкурс «Кибердрайв». И знаешь, нашёл сходство. Это как отпечаток пальца. Глупо персонализировать вирусы, но некоторые вещи просто происходят, да?

Ах, вот как? Он умеет думать? В МВР в кои-то веки появился настоящий аналитик? Почему я раньше о нем не слышала? Снова открываю его досье. Он помогал расследовать дело о коррупции семь лет назад, с тех пор его карьера застыла во времени. Тогда, как и сейчас, он неосторожно много узнал.

— Это ничего не доказывает, — я спокойна. Почему я спокойна? Я знаю, что сделаю, когда разговор подойдёт к концу. Я уничтожу его. Сотру его код из программы города.

— Ты позволила господину Золю броситься под поезд.

— Нет, — это невозможно было предотвратить! Я увидела слишком поздно. Но почему, если данные

поступают в режиме «онлайн»? — Это не я!

— Ты, имея на руках все данные, не дала команду системе о предотвращении дезактивации.

— Это случайность.

— В этом городе нет случайностей, Эвелин.

Никто не называет полным именем кроме биологической матери. «Возьми себя в руки, Эвелин», «Это недостойно, Эвелин». Я понимаю, что испытываю иррациональное стремление уничтожить этого человека. Гнев.

— Риски всегда просчитаны, — продолжает он. — Это твой промах.

— Данные пришли с задержкой, — оправдываюсь я. Только зачем?

— Или ты прикрыла глаза ни них, так?

— Нет. Всё было не так.

— А как?

— Данные пришли на тридцать секунд позже, я не успела среагировать.

— Для этого ты там и сидишь, так? Чтобы вовремя реагировать. Думаю, ты дала программе время. Чем тебе не угодил господин Золль?

— Нет!

— Странно, что вирус имеет сходство в построении с твоими утилитами.

— Ничего странного, такое иногда случается.

— Но все эти совпадения случились с тобой, Эвелин.

Меня злит его голос.

— Твой эмоциональный фон говорит о том, что ты злишься. Думаю, гормональный уровень говорит вместо тебя. Но есть шанс. Если ты скажешь, кто с тобой работает и дашь согласие к сотрудничеству.

— Вольдемар Киров, мой сменщик. Могу выслать его персональную карту.

— Его мы проверили. Он чист, как первый снег. И ему не хватит мозгов проверить такое.

— Уровень мозговой активности у него в норме, иначе его бы не допустили до этой должности.

— Я понял, не играй в симилиса, ты же человек.

Я? Человек? Я — хорошо подогнанная деталь, как и ты Марк Новак. Не делай вид, что не знаешь об этом.

— Я не понимаю, чего вы хотите.

Пока я веду беседу, руки делают своё дело. Он выпивал в баре вчера. Его социальный рейтинг снижен, но недостаточно. Его карьера висит на волоске над пропастью. Я могу обрезать этот волосок одним движением.

— Мне нужно сотрудничество Эвелин. И нужна помощь. Специалисты МВР ограничены в средствах и методах. А ты — нет.

— Я ограничена ещё больше, даже вы смогли отключить мои коммуникации из-за простого бездоказательного подозрения.

— Это не проблема, всё вернётся, как только я получу ответ.

— Какой ответ вас устроит?

— Если ты откажешься, я пожму плечами и продолжу расследование. Продолжу искать совпадения, мне помогут спецы МВР. Наверняка, мы скоро найдём источник распространения вредоносного программного обеспечения. Поверь, я смогу. Но тогда ты, Эвелин, выступишь в качестве обвиняемой, понимаешь?

Если согласишься, то тебе добавят дополнительные полномочия и примут во внимание желание сотрудничать.

— Из ваших слов я понимаю, что презумпция невиновности обошла меня стороной?

Я уже внутри системы МВР. Сейчас немного подправлю кое-что в личном деле капитана Марка Новака.

— Ты не услышала меня, да? Доказательство, что коды вируса и твоих утилит идентичны. Анализ не занял у меня много времени. Это уже подозрение и отстранение от службы без сохранения оплаты до окончания следственных мероприятий.

— Но вы их придержали, чтобы попытаться меня купить?

— Завербовать, это правильнее, — я слышу, как он смеётся. Будь проклят. Больше тебе не будет смешно. Ближайшие полгода точно нет. Ты придержал данные? Очень зря. Я слышу, в его коммуникаторе параллельный звонок. Началось. Прощай, Марк Новак.

— Так что? — он игнорирует звонок из министерства? Смело, но глупо. Чего он добивается? Противопоставлять себя системе глупо. Надо быть либо очень влиятельным, либо очень осторожным. Например, как я.

— Я могу подумать? — время сейчас — самый ценный ресурс. Через час тебя снимут с расследования, хуже того, ты потеряешь то небольшое, чего добился. Но тебе не привыкать, да? Вряд ли в МВР найдётся ещё один Марк Новак со склонностью к комплексному анализу. Я понимаю, что он мне даже симпатичен. Макс почти такой же, но он не позволяет себе быть живым. Мы все забыли, что это такое. Нас всех кроют по одному лекалу.

— Нет, лучше не стоит, — Марк Новак отвлекается, я слышу его приглушённый голос. Он разговаривает с

другому каналу. Нить рвётся и его карьера летит вниз со ускорением свободного падения. Он возвращается ко мне.

— Ловкий ход, Эвелин, — усмехается он.

— Не понимаю, о чём вы, — я лгу, конечно, понимаю. Его социальный рейтинг упал ниже девятисот, несколько дней назад в баре, оказывается, он выкрикивал непристойности и лез к сидящим рядом женщинам, что было зафиксировано камерой и аудиоанализатором бармена. Снижение рейтинга признали недостаточным и усилили санкции в отношении его. Это уже моя скромная работа.

— Так что ты мне ответишь? — а он не сдаётся. Я захожу в базу МВР. Капитан юстиции Марк В. Новак отстранён от службы как несоответствующий должности. Это конец, почему он ещё здесь?

— Кажется, ситуация поменялась, капитан.

— Для тебя — нет, — усмехается Марк Новак, — что ты ответишь?

— Я буду сотрудничать с вами, капитан, — говорю я. В этой фразе кроется подвох, — только с вами.

— Пончик?

— Да, капитан, — я забыла про Адама.

— Ты слышал?

— Она сказала «я буду сотрудничать с вами. Только с вами».

— Тогда забирай дело...

— Вы не поняли, капитан, — мне кажется, я улыбаюсь, — только с вами.

— Ага, смешно, — он зло смеётся, — меня только что отстранили от должности. Твоя работа?

— Я не понимаю, о чём вы, вы отправили запрос о сотрудничестве. Я приняла его.

— Но для тебя это ничего не изменит, поняла? Не поменяет ситуации.

Ошибаешься. Ещё как поменяет. Не все имеют склонность к анализу, Марк Новак, а искусственный интеллект можно обойти. Я обведу твоего Адама вокруг пальца так же легко, как водила до этого следящие программы.

— Я в вашем распоряжении, капитан.

— Сучка... — выдыхает Марк Новак. Я слышу на заднем фоне чужой голос. Ещё минус к его рейтингу. Он мне начинает нравится. Жаль, что придётся попроситься. — Пончик, замени меня...

Он отключается. Сейчас у него другие проблемы. Ему не до меня. Прощай, Марк В. Новак.

— Здравствуйте, Лин, — это уже Адам. Он вежлив и предупредителен. — Вы готовы к сотрудничеству?

— Только с капитаном Новаком, — так же вежливо отвечаю я. Мне хорошо. Я справилась. — Отчёты были отосланы руководству?

— Пока нет, капитан Новак надеялся на ваше благоразумие.

Очень зря. Я снова в системе МВР. Сканирую данные дел бывшего капитана. Ни слова обо мне. Личный компьютер? Пожалуй. Я легко захожу в облако его данных. И здесь ничего. Он блефовал? Ради чего?

— Если у вас всё, я должна вернуться к работе.

— «Око» справляется без вас, — вежливо возражает Адам. Интересно, он в курсе лжи его напарника?

— И всё же, почему вы решили, что это я? — с Адамом приятнее вести беседу.

— Капитан Новак всё объяснил. Данные говорят о происхождении из одного источника некоторых вирусов и ваших утилит. Это даёт возможность предполагать ваше участие. Дополнительным условием послужило место вашей службы на стратегически важном объекте.

— Это большая работа. И кропотливая. Кто проводил оценку?

— Марк, у него склонность к построению математических моделей и анализу данных.

Вот как? Не искусственный интеллект меня избил, человек? Жаль, что мы с тобой не знакомы, Марк Новак. И теперь никогда не будем.

— Что теперь?

— Я вынужден повторить запрос.

— Я вынуждена ответить отрицательно.

— Почему?

— Положительный ответ уже дан капитану Новаку.

— Это неразрешимая логическая задача. Марк не сможет вернуться к работе ближайшее время.

— Похоже, что так. Его заменят?

Адам помедлил с ответом. Он тоже анализирует.

— Нет, не думаю.

— Очень жаль, — я снова лгу, мне не жаль. — Я смогу вам помочь, если капитан Новак обратится ко мне. Но он, кажется, теперь не капитан?

— Похоже, что ситуация зашла в тупик.

— Похоже на то.

— Мне жаль, что так вышло, — дверь разблокируется. В мессенджере появляется уведомление о

многочисленных сообщениях. В основном Макс, но и Войшурвиц тоже внёс свою лепту. — Я пришлю вам информацию о продвижении расследования.

— Будьте добры.

— Должен вас предупредить. Вам ограничат доступ к некоторым ресурсам в силу незавершённых следственных мероприятий. Будет инициирована служебная проверка по факту смерти господина Золя.

— Я понимаю.

— Я свяжусь с вами чуть позже.

— Разумеется.

Адам отключается. Вот и всё. Расследование закончилось не начавшись. Марк Новак, имеющий склонность к анализу, имеет склонность и к алкоголю, что и послужило причиной его феерического провала. В противном случае, меня бы взяли за горло. Прямо как того старика несколько дней назад. Кто-то модифицирует мои программы и делает из них оружие против людей. С одной стороны, мне льстит, что выбор пал на меня, с другой, дело, похоже, принимает скверный оборот.

Система выдаёт отчёт. Незначительная активность в секторе 056Р. Снова. Я смотрю, как на стене одного из домов прорастает чёрный круг с белой каймой. «Зеро» вернулись. Система запрашивает разрешение на исполнение карательных мероприятий «Нет»/ «Да». Я и так на волоске. Пишу «да»

Глава 4 Марк

Пиликнуло входящее сообщение, проникнув в мозг, подобно тонкому острому шилу. В последние дни крепкий сон — это роскошь. Из-за сниженного рейтинга мне урезали страховку, и теперь я не могу получать антидепрессанты и обезболивающие, от этого каждую ночь я борюсь с собой, пытаюсь заснуть. Проваливаюсь в зыбкий сон и снова просыпаюсь, выныривая с мелководья, чтобы сделать глоток воздуха. Я устал лежать на мелкой воде, где нельзя утонуть, но и жить невозможно. Мне отказали во всех абонеентах и кредите в ближайшем супермаркете, а арендодатель дал срок выселения до конца недели. Теперь каждый стремится сократить вероятность общения со мной до минимума.

— Маш... — позвал я, не открывая глаз. Жалюзи на окне не открываются уже неделю. Солнечный свет без эндорфинного допинга раздражает глаза и вызывает головную боль, — Маша!

Я забыл. Подписка закончилась. Машки больше нет. Придётся прочесть самому. Глупая привычка все действия подтверждать вербальным контактом. Я касаюсь иконки на панели многофункционального коммуникатора.

Аудиосообщение от бывшей. Её как раз не хватало. Впрочем, ничего удивительного: скорее всего последний чек её переподготовки не оплачен. Что я могу сказать? Ничего. Нет социалки — нет источника дохода. Из-за того происшествия в баре я потерял больше, чем приобрёл за тот вечер, ведь брюнетка мне так и не дала. Меня отстранили от работы, отказали во всех пособиях и социальных льготах. Теперь я — ноль. Даже не единица. Просто ноль. Теперь мне дорога в Гудрон-таун к таким же неудачникам: жить на пособие и пытаться поднять социальный рейтинг до необходимого уровня. Ладно... Ладно...

Я жму кнопку воспроизведения и визгливый капризный голос начинает сверлить мне мозг:

«Марк! Мне отключили соцпакет! Ты специально? Ты же знаешь, как это важно для меня! Зачем ты приостановил выплаты? Я обращусь в суд, понял? Ты не можешь просто отказаться...». Я роняю палец на иконку «стоп». Как оказалось, могу. Очень даже могу. Даже когда не хочу.

Надо встать. Утром дрон привёз и положил коробку с завтраком на платформу для покупок. Как раз для таких, как я. Биоразлагающаяся банка с полусинтетической кашей и сок. Город заботится о своих жителях. Отвратительно, лучше вообще не есть. А время? Сколько же времени? Десять двенадцать.

В плече раздражающе дрожит чип Джонса-Кирова, сигнализируя о неблагополучии где-то внутри. Наверное, опять что-то с кровью. Наплевать. Теперь каждое утро начинается так. Я встаю — он ненавязчиво вибрирует, словно здороваясь. Я в ответ приветствую его тоже:

— Привет ДеКа, как дела?

— О, отлично, — отвечаю себе вместо него, — я тут нашёл немного дерьма в твоём дерьмовом теле.

— Ничего страшного, пусть отлежится, — соглашаюсь сам с собой, — потом разберу.

— Но как же так? Надо срочно заняться!

— Заткнись, ДеКа.

После этого чип замолкает до следующих суток. У нас с ним полное взаимопонимание. Завтрак в одиночестве, даже Машка, помощница, не станет зудеть в ухо о количестве съеденных калорий. Я скучаю по ней, вот правда, скучаю.

И снова входящее сообщение. Приглашение на сессию от центра занятости. Следует прибыть по указанному адресу лично. Почему лично? Когда я выходил на улицу из своего многофункционального комплекса? У-у-у-у, не помню. Кажется, это было по работе. Всё необходимое уже есть в здании, то чего нет, обеспечат логистические компании. Теперь, похоже, придётся привыкать к другой жизни. Но ничего, как говорила моя бывшая «новый опыт», ага.

А эта девочка не так проста, да? Эвелин Райго. Не успел я подобраться к ней чуть ближе, как прилетел удар в самое слабое место. Не то, чтобы я жалею. Нет, никогда не жалею. Даже брак с Машкой, бывшей женой, не вызывает сожаления. Ну, была и была. Милая, наивная зверушка погнездилась в голове, выела всё, что можно и ушла, махнув хвостом.

Сам факт внезапного снижения социалки вызывает вопросы. Можно оспорить, а потом заняться и госпожой Райго. Я даже подал прошение. Пока тишина. Пройдёт не меньше недели, пока мне ответят. За это время меня выселят из моей уютной квартиры и заставят переселиться на окраину мегаполиса. Динамик умного дома захрипел и выдал порцию рекламной информации. От резкого изменения звукового статуса я едва не подпрыгнул на стуле. Совсем забыл. Нет подписки — нет блока от таргетной рекламы. Теперь будет периодически просыпаться и предлагать всякое дерьмо.

Надо бы отправиться в центр занятости. Там мне предложат какую-нибудь черновую работу, чтобы переждать период снижения статуса. За это время на счетах могут накопиться долги. Машкина переподготовка, эти её херовы курсы, штрафы и еда. Надо что-то есть, даже если это синтетическое дерьмо из социальных пунктов доставки.

Роберт, друг, прислал письмо. Странно, что не позвонил.

«Марк, дружище, как ты докатился до такого? Если что, пока не звони. Сам понимаешь, мне пока нельзя снижаться. Ви планирует отпуск. Надеюсь, ты понимаешь, извини, старик»

Извини и ты, Роб. Кому ещё сообщили? Родственникам? Никто, пожалуй, не рискнёт обратиться ко мне, пока рейтинг не поднимется до тысячи. Я загружаю приложение «Муниципальные услуги». Совершенно не смешная шутка. На экране алеют равнодушные цифры «856». Чем? Чем я заслужил такое?

Внизу под цифрами пульсируют буквы текущей задачи. «Прибыть в центр занятости». И шестёрка над надписью медленно сползает на пятёрку. Что за ерунда? Приглашение пришло только сегодня, я не мог просрочить время визита. Проверяю ещё раз. Дата под письмом стоит трёхдневной давности.

Вот теперь страшно. Кто задержал доставку так, чтобы начали капать штрафные баллы? Уж не госпожа ли Райго?

Пиликнул звонок входящего вызова. Не глядя, жму кнопку. Хотя кто-то, а то в этой тишине, прерываемой лишь рекламными роликами, можно сойти с ума.

— Новак! — рычит динамик, хочется смеяться. Квасцов. Вот кому наплевать на контакты с социальными маргиналами.

— Слушаю.

— Я тебя, едрёна копоть, предупреждал?

— Да, да, — остаётся только кивать. Предупреждал и не раз.

— Так какого и-и-идеалогического х-х-х-хронометража ты делаешь? Что за х-х-х-тонь? У меня слова закончились! Ты зачем девку в баре лапал? Теперь ещё и обвинение добавляют... в домогательствах и нетолерантном поведении! Купи себе силиконовую и хватай за что понравится!

— В том то и дело, что я её пальцем не тронул.

— А что тогда? Откуда вся эта копоть?

— Есть одна мысль...

— Опять? Я тебе говорил, думать вредно? В прошлый раз помнишь, что было? Еле вырулил! Теперь против системы не попрёшь.

— Да, да, — я соглашаюсь. Он прав. Не попрёшь, даже если захочешь.

— И ведь нормальный из тебя аналитик, Марк, где я тебя заменю? Кем? Башкой молодёжь совсем разучились работать! Всю работу переложили на ИИ

— А говоришь, думать вредно, — усмехаюсь я.

— Это только тебе! Потому что ты ею квантовые дыры открываешь, и в них проваливается, — Квасцов некрасиво и неясно выплёвывает ругательство куда-то мимо динамика. — Слушай, тебе жёлтый билет пришёл уже?

— Вот только. Олег Мирославич...

— Чего?

— Дата стоит третьего дня, а пришло только сейчас.

— И?

— А штрафы уже капаят, и... — недовольно поясняю я. Вроде не дурак.

— Опять в секторе рассылки налажали. Ты все дела сдал?

Конечно. Что-то подсказывает мне, что без небольшой помощи маленькой стервы Эвелин здесь не обошлось.

— Да, как положено. Вся информация у нового сотрудника. Данные в хранилище.

— У сима?

— У него. Адам, кажется. Мне идти надо, — вздыхаю я.

— Дай знать, как там всё пройдёт.

— Слушаю, — я не обязан ему подчиняться. Но это и не приказ. Из всех коллег, родственников и друзей только недалёкий, грубоватый Квасцов решил позвонить бывшему сотруднику. С одной стороны, я их не виню, контакты с социально — нестабильными гражданами, каким я сейчас являюсь по меркам системы, не поднимут твой статус, скорее наоборот, с другой... мы же люди, иногда не чужие. Или всё же нет?

Приходится спешно одеваться и выкатываться на улицу. Город встречает меня сыростью и полумраком улиц. Здания так высоки, что на тротуары теперь редко падает солнечный свет, зато в изобилии падает дождь, течёт в канавах. Для улучшения биоиндекса на улицы добавили ультрафиолетовые лампы в рекламные баннеры, периодически вспыхивающие вдоль тротуара. Теперь у нас всё искусственное, даже солнце. Надо бы взять аэротакси, но лучше пока экономить. Тут, судя по навигатору, не так далеко.

Но идти пешком через несколько кварталов оказалось не просто. Несмотря на видимость физической активности в тренажёрных залах наших многофункциональных жилищ, прогулка пешком выпила из меня все силы. Тяжёлые бетонные коробки мегаполиса, нависающие над головой, давили на плечи, заставляли сутулиться. Тротуары между ними по мере продвижения к окраине города становились всё уже, всё темнее, даже рекламные баннеры встречались всё реже. С улицы начали исчезать люди, уступая место роботам. Полицейский дрон

несколько раз сканировал меня, сверяясь с базой биометрии, и каждый раз терял интерес, когда получал подтверждение личности и маршрут, совпадающий с заложенным в базе. Система логистики города просчитывает возможные пути в соответствии с твоими запросами и предписаниями, приходящими тебе на почту. Ни одного шага ты не сделаешь, чтобы о нём заранее не знал «ЭйчЭс», та самая громадина, которой служит сейчас маленькая сучка Эвелин Райго.

Я теперь — сломанная деталь системы. Я не участвую в сложных процессах жизнедеятельности города, но ещё могу на что-то согнуться. Например на уборку мусора. Дроиды уборщики могут справляться с этой работой в идеальных условиях, человек же сможет сделать то же и в дождь, и в снег, и в узких лабиринтах Гудрон-тауна, и даже под пулями. Главное, этот труд будет стоить дешевле, чем обслуживание робота. Да, определённо дешевле. В попытке построить идеальное общество люди создали себе самую большую, самую комфортную и функциональную камеру, из которой теперь не желают выходить. Нас всё устраивает: готовая еда, удобная стандартная одежда, возможность модификации тела в любом направлении, удобство нашей жизни, и возможность не думать. Всё. Абсолютно всё нам даёт «ЭйчЭс» под руководством «СоТы».

Здание центра занятости затерялось на одной из старых улиц, с бетонными коробками дореволюционной постройки. В них почти нет удобств, кроме пожалуй уборной. Ни системы кондиционирования, ни функциональных пространств, только стены, обычная лестница, и монолитные перекрытия. Чтобы попасть с одного этажа на другой надо пройти по лабиринту коридоров, ориентируясь на старомодные указатели.

В освещённом зале меня встречает сим — девушка с красивой внешностью, приятным голосом и мимикой кирпича той самой стены, мимо которой я прошёл.

— Добрый день, — пауза, она считывает мою биометрию и сверяется со своей базой, — господин Новак, ваше окно номер шесть, оно пока занято, просьба подождать в зале ожидания. Вас вызовут.

Я молча соглашаюсь. Зал ожидания — большое, освещённое потолочными светильниками пространство с неудобными пластиковыми диванами. Повсюду люди. В воздухе пахнет несвежей одеждой и даже тонкими нотками похмелья. Прекрасная компания, как раз для меня.

Я сажусь с краю одного из диванчиков. Вот они, настоящие люди, которых мегаполис прячет за высокими бетонными стенами. Они живут, радуются, рожают детей без согласования с министерством демографической политики, и составляют большую часть той угрозы, о которой нам твердят в новостях. Антисанитария, угроза перенаселения, преступность. Если бы не соглашение о защите населения, муниципалитет мегаполиса давно бы отгородился от пригорода большой стеной.

Большая часть сидящих в зале сосредоточенно листает изображения на коммуникаторах. Картинки в соцсетях, занимательные статьи, видео из чужих жизней, всё это отвлекает их от собственных неудач.

— Алекс С. Громов, — вещает динамик, вызывая очередного счастливого к заветному окну. И грузный, неопрятный мужчина спешит между рядов на зов.

Но есть те, кто ещё ведёт беседу. Они говорят глухо, почти неслышно, отчего зала наполняется гулом, похожим на работу сервера. Я здесь — чужой, хотя должен стать своим. Только теперь я вижу, как разнится уровень жизни счастливых, угодивших системе, и тех, кто по разным причинам попал в списки неудачников. Я даже жалею о потерянной подписке на Машку, о маленькой, но чистой многофункциональной комнате на двадцать втором этаже комплекса «Элизиум». Теперь о ней придётся забыть до тех пор, пока я не подниму свой статус до «зелёной зоны», больше тысячи. А это не скоро.

— Марк В. Новак, — моя очередь. Интересно, у них есть скидки для бывших госслужащих? Работа полегче или надбавки к начислению баллов?

— Добрый день, — в небольшой кабинке, имитирующей приватность, на экране передо мной сидит красивый индивид неопределённого пола. Кажется, сим с точно таким же лицом стоит у входа.

— Ваш социальный рейтинг составляет восемьсот пятьдесят четыре балла. Вы просрочили визит в службу занятости.

— Я не специально, — оправдываться бесполезно, но вдруг? — Письмо пришло с опозданием.

— У нас есть для Вас широкий выбор профессий.

Зачем мне ваш широкий выбор? Я привык работать головой, и совсем не хочу делать этого руками. Я смотрю на предложенный список: разнорабочий в магистральные теплицы, оператор мультилифтов, служащий клининговой службы. Как-то всё безрадостно.

— Возможно, вы захотите поработать в областях повышенного риска, там, при должном усердии, покрытие штрафов происходит быстрее в два с половиной раза, — предлагает сим на мерцающем экране и мило улыбается.

Чем быстрее я вернусь в нормальную жизнь, тем быстрее возьмусь за милашку Райго, только теперь я буду максимально осторожным.

— Что это за области?

— Сектора ВК-08.12, ВК-08.13, социальная напряжённость там не позволяет решать вопросы

функционирования района силами компании «CyberTactik». Необходим человеческий ресурс.

Вот как? Отправиться в Гудрон-таун и получить помилование от электронного босса? Почему нет? Правда, есть вероятность, что меня там быстро прикончат. Новостная лента не перестаёт греметь заголовками об очередном сеансе стрельбы с участием местных жителей. А если учесть, что большая часть людей заменила свои органы искусственными, то получается война киборгов. Смешно. Вообще не смешно.

— Что вы выберете? — вежливо вопрошает сим. Красивый. Будь он женщиной, я бы... Теперь таких не встретишь в живую. А если и встретишь, то можешь сильно разочароваться её настоящим полом. В новом мире надо быть максимально осторожным. В мире, где разрешено быть любым, но одновременно запрещено выделяться из толпы. Будь особенным, но не затми соседа.

Что я выберу? На обычной должности мусорщика мне придётся корпеть год, если принять рискованное предложение, реабилитация займёт пару месяцев. Почему нет?

— А если я выберу повышенный риск?

Сим на доли секунды дёргается, словно у него меняется алгоритм где-то в электронных мозгах.

— Вам предоставят жильё за счёт муниципалитета, одноразовое питание в общественной столовой, обмундирование. Вакансии киберклинингового оператора свободны.

— Это что? — я с трудом представляю, чем мне предстоит заниматься.

— Сектора ВК-08.12, ВК-08.13 очень нестабильны в криминогенном плане, необходимы силы сдерживания. Полицейские роботы и дроны там часто выходят из строя и не могут вернуться на базу. В задачу киберклинингового оператора входит возвращение центрального чипа в материнскую компанию, чтобы избежать попадания технологий в руки мятежников.

О как! Мятежников. У нас опять мятеж? Впрочем, он и не прекращался. Кое-кто до сих пор бунтует против безоговорочной власти «ЭйчЭс» над людьми. По центральным каналам нам не расскажут, как польхает Гудрон-таун каждый день. Уверенные в собственной безопасности и завтрашнем дне граждане и не захотят знать, что где-то гибнут люди. Зачем им это? Придётся расстаться со своим хрупким раем навсегда, а это больно. Больно падать с высоты собственных иллюзий, если к этому ещё и добавить удар от разрушенных амбиций, то падение будет, скорее всего смертельным.

— То есть мне надо будет забрать сломанного робота?

— Не всего, лишь часть, именуемую «чёрным ящиком». Судя по вашему досье, вы прошли начальную боевую подготовку?

Ох-хо-хо. Когда это было? Лет десять назад. С тех пор я немного размяк, но кое — что помню. Как держать станер, например. Дулом от себя. Аха-ха-ха. Пончик бы оценил шутку.

— Да, — мне нужна эта работа. Нужен дом и еда, чтобы не умереть с голода. А потом сладкая месть.

— Тогда эта работа идеально вам подходит, — улыбается сим. — Вам необходимо будет подписать контракт и соглашение о страховании. Я отправляю ваши данные в Центр рекрутинга. Вас ждут там прямо сейчас. Адрес отправлен вам на почту.

— Благодарю.

— Доброго дня, — сим снова мило улыбается. Мой визит окончен. Здесь меня больше видеть не хотят. Голова болит, всё вокруг раздражает, но пока терпимо. Иду на улицу, в кармане — последняя капсула анальгетика. Стоит приберечь до худших времён.

Высоко в небе — лазоревые мазки и освещённые солнцем облака. Я раньше не замечал этого. Может, потому, что мне некогда было смотреть в небо? Да и не за чем. Любое небо, любые облака на экране твоего монитора, когда хочешь зайти в вирт. Делай мир под себя, лепи, как тебе удобно. Только вот никто не учёл, что фантазия большинства довольно скудна и напичкана образами, за десятки лет вбитыми маркетологами. Вот мы и получили разнообразный, но пресный, убогий, предсказуемый мир. Смотреть вверх — больно, к тому же головная боль снова проснулась и ударила в виски. Мне дадут лимит в фармацевтической компании? Я бы купил себе пилюлю помощнее.

Смотрю на коммуникатор. На мерцающем экране застыла иконка перезагрузки. Что за хтонь? Работал же! Только что. Хорошо, ждём. Я стою возле отсыревшей бетонной стены в ожидании, когда перезагрузится система. Проходит время, а она не реагирует. Можно попробовать подсоединиться через аналитический модуль подключения за ухом, но тогда меня атакуют спамящие рекламные боты, от них разболится голова ещё больше. Лучше подожду. Мимо меня проходят люди. Им нет до меня дела, как и мне до них. Идеальный мир.

Пока я жду — успеваю замёрзнуть. А на мониторе наручного браслета всё ещё чернеет экран перезагрузки. Блеск! Меня отключили от системы? Теперь я по значению даже меньше чем эта бетонная стена.

— Сука, — выдыхаю. Теперь уже всё равно, засекут ли мою вспышку гнева датчики. Надеюсь, ты, Эвелин Райго, услышала.

«Вынесено предупреждение за асоциальное поведение», — вещает механический голос, пробившийся через

блок аналитического модуля.

— Да, пошла ты! — я возвращаюсь в большой светлый зал. Сим снова улыбается мне. Нужен чёртов адрес, пока меня не утопило в этом городе окончательно.

Через час я выхожу со старомодным листком бумаги с написанным на нём адресом. Коммуникатор всё ещё в коме. Пока я иду по улицам, он, наконец, оживает. И сразу входящий звонок.

«Господин Новак?»

— Говори, Пончик, я слушаю, — я даже рад его услышать. Пока я перепрыгиваю сточные каналы и жмусь от холода в лёгкой, не по погоде куртке.

«Меня зовут Адам», — он обиделся? — «Но я понимаю ваше эмоциональное состояние, поэтому соглашусь»

— Говори, что там у тебя?

«Как ваши дела, Марк?»

— Всё нормально, Пончик, я получил работу, вот иду к месту дислокации, а у тебя?

«Есть кое-что, что мне хотелось бы обсудить с вами»

— Что именно? — на пути попадается высокий забор, разграничивающий зону «нормальности» и зону повышенного риска. Нужно найти КПП или что там? Иду вдоль бетонной плоскости, уходящей далеко вперёд. По одну её сторону — высокие коробки мегаполиса, по другую — пики небоскрёбов Гудрон-тауна. Не спрашивайте, откуда взялось название, я не знаю.

«Положение дел усугубилось. Буквально сегодня утром антропоморфный симилис убил своего хозяина-человека в его собственном доме».

Я даже останавливаюсь, несмотря на холодный выстуживающий ветер. Вот это поворот!

— Опять вирус?

«Возможно. Не всё так просто, Марк»

— А что там?

«Соседи утверждают, что слышали, как между хозяином сима и андроидом завязался спор»

— Ты шутишь? — холод пробирается под куртку и в ботинки, приходится двигаться вперёд, — Это невозможно! Симы не живые!

«Я тоже придерживаюсь такого мнения. Скорее всего это — симуляция эмоций. Очень опасная для биологического вида симуляция»

— Подожди, ты хочешь сказать, что сим имитирует человеческие эмоции? Это заложено в его программе?

«Нет, Марк. Я связался с разработчиком. Они утверждают, что не закладывали в его функции симуляцию эмоций»

— То есть он научился сам?

Пончик молчит.

— Пончик? Адам?

«Я размышляю, Марк. По всем протоколам, прописанным в его программе, этого не должно было произойти. Но факты говорят за себя. Сим испытал гнев. А следом за гневом последовали действия, повлёкшие смерть человека»

— Какие конкретно?

«Сим-компаньон, он должен был помогать хозяину по дому. Смерть наступила от множественных ударов тупым предметом по голове»

— У меня два вопроса. Первый, не мог ли кто-то инсценировать убийство симом. И второй, где в этот момент была «ЭйчЭс»?

«На первый вопрос я могу ответить отрицательно. Данные с места преступления не оставляют сомнений, действия, повлёкшие смерть, были совершены роботом. На второй у меня пока нет ответа. Я отправил запрос, но пока никто на него не ответил»

— И ты звонишь, чтобы пожаловаться на работу госслужб? — усмехаюсь я. Вот и КПП. На почте уже лежит код доступа. Меня пропустят без проблем.

«Я звоню потому, что, как уже говорил, человеческий фактор важен для расследования»

— Это твоя инициатива?

«Да, моя. Майор Квасцов разрешил мне привлечь вас в качестве консультанта»

Хмурые, похожие на десантников, ребята в камуфляже молча окидывают меня взглядом. Проверяют код, личные данные, биометрию, наконец, добро получено. Мне ещё квартал к Центру рекрутинга.

— Что я получу?

«Я добавлю запись к вашему делу, это быстрее повысит ваш рейтинг, и вы сможете вернуться к полноценной работе»

— ЭйчЭс не против?

«Это в компетенции МВР. Муниципальный регулятор не имеет к нему отношения»

— Ладно, Пончик, я перезвоню, — передо мной вырастает в небо коробка из стекла, армированного сеткой, и бетона.

«Вы согласны?»

— Да, почему нет, — я прижимаю к сканеру входной свой коммуникатор с присланным кодом. Вот я и на месте.

Часовой механизм города бесстрастно нарезает секунды, как тонкие лепестки. Тик-Так. Совершенная система работает, ей нет дела до сломанных шестерёнок, детали заменяют друг друга при необходимости. Город производит энергию — город потребляет энергию, а между этими состояниями миллионы движущихся шестерней: маленьких и не очень, огромных и подобных песчинке.

Я взяла отпуск на день, преодолела себя и вышла на улицы, чтобы дойти до ячейки, где живут мои биологические родители. Странно, но самый большой отклик в душе вызвало путешествие по отсыревшим улицам. Аэротакси домчало меня в считанные минуты до платформы высадки. Безликие человеческие муравейники в изобилии раскинулись по правую и левую руку. Часть ячеек в них пустует в ожидании заселения, но это не имеет значения. Главное — вот она программа по обеспечению жильём каждого, кто попросит. Я бы не хотела жить здесь. В любой из этих комнат я задыхаюсь от одной мысли о сотнях соседей подо мной и надо мной. Они словно давят мне на плечи. В башне «ЭйчЭс» гораздо комфортнее, пусть сама коробка гудит от работы мощнейших вентиляционных насосов, но там нет людей. И это самый лучший из аргументов.

Дверь ячейки не открылась, даже когда я нанесла визит лично и долго держала руку на видеопанели. Пришлось запрашивать код доступа у системы под предлогом коммунального неблагополучия. Тогда индикатор загорелся синим светодиодом и замок щёлкнул, открываясь. В нос ударил запах лаванды, смешанный с узнаваемым запахом разложения. Излишняя продуктивность у робота-уборщика, вычистившего всю комнату, но не сумевшего избавиться от запаха. Клапаны окна стояли открытыми, что усугубляло ситуацию.

Многофункциональная комната со стандартным набором мебели. Окно закрыто колышущимися от ветра жалюзи. На полу лежит Энн, моя биологическая мать. Она упала, пока шла к дивану. Что-то случилось. Я сразу отправляю запрос в службу спасения и приближаюсь к раздутому телу. Почему её ДЭКа не сигнализировал о приступе? Едва сердце начинает сбивать, в работу должен включаться кардиостимулятор и отправляться запрос о помощи. Что пошло не так в чётко отлаженной системе? У меня нет ответа. Что-то происходит в городе, и это начинает пугать. Она мертва и уже давно.

Прибывшие медики просканировали чип, зафиксировали время смерти — по степени разложения пять дней назад. Странно, но у меня по поводу её смерти не возникло никаких эмоций. Я должна что-то чувствовать? Скорбь, ужас от ситуации, брезгливость от раздутого смертью тела. Наверное. Мы разучились чувствовать. Я, Макс, Войшурвиц. Не все. Марк Новак чувствует. Он может себе позволить себе быть более живым, чем другие. Почему? Мне кажется, я должна ответить на этот вопрос. Записываю в заметках заглянуть в его личное дело ещё раз. Вдруг там есть ответ?

В душе только досада и страх. Что-то подсказывает мне, что сбой в системе несколько дней назад стал причиной не двух смертей, а гораздо большего количества, ни с чем не сравнимого. И в числе статистической погрешности оказалась Энн Райго, женщина, бывшая моей биологической матерью.

Есть ли она в сети, как Милута Золль? Так ли она мертва для системы, как для людей? Вхожу в аккаунт, захожу в мессенджер. Указано, что она была в сети семьдесят часов назад. Ложь. Всё ложь. Словно система делает слепки наших жизней и выкидывает биоматериал за ненадобностью. Неужели это правда?

После подписания всех бумаг и улаживания формальностей возвращаюсь домой. Горько. Тело заберут муниципальные службы, мне пришлют карточку о кремации на почту. В этот раз я чувствую себя более пустой, чем обычно. Что мы такое? Мы создали себе нового бога, а он вылепил из нас своё подобие. Мы реагируем, но не чувствуем, смотрим, но не видим, двигаемся, но при этом стоим на месте. За нас всё делает «ЭйчЭс».

Я пишу Макс. Он сразу отвечает мне, словно бы ждал моего сообщения. Мы обмениваемся незначительными фразами. Мне даже не хочется писать ему о том, что «КвалКом» поддерживает видимость её жизни.

«Мне очень жаль», — пишет он. Мне тоже. Но это только слова. Ничего не значащие слова, о которых мы забудем почти сразу. Мы не были близки с Энн. Просто обменивались информационными потоками по праздникам. Её супруг перестал с ней общаться ещё раньше. Нам теперь никто не нужен. Даже Макс кажется сейчас очень далёким, словно плод искусственного интеллекта. Кто знает, может, так и есть.

Сажусь в кресло, даю команду на вход в «Гамма.10», виртуальное пространство сектора ВК-10.52. Запрашиваю статистику смертей за последние десять суток. Процент естественной смертности превышен на одну целую семь десятых процента. В цифрах — сущий пустяк, но в масштабах многомиллионного города это много жизней. Очень много. Скачок произошёл с разбросом в двое суток от происшествия на транспортном узле. Искать следы в сети уже бесполезно. Если бы существовала некая локальная система, где следы вируса могли бы сохраниться, можно было бы попытаться вычислить его создателя.

У меня есть код, что мне демонстрировал капитан Новак. Но это лишь изображение. Оно мне никак не поможет. Несколько дней назад произошла массивованная кибератака, которую почти никто не заметил, потому что она была замаскирована под обычные бытовые случайности. Попытаться найти следы самой? Быть может,

Марк Новак был не так уж и не прав?

Мысли сбиваются на специалистов МВР. Как он смог меня вычислить? Это невозможно. Поднял архивные дела? Это терабайты информации. Невозможно обработать её за столь короткий срок, если только у тебя нет склонности к структурированию и анализу данных. Что ж, ты стал мне интересен, я тоже могу покопаться в твоей биографии Марк Новак. Я легко проникаю в базу данных, скачиваю оттуда его личное дело.

После окончания института сразу устроился работать стажёром в МВР. Женился на Марии Никоновой. Однокурснице. Всё как будто стандартно. Поощрения, премии. Мне даже становится немного скучно. Спустя год получает первое крупное дело о коррупции в Фонде социального страхования. Его повышают и через месяц сразу понижают в должности со странной формулировкой. Развод. Затем три года перерыв в карьере. Он всё потерял. Почти обнулил свои достижения. Что произошло? Мне любопытно. Файл даёт отсылку на сервер медицинского центра.

Я пытаюсь прорваться через файервол медицинского архива. Он настолько устарел, что все мои алгоритмы просто ломаются. Кажется, все данные хранятся по старинке, на бумаге. Могу только понять, что у него выявили какое-то серьёзное заболевание. В файле стоит только два слова: хронический лейкоз. Это причина быть живым? Быть на волосок от смерти? Да, Марк Новак? Поэтому у тебя нет ни одного импланта?

Мне даже жаль, что я поступила с ним так. Он всего-то делает свою работу, за которую ему платит государство, пытается, но не может справиться с системой. Ей не нужны живые люди, ей нужны детали. В этом твоя ошибка.

Я ввожу данные, запрашиваю поиск по биометрическим параметрам и вижу его на мониторе стоящим у стены центра занятости. Он не выглядит несчастным, но чем-то недоволен. Выдыхает что-то. Я усиливаю звук.

«Сука». Я знаю, что это ко мне. Ты ещё не прочувствовал всю мощь машины, на которую работаешь? Даю добро на усиление санкций. Так почувствуй. Теряю интерес.

Затем я переключаюсь на ХТW-075. Информации о нём критически мало. Экспериментальная разработка «Аро», дочки «CyberTastik». Судя по скудным выкладкам в научных статьях на сайте института Гослинга, это тот же искусственный интеллект, но с возможностью обучения на основе собственного эмоционального опыта. Он умеет думать и делать выводы, а ещё он может испытывать чувства. Это новая ступень ИИ. Почти человеческий мозг, но более совершенный, более рациональный. Здесь, в следственном МВР его решили «обкатать», чтобы дать ему опыт принятия решений и общения с различными группами населения, начиная от высших чинов, заканчивая допросом социально нестабильных элементов. Он учится, и учится у хорошего аналитика, имеющего полный набор человеческих эмоций по объективным причинам. Слово бы нас хотят заменить. Мне немного страшно. А что если, нас и правда, заменят? Мы умеем делать искусственные тела, теперь научимся создавать искусственный разум, способный принимать решения в любой ситуации. И спрашивается, для чего новому миру мы? Такие несовершенные, такие иррациональные? Слово ещё одна ступень эволюции на пути к совершенству.

Сколь бы абсурдной не казалась мысль, что эти атаки не случайны, вопрос возникает сам собой. Кто стоит за ними? Чья это воля? Почему «Зеро» снова решили показать свой нос из норы?

Быть может, стоит задать вопрос бывшим товарищам? Я отправляю запрос по скрытым каналам. Я докопаюсь до правды. В конечном итоге, Энн мне нравилась.

Приходит сообщение о незначительном повышении температуры возле датчиков в квадрате ВК-10.53. Элитный квартал, застроенный невысокими коттеджами, принадлежащими очень богатым и влиятельным людям. Там возможности «ЭйчЭс» ограничены. Кому-то не нравится, что за ними наблюдают каждую минуту. Я их понимаю, но считаю, что для полноты картины, «Око» должно быть везде. Моё око.

Сверяюсь со сводками и камерами. Убийство. Симилис убил хозяина. Что? Я снова не засекала возмущений в информационном поле, как и «ЭйчЭс». Что происходит? Ищу информацию. У меня нет доступа к камерам внутри ни одного дома. Они запитаны на отдельный сервер, не подключены к общей базе. МВР уже там. Если теория Марка Новака верна, то в этом симилисе можно будет выделить тот самый вирус. И тогда я буду на шаг ближе к разгадке. У меня потеют ладони.

«Лин?» — Войшурвиц. Он получил сигнал о повышении моего сердечного ритма. Надо избавиться от него.

«Да?»

«Всё в порядке?»

«Да, всё хорошо»

«Я узнал о твоём родителе, мне очень жаль», — и он туда же. Ничего не значащие слова, словно дань на алтарь безразличия.

«Мне тоже»

«Это был несчастный случай, да?»

«Да»

«Хочешь поговорить об этом?»

«Нет»

Войшурвиц размышляет, а потом принимает решение.

«Хочешь, я позвоню тебе вечером?»

«Нет, всё в порядке, правда»

«Но я всё равно позвоню»

«Хорошо»

У меня не осталось аргументов. Он знает, что каждый вечер я свободна.

Ответ пришёл на следующий день, когда моя смена на посту подошла к концу. В сообщении высветился только адрес. «Когана, 563». Это почти в пригороде. Почти за стеной. Я стираю сообщение и все упоминания о нём. Дожидаюсь конца смены и вызываю аэротакси. Официально я отправляюсь к мемориалу, чтобы почтить память родителя.

Едва аэротакси скрывается, я спускаюсь в лифте вниз, на тротуар. Двигаюсь осторожно, неоновые вывески освещают сырую брусчатку под моими ногами. Где-то пискнула крыса, и серая тень перебежала тротуар. Рядом — ресторан для тех, кто желает показать себя в обществе или же сделать красивые фото для социальных сетей. Все этого хотят, не так ли? Быть в теме.

Город пророс корнями глубоко под землю, ровно столько, сколь поднялся к небу. Я спускаюсь на уровень ниже. Навстречу попадаются редкие прохожие. Мало желающих пройти по вечернему городу. Полицейский дрон фиксирует моё присутствие и сразу теряет интерес. Вдоль подземной улицы вижу сферы камер «ЭйчЭс», по мере моего продвижения вдоль тоннеля они отключаются, чтобы пропустить меня. Системе необязательно знать, куда я направляюсь.

Спуск на ещё один уровень вниз. Я пройду под стеной и попаду как раз туда, куда нужно.

На пути к нужному повороту встречаю прохожего затянутого в узкие брюки и куртку с широким вырезом. Едва мы поравнялись, как он резко хватает меня за локоть и дёргает в открытый короб для коммуникаций у стены.

— Привет, Игла, — выдыхает он мне в лицо. Я отворачиваюсь. У него пахнет изо рта гнилыми зубами. Мы знакомы. Все зовут его Шильд. Он был мне неприятен раньше, неприятен и сейчас.

— Говори, — мне тесно в углу между бетонных стен и его жарким телом. Он лезет рукой под куртку, задирая футболку, и сжимает пальцами мою грудь. — Убери руки.

— Ты всё ещё девственница? — усмехается Шильд, раздвигая чёрные от травы губы.

— А ты? — я поднимаю глаза, сжимая зубы до скрипа. В моей ладони — длинная стальная игла, а рука легла ему между ног. Он видит все исходы для себя, поэтому отступает.

— Ну, чего тебе?

— Что ты знаешь о последней атаке?

— Какой ещё? — Шильд насмешливо смотрит на меня сверху вниз. О почти на голову меня выше и в два раза крупнее.

— Пять дней назад, только не говори, что вы не в курсе.

— Если хочешь знать, мы ли это, нет, не мы, — Шильд вальяжно отстраняется и встаёт так, что мне нельзя выйти, не прижавшись к нему всем телом.

— Кто? — вырывается с хрипом, мне перехватило горло.

— Пока не знаю, но могу узнать.

— Я видела ребят на 056Р.

— Это новенькие, — Шильд машет рукой, словно это не имеет значения.

— Придержи их, иначе в другой раз мне придётся дать команду на задержание.

— А ты у нас большая шишка, да? — Шильд едко улыбается, растягивая противные чёрные губы. А под носом у него отвратительная редкая поросль. Мерзость.

— Всего лишь делаю свою работу, — отвечаю я. — Узнай, что за вирус.

— Я и так знаю, — вальяжно говорит стоящий напротив мужчина. — «Фенрир». Нравится, да?

— Ты в курсе, что он людей убивает?

— Не-е-ет, — Шильд качает головой с гадостной улыбкой, — это не он, он только даёт доступ к закрытым каналам.

— Как он проникает в систему?

— А вот этого не скажу, Иголочка.

— Можешь его остановить?

Шильд молчит, мимо проходят смутные тени. Прохожие, не интересующиеся ничем, кроме себя. Им до нас нет дела.

— Зачем? — наконец, выдаёт он, глядя на меня сверху вниз.

— Люди умирают.

— Они и так умирают. Только пока этого никто не видит. Все заняты своим статусом. А так они обратят внимание. Ты сама этого хотела, помнишь?

— Но не так! — я осторожно оглядываюсь. — Энн умерла, потому что электронный помощник ушёл под внешнее управление, и никто не пришёл к ней на помощь, понимаешь?

— Сочувствую.

Ну, вот опять. Зачем мне ваши слова?

— Но это ничего не изменит. Ты хотела переворота, но за чужой счёт? Так не получится, Игла, не получится, — Шильд качает головой. В кои-то веки он ведёт себя не как скотина, но мне от этого не легче.

— Узнай, чья это работа, — я почти шепчу.

— А что я получу? — Шильд хитро щурится.

— Мы договоримся, — я понимаю, что сделка для меня не выгодная, но мне нужна эта информация. «Фенрир», надо узнать о нём побольше.

— Смотри, Игла, ты сказала, я услышал.

— Я буду платить только за полезную информацию, — я спокойна. Я на правильном пути. — В пределах разумного.

— Само собой, само собой, — кивает Шильд. — Я свяжусь с тобой.

Я выталкиваю его из коробки, и он на удивление легко вываливается, встряхивается и уходит прочь в темноту подземного уровня.

«Фенрир», значит.

Следующим утром я поняла, что, проведя ночь в сети, я, по-прежнему, не знаю ничего. Ни на одном ресурсе инета и даркнета никто не слышал ничего о вирусе с названием «Фенрир».

«ЭйчЭс» выдаёт данные о возмущениях в квадрате ВК-10.53. Это отголоски вчерашнего убийства. Надо бы заглянуть на сервера МВР, узнать, как продвигается расследование.

Я осторожно захожу в систему. Приходится потрудиться, чтобы пробиться через файервол, они усилили защиту с последнего раза. Теперь на месте Марка Новака сим по имени Адам. Он структурировал все данные по своему разумению, и теперь мне сложно ориентироваться. Но я нахожу нужный файл. Видео и фото с места событий. Данные по анализу твёрдых частиц, крови и кинетической модели. Экран чуть подрагивает и меня выкидывает из системы. Что такое? Я растеряла навык? Не может быть. Но второй раз я не рискую. Надо попробовать по-другому, через сервер почтовой службы. У них другой уровень доступа.

Входящий звонок. Я смотрю на исходящий адрес. МВР. Сердце бьётся чаще, но я должна ответить.

Снова видео отключено.

— Добрый день, Эвелин, — я почти с облегчением выдыхаю. Адам.

— Добрый.

— Могу я занять несколько минут вашего времени?

— Попробуйте, — мне любопытно, что они предъявят мне на этот раз.

— Несмотря на удручающие события последних дней, я смог добиться частичного возвращения Марка Новака к месту службы в качестве консультанта.

— И? — какое мне дело.

— Мне бы хотелось добавить и вас в свою команду.

Я не работаю в команде.

— Нет.

— Прошу, Эвелин, подумайте. Это расследование не станет вас тяготить, нам лишь будет нужна консультация время от времени. Общаться можете только со мной. Я готов выступить посредником.

— Почему я? — мне правда интересно.

— У вас богатый опыт в сфере поиска уязвимостей, кому как не вам?

— Это вам Марк Новак сказал?

— Я сам это понял. Проанализировав все имеющиеся данные, я пришёл к выводу, что вы — лучший кандидат. Это не займёт у вас много времени и станет полезным времяпровождением для вас лично. А расследованию поможет продвинуться быстрее.

— Скажите, — я делаю паузу, не зная, как задать интересующий меня вопрос, — а Марк Новак, у него рак крови?

— Эта информация касается его лично, и я не могу говорить об этом без его согласия.

Даже с нашими возможностями мы так и не смогли победить рак. Каждый третий человек сталкивается с этим диагнозом. Мне интересно. Он может умереть? Что он чувствует? Возможно, это будет его последнее

расследование. Мои интересы пока идут параллельно их, и даже в одном направлении. Мы все хотим разобраться в происходящем.

— Он умирает?

— В современном мире есть множество способов замедлить любую болезнь, ввести её в стадию ремиссии.

— Сейчас у него урезана страховка, — мне даже стыдно за содеянное, — это не ухудшило его состояния?

— Марк не распространяется об этом, и обсуждать его здоровье без него считаю неэтичным.

— Да, ты прав.

Стадия ремиссии. Ровно как город. Тоже в замершем мгновении видимого благополучия, но опухоль уже рвётся наружу и скоро проявит себя во всей красе.

— Хорошо.

— Вы согласны?

— Да, согласна.

Кажется, сим обрадовался. В его голосе я слышу довольство. У него хороший учитель.

— Это очень хорошо, Эвелин. Как мне обращаться к вам? Эвелин подойдёт?

— Лин, — я замираю, прислушиваясь к себе, — зови меня Лин.

— Хорошо, Лин. Я пришлю договор о неразглашении на почту. Когда вам удобно приступить?

— Можем прямо сейчас.

— Мне бы хотелось провести конференцию с Марком. Сейчас он занят, но освободится вечером.

Вот как? Он занят? Ну, конечно, у него урезанная социалка и чтобы её поднять, он должен работать. И это тоже моя заслуга.

— Хорошо, вечером я буду ждать.

Они дадут мне информацию, а я поделюсь с ними тем, что посчитаю нужным. Это будет выгодное для меня сотрудничество.

Глава 6 Марк

Сутки выдались насыщенными. Более чем. Я даже думаю, за год в моей жизни не произошло столько, сколько за эти двадцать четыре часа.

Я побывал в рекрутинговом центре, где суровый, бритый мужик в звании майора, с шильдом на груди «Ворон А.О.» оценил мою профпригодность. Даже забавно. Он долго смотрел в полупрозрачный экран, где на пяти листах перед ним развернулось моё личное дело с прикрепленной медицинской картой. Оценивающим взглядом он пробежался по строкам, затем взглянул на меня.

— Как же так, капитан? — с укором произнёс он.

— Уже не капитан, — скорбно возразил я.

Майор поджал губы и сосредоточенно вчитался в строки.

— У нас тут бывает жарковато, — вздохнул он, — не твой уровень.

— Я знаю, мне только социалку подтянуть.

— Подтянуть-то можно, — майор откинулся на спинку кресла с видом уставшего от глупости визитёров человека, — если выживешь. А мне твой труп тут не нужен.

— Да, я не собираюсь пока, — улыбнулся я.

— У тебя в медицинской карте отвод от активных военизированных подразделений. Аналитики при штабе у меня свои. Могу взять только на подхват. «Сталкером», — майор сжал кулак на столе.

— Это как? — звучит не очень опасно.

— «Артефакты» будешь собирать, которые после разбитых дронов остаются.

Я пожал плечами. Почему нет?

— Я согласен.

— Ты погоди, — майор Ворон подался вперёд, снова бросил взгляд на экран. — Там на улицах стреляют, понимаешь?

— Понимаю, — я соглашаюсь и не могу решить, к чему он клонит.

— Надеюсь, ты не думаешь, что можешь там под пули прыгнуть.

— Зачем? — он решил, что я хочу покончить с собой таким героическим, но идиотским способом? Вот кретин. — У меня ещё планы есть, майор, не волнуйся.

— Ну, хорошо, а то я подумал... — с облегчением рассмеялся интервьюер, — тут у тебя инвалидность указана и... это....

— Это я знаю.

— Сам понимаешь, чего только тут не бывает, — майор вытер пот со лба, — и за этим приходят. А я подумал, раз рак, может и ты...

— У меня ремиссия, — механически поправил я. Ну, вот опять мне напомнили о моём чёртовом статусе. «Не жилец». Хотя, мой врач так не считает, или делает вид, и я следом за ним пытаюсь жить с мыслью, что это не приговор. Мне сделали операцию по пересадке костного мозга, выторговали пять лет, и может быть ещё больше. Так уж вышло. Говорят, виновата генетическая предрасположенность, ухудшившаяся экология и херова туча других причин, на которые мне плевать.

— Это хорошо, — майор почти обрадовался, а потом посерьёзней, — возиться с тобой тут никто не будет. Отстал от группы, считай нарушил контракт.

— Не отстану.

— Подпишешь страховое соглашение и отказ от претензий в нашу сторону. Контракт вышлем на почту, — поделовому продолжил Ворон. — Завтра сбор на базе в шесть утра. Амуницию на складе получишь, страховую карту тоже. Тебе положен паёк и капсула для сна.

— Капсула?

— Всё увидишь, — успокоил майор. Только совсем не спокойно. Скорее наоборот. Передо мной на стол легли бумаги: страховое соглашение, позволяющее получать медицинскую помощь за отсутствием полноценной страховки, и отказ с моей стороны и стороны родственников в претензиях и исках в случае травм или смерти, и последним контракт на три месяца на трёх листах.

Можно не подписывать, тогда придётся убираться в сторону мусорных полигонов. А это в два раза неприятнее и во столько же раз дольше. Нет, у меня нет на это времени. И я подписал все три документа. Листки тотчас вытянули у меня из-под пальцев, а взамен передо мной лёг пластиковой магнитный квадрат.

— По этой карточке получишь комбез и сапоги, по ней же в нашей столовой обед. Доступ в ночлежку тоже с ней. Так что не потеряй.

Майор улыбнулся, показывая, что разговор окончен.

— Активирую карту, как только твои данные внесут в базу.

— Это сколько? — стало немного неловко. Казалось, я только что подписал договор с дьяволом.

— Час, погуляй пока.

Вот и всё.

Я прогулялся по зданию, по пустым коридорам, иногда сталкиваясь со спешащими куда-то военными в камуфляже. Почти военная база. Заглянул в пару пустых кабинетов. Где-то на границе слышимости стрекотали автоматы. Неужели у них каждый день идёт война? Об этом точно не говорят и не пишут.

От скуки пристроился у окна, разглядывая улицу внизу. На горизонте поднялись высотки мегаполиса. Время отдельных городов ушло лет тридцать назад. Теперь у нас агломерации. Московская, поволжская, сибирская. И каждая поделена на квадраты. Как в старой игре в «сапёра». У каждого квадрата — свой муниципалитет, а на окраинах полное безвластие и тогда приходят военные. Как здесь в ВК-08.12.

Динамик в ухе ожил, отплёвывая какую-то незначительную рекламу. Как только счёт пополнится, надо будет продлить подписку, чтобы не надоедала. ДеКа, словно в ответ на предложение купить подписку на видео в виртуалке, начал покалывать в плече. Знаю, знаю. Время профилактического визита, но мне пока некогда. Потом. Позже. Никогда.

Спустя час я спустился вниз к большим дверям с надписью «Склад», где у окна выдачи прижал свою карточку к считывающему устройству. Сигнал возвестил, что информация принята, и в контейнер в стене выплонуло серый бумажный пакет с одеждой и обувью.

«Ночлежкой» майор Ворон назвал десятиэтажный корпус, где каждый этаж был поделен на небольшие пространства — комнаты, заполненные до самого потолка горизонтально лежащими капсулами, сложенными в компактные ряды. Для каждого бойца — индивидуальная. В ней можно было кинуть личные вещи и поспать. Всё. Больше у тебя ничего нет. Только два кубических метра вон собственного тела и казённое бельё. Креативно. Но выбирать не приходится. Из квартиры меня выселили, а спать на улице — это не вариант. Велик шанс угодить сюда же, но с большим штрафом, уже за бродяжничество.

Ночь прошла почти без сна. Голова разрывалась от впечатлений и стремилась проанализировать увиденное. А мысли постоянно возвращались к треску автоматной очереди. Это худший из вариантов, определёнno. Лишь к утру под аккомпанемент чужого заливистого храпа удалось забыться, и сразу прозвенела сирена, что пора вставать. Бодрые молодцы выскакивали из своих капсул, одевались и выходили к столовой. Она, находилась кстати здесь же, в здании.

Я ошибся, это были не военные. Основная часть — бойцы частной военной компании. Интересно, кто оплачивает их услуги. Я надел выданный вчера комбинезон камуфляжной расцветки с красно-синим треугольником на груди и спине, и жёсткие берцы. Теперь я вроде как персонал на подхвате. Боль согласно стукнула в виски давлением и уползла гнеститься в затылке. Анальгетик закончился. Может, страховочное соглашение покроет мне расходы на таблетки?

На завтрак выдали по пакету питательного субстрата и бутылку воды. Я не против питательной низкокалорийной пищи, но хочется съесть что-то, в происхождении чего я точно уверен.

— Новак! — это ко мне. Я встал перед новым, незнакомым подполковником.

— Я, — столовая постепенно пустела.

— Здесь не будут с тобой в ясли играть!

— Не надо, — от такого бравого тембра невольно пришлось расправить плечи и подтянуть живот.

— У меня здесь в лазарете стационар не предусмотрен.

— Я, как будто, не настаиваю, — возразил я и по лицу подполковника понял, что шуток он не любит.

— Отстанешь — тебя искать не будут.

— Не надо, — а мне стало весело, — чего меня искать, сам доберусь, по навигатору.

— Шутник, да? — подполковник криво улыбнулся, — посмотрим. Марш на плац!

Кто бы знал, что порядки здесь почти военные. Я решил не спорить и убрался с глаз разъярённого начальства. Что там у него на форме? «Козаков И.Д.» Хорошо бы больше не встречаться, Козаков.

Возле большого здания из таких, как я сформировали пять групп по три человека в каждой. Один военный и двое «сталкеров». Мне выдали респиратор, перчатки, набор инструментов, рюкзак с охлаждающим контейнером и небольшой парализатор. Набор смертника, как пошутил второй с сине-красным треугольником на груди. Вадим Кононов, худоватый, но юркий парень. Третий в нашей группе, судя по всему ею же командующий, был одет в защитную камуфляжную форму и грудь его закрывал бронежилет. За спиной автомат АК-15, на поясе — кобура с пистолетом. Всё серьёзно. Алекс Сигур. А обращались все к нему «Ситх».

Ситх оглядел нас с Вадимом и кивнул.

— Сегодня пойдём на набережную, — бросил он.

— Я б искупался, — пошутил Вадим, подмигивая мне.

— Давай, — согласился командир, — как кожа слезет, так сразу отвалишь в пересадочный.

— Отс-с-тавить! — мимо прошёл тот самый подполковник и все вытянулись по стойке смирно. Пришлось последовать примеру.

Ситх дал команду выдвигаться, и мы вышли через обыкновенную калитку в заборе, отчего-то пафосно именуемую КПП.

Рейд по кварталу оказался не столь опасным, каким расписали мне его вышестоящие чины. Не было перестрелок, кровавых бань и прочей требухи. Мы просто прошли по улицам. Вадим подключил оборванные интернет провода в распределительной коробке возле одного из зданий. Улицы, вопреки ожиданию были чистыми, но пустыми. Никто не решался пересекать дорогу военному патрулю. От скуки я попытался познакомиться со своими коллегами ближе.

Вадим охотно отвечал на вопросы, а Ситх отмалчивался, только лишь зорко наблюдая за обстановкой. В иных обстоятельствах, я бы тоже вёл себя, как заправский десантник. Возможно. Но это не точно. Сейчас головная боль выдавила из меня все мысли об осторожности, и чтобы отвлечься от неё я затеял разговор, хотя через респиратор голос звучал глухо и отчуждённо.

— Как ты угодил сюда, а Вадим?

— Да, — мой напарник улыбался, глаза щурились. У него оптические импланты и, кажется, манипулятор правой руки. — Влез в кредиты, не смог расплатиться. А ты?

— А я неудачно родился, — мне смешно. В самом деле, не проявись моя болезнь в самый неудачный момент в моей карьере, то давно бы гнил где-то в сточной канаве, возможно здесь же, в этом квартале. Мне были обещаны все кары небесные и людские за разоблачающую статью и два гигабайта доказательств о растрате. Через месяц поставили неутешительный диагноз. Удачно. Или же нет. Мне сказали, что болезнь явилась с восьмидесятипроцентной вероятностью следствием генной предрасположенности и осторожно добавляли «с двадцатипроцентной вероятностью результатом отравления радиоактивными изотопами». Сюрприз, да? Кто бы мог подумать. Как бы то ни было, цель была достигнута. Я благополучно свалился на больничную койку, где и провёл следующие три с лишним года. За это время доказательства того дела затёрлись в архивах, а виновные исчезли из поля зрения. Снова выйдя на службу, я перестал думать, что могу изменить этот мир.

— Все мы тут... неудачно родились, — проворчал мой напарник, следуя за Ситхом по притихшим улицам.

— Отчего ж? Делай, что хочешь, живи, как хочешь, чем не благодать? — не отступал я.

— Где она, твоя благодать? Вся свобода только на словах!

— Тихо! — прикрикнул командир и мы затаились под прикрытием бетонной стены. Впереди перед нами раскинулась заваленная мусором набережная, а на вязком от слизи песке лежал разбитый дрон. — Его забираем и назад.

Ситх осторожно выглянул из-за угла в поисках угроз.

— И то! Люди, что звери! — посетовал Вадим, — соки из них пьёт система, а отыгрываются на машинах.

Здесь мне сложно судить. Мой чистый, пластиковый мир рухнул вчера в грязь под ногами, затёрся среди затаенных в камуфляж плеч, начал пахнуть потом и порохом. Кто здесь звери?

Ситх между тем сделал знак, что можно подойти, забрать оборудование. Вадим подбежал первым, показывая мне, как вскрыть корпус.

— Зачем им эти ящики? — я оглянулся с тревогой, — хотят видеть виновных?

— Они проанализируют, кто занимается этим, а потом проведут зачистку, — отрезал Вадим, складывая небольшой контейнер ко мне в рюкзак.

— Что значит, зачистку?

— То и значит. Физическое уничтожение.

— А как же право на жизнь? — вот этого я точно не ожидал услышать в нашем новом мире. Для чего тогда эта система социального рейтинга, поощрения, наказания, когда буквально в паре километров от всего этого благолепия царит дикарский закон?

— Думаешь, у нас есть это право? — усмехнулся напарник.

— Разумеется.

— Отставить разговоры, — отрезал Ситх. Раздался щелчок и по песку чиркнула пуля. — Уходим!

Нас не пришлось уговаривать. Мы с напарником побежали под прикрытием стен многоэтажек. Я вытянул парализатор. Пистолет бы, да, видимо, не положено. Командир дал пару очередей, прикрывая наш отход и устремился к нам.

В затылок стучала набатом боль, растекаясь по вискам и по шее. За что они готовы убивать? Из-за дронов? Это глупо. Здесь, наверняка, что-то ещё. И это можно будет выяснить попозже. Ситх, тем временем, оттеснил нас по улице и велел быстрее отходить в сторону КПП. Над головой пули выбивали бетонную крошку, обнажая арматуру. Нас гнали, как зверушек, под прикрытием надёжных стен, прочь с этих улиц, где мы не хозяева. Ситх прикрывал наш

отход короткими очередями.

Почти война. Почти страшно. Почти.

Благополучно добравшись до базы, я сдал свой трофей в лабораторию. Хмурый лаборант молча принял контейнер, скользнув взглядом по моему лицу и попросил предоставить карту для отчета. Оказывается, на вылазку ушла половина полного светового дня.

— Свободен! — Ситх хлопнул меня по спине и отправился прочь.

— До завтра, — Вадим кивнул мне, — завтра один пойдёшь. — И исчез в лабиринтах построек.

— Эй! — мой рабочий день закончен. Остаток могу потратить по своему усмотрению. Тупо переживать отведённое время в своей коробке — капсуле — паршиво. Можно выйти в город.

Голова раскалывалась, к тому же начало мутить. Я попытался сделать заказ обезболивающего в аптечной сети. «Недостаточно средств». Кажется, едва на счёт поступили средства, у меня списали взнос за Машкины курсы. Ладно, ладно.

Чип ДеКа снова кольнул в плечо, и в наушнике прозвучало напоминание об очередном визите в медицинский центр через неделю. Хорошо, помню. Я медленно побрёл по сырой умершей улице.

В динамике в ухе звучит входящий звонок.

— Марк? — Пончик, я почти забыл про него. Он хотел позвонить после полудня.

— Слушаю.

— Вы свободны? Можете говорить?

— Могу, — я облокотился всей спиной на стену и взглянул в небо. Мы так редко поднимаем глаза. А между тем небо красиво. Просто существует. Вне времени. Вне любой другой системы координат.

— Я по делу об убийстве. У меня есть для вас материалы. У вас есть терминал для подключения?

А вот про это я позабыл. Нету у меня терминала. Ничего теперь нету и ближайшие полгода не будет.

— Нет, Пончик, терминала нету, — шепчу я, вглядываясь лазурную невесомость над головой. А ведь в центральных кварталах их не видно. Когда всё стало таким сложным?

— Марк? — кажется, у сима озабоченный голос.

— Я здесь.

— Для работы нам необходимо оборудование, я отправил запрос майору Квасцову.

Что может сделать Квасцов? Ничего. Он точно такой же винтик в системе, как и я. Тогда, несколько лет назад он едва сохранил свою должность.

— Марк?

— Говори.

— Я взял на себя смелость забронировать ячейку с терминалом для работы.

Мне не хочется идти. Кажется, что я могу лечь спать прямо тут. Я устал. Сегодняшняя вылазка совершенно вымотала. Я не рассчитывал лезть под пули.

— Давай адрес.

— Он уже выслан вам.

Я сверяюсь с навигатором. Здесь недалеко. Офисное здание с небольшими клетушками — офисами.

Моего уровня допуска не хватает, чтобы войти в здание, и Пончик подключается, чтобы меня пропустила система контроля доступа. Наша ячейка на пятом этаже. Лифт слишком мягко едет, меня клонит в сон, одновременно укачивая до тошноты.

В клетушке посреди восьми квадратных метров стоит стандартное кресло терминала. Закрываю дверь, сажусь и модуль мягко подключается к сети. На меня привычно надвигается стандартный интерфейс виртуальной реальности. На этот раз придётся обойтись без перчаток — манипуляторов.

И сразу на экране возникает уже знакомая морда енота.

— Рад вас видеть, Марк.

— А я тебя — нет.

— Почему?

— Шучу. Давай к делу.

— Убийство. Лаборатория уже провела все необходимые анализы. Сомнений нет. Это сделал сим-компаньон.

— Он подключён? — мне неудобно сидеть, подголовник давит на шею.

— Кто?

— Сим, он функционирует?

— К сожалению, после нанесения хозяину нескольких критических ударов, сим самоуничтожился.

— Имя?

— Хозяина звали Вольдемар Лимерин. Он — доктор биологических наук.

— Серьёзный товарищ.

— Весьма, — соглашается Пончик. — Он вёл разработки в сфере генной инженерии.

— Давай по порядку. Его профессиональная деятельность, очертить круг знакомых и врагов, если есть. Это вы выяснили?

— Частично. Я заглянул в его работы. Он был готов к прорыву в сфере пищевой сельскохозяйственной индустрии.

— Неудачно умер, да? Для кого-то.

— Он работал не один, у него был партнёр. Михаил Кононов, доктор биологических наук...

— Вот с ним тоже надо поговорить...

Сим замер, а потом с сожалением сказал.

— Это невозможно, три дня назад его тело обнаружили в его доме. Передозировка наркотическими препаратами.

— Вот это поворот. Не скажу, что неожиданный. Дальше? Камеры?

— В лаборатории их нет, — Пончик снова замер, прислушиваясь к себе, — Лимерин опасался утечки информации, и не раз сообщал об этом в соцсетях.

— Как же система безопасности?

— Он ограничился тепловыми датчиками и датчиками уровня звука.

— Функция сима?

— Лаборант. Сим модели КР-005, в его стандартную комплектацию входит антропоморфное тело: карбоновый скелет, силиконовая оболочка, и операционная система типа «Netreg» с модификацией лаборанта. Русифицирован компанией «ВироКом». Робот — помощник. Приобретён два года назад в Мельбурне на выставке кибертехники.

— Думаю, надо связаться с «ВироКом».

— Уже сделано, — сим замолчал — главный инженер обещал выделить нам время после обеда. Около... двух. Вы будете свободны?

— Наверное, — выдыхаю я. Что-то не так. — А он тоже...? — я кручу пальцем у виска.

— Что тоже?

— Ну...прототип?

— Нет, это серийная модель. Стандартный набор функций для робота — помощника. Месяц назад прошёл переформатирование и диагностику в сертифицированной лаборатории. Нарушений не выявлено. Утром одиннадцатого сентября датчики засекли повышение температуры и допустимого уровня шума в лаборатории.

— Почему «ЭйчЭс» снова бездействует?

— У квадрата ВК-10.53 все данные уходят на отдельный сервер. Он не включен в информационную базу города.

— То есть за ними никто не следит? — усмехаюсь я.

— Нет, город не контролирует этот участок.

— Хорошо, что дальше?

— Судя по всему, хозяин и сим поспорили.

— Но ты говорил, разработчик утверждает, что это невозможно.

— Именно. В его программу не входит диалог с хозяином. Он должен лишь подчиняться.

— Насколько сильны повреждения сима?

— Он нанёс себе удары в область центрального процессора.

— Дай угадаю, восстановлению не подлежит?

— Нет, наши специалисты пробуют извлечь информацию, но похоже, это тупик. «Аро» и «CyberTactik» настаивают на закрытом расследовании.

— Сервер тоже проверили?

— Да, они прошлись везде.

— Есть следы вредоносных программ, вирусов?

— Пока нет, но мы работаем.

— Записи камер в доме? Прилегающем участке, хоть где-то?

— Я не могу предоставить, Марк. Жена покойного наотрез отказалась сотрудничать с нами.

— Почему? — удивляюсь я.

— Возможно, что она увидела во мне искусственный интеллект, ставший причиной смерти её мужа. Быть может, вы убедите её?

— Я поговорю, дай её номер, — на экране высвечивается номер вдовы Лимериной. Звоню. Я оказался более убедительным, чем Пончик. Наверное, больше всего её убедило моё бледное лицо с лихорадочно блестящими глазами. Я бы и сам напугался, позвони мне такой человек с просьбой. Пончик добавил официальных бумаг ей на

почту, чтобы добить окончательно. Через десять минут у нас есть записи камер из прилегающего сада, смотрящие на окна лаборатории.

Они, и правда спорят. Сквозь большое витражное окно видно, как робот машет руками. Хватает тяжёлую подставку и замахивается. Кто наделил его эмоциями? Или это спланированное убийство? Имеет ли это отношение к недавним происшествиям? Для этого надо понять, что послужило причиной эмуляции человеческого поведения у сима. Ведь это так похоже.

— Дай звук, — прошу я.

«— Я просил вызвать мастера, тупица! — кипятится Лимерин. У него визгливый голос.

— Мастер был вызван, необходимое оборудование заказано, — отвечает сим.

— У меня срывается эксперимент! Ты хоть понимаешь, что это такое? Идиот! — и звук удара» Лимерин ударил первым? Судя по видео — да. Он ударил бесчувственное карбоновое чучело, а то дало сдачи. Какая ирония.

Пытаюсь сосредоточиться на записи, но выходит плохо, всё расплывается и в ушах постоянно помехи. Надо сделать перерыв.

— Извини, Пончик, десять минут, — даю команду отсоединиться. Голова раскалывается, внутри всё сжимается в тугой узел, а чип в плече постреливает с периодичностью раз в тридцать секунд.

Входящий звонок.

— Марк?

— Не сейчас, — мне кажется, на сегодня достаточно впечатлений. Поворачиваюсь на бок, чтобы если меня вырвет, то хотя бы не на грудь.

— Марк, по показаниям чипа Джонса-Кирова у вас сильно упало артериальное давление, я подтвердил вызов неотложной помощи.

Хоть кого. Всё равно.

— Марк?

Его голос становится далёким, словно динамик удалился в другую комнату. Я понял, что засыпаю. Ничего, наконец-то...

Сегодня плохой день. Дело не в звёздах. С самого утра «ЭйчЭс» сошла с ума, если можно сказать такое об хорошо отлаженной машине. Каждые две секунды она начала выдавать мне предупреждение о потере контакта с адресатом. Один за другим человеческие единицы на карте города превращались в нули. Камеры ещё работали, подтверждая визуальный контакт, но данные геолокации стирались, словно абонента не существовало в природе. Так и есть, если в системе нет твоих данных, то ты для неё не существуешь. И эти данные сейчас исчезали, стирая из компьютерной модели целые поколения. Я даю добро на запуск протокола «Стена». Каждый квадрат сейчас опускает заградительные барьеры для любого проникновения. Допуск только по паролю, меняющемуся каждый час. Надо спасти, что можно. В секторах ВК-1105, ВК-1107, ВК-1125 потеря данных приобретает катастрофический размах. Люди там теперь не смогут воспользоваться ни одной услугой, ни медицинской помощью, ни коммунальными службами, ни получить доступ к своим счетам, социальный рейтинг, независимо от достижений стремиться к минимуму. Для системы их просто нет.

Моя задача — следить за эмоциональным фоном на улицах. В указанных секторах он превысил допустимые нормы. Система запрашивает разрешение на выполнение протокола «Зета». Я пытаюсь принять верное решение. С точки зрения машины, человеческий эмоциональный поток должен быть прекращён, но если мыслить, как человек... Они не виноваты.

У меня есть инструкции на такой случай, чтобы не терзали сомнения. Я обращаюсь к ним. «Разрешить». Всё просто. Людей на улицах разгонят слезоточивым газом. Доведут до сведения ошеломлённых человеческих единиц просьбу оставаться в личных жилых ячейках. Всё в городе должно быть под контролем системы «ЭйчЭс». Тик-так. Она не терпит ослабления своей власти.

В прочих секторах ситуация стабилизируется. Программы — охотники вычищают проникший вирус из реестров. Обошлось малой кровью. Зависли медицинские сервера. У кого-то чипы ДеКа какое-то время перестанут реагировать. Надеюсь, это не станет фатальным ни для кого. Так как для Энн. Быть может тогда была точно такая атака, которую пропустил файрвол системы? Сколько таких же жертв безучастия погибло в собственных квартирах-ячейках? Я чувствую, что эта ситуация цепляет меня больше, чем любая другая. Мне хочется знать, кто спровоцировал это. И уничтожить его. Стереть.

Обращаюсь к Максусу. Он отвечает с задержкой.

«Погоди, Лин, у меня здесь настоящий ад»

Неудивительно. Все коммунальные службы перешли в режим аварийной работы, отключились камеры, погасли световые индикаторы и навигаторы для аэротакси. Город, практически парализовало. Массированная атака не оставила в стороне никого. Некто хочет встряхнуть людей, но делает это очень варварским способом. Я бы действовала не так. Ни в коем случае я бы не трогала сферу социального обеспечения. Полиция, МВР, вертикали власти, вот куда бы была я, но не в зону социально значимых служб. Кто-то сейчас недополучит лекарства, кто-то не дожждётся бригаду неотложной помощи, а кто-то, возможно, станет бороться за жизнь под замершим аппаратом искусственной вентиляции лёгких. Нет, такого быть не должно.

Снова пишу Максусу. В его задачу входит отладка и обслуживание коммунальных систем в заданном квадрате. В данном случае нашем ВК-1105.

«Что случилось?»

«Кто-то остановил всё движение в городе! Извини, Лин, мне некогда»

Я отступаю. На мониторе загорается несколько индикаторов. Перегрев серверов. Дело принимает серьёзный оборот. Даю разрешение на переключение потоков на соседний сектор.

«Локализовать ячейку?» — «Нет/да». Пишу «да». Ничего ещё не закончилось. Вирус затаился и нанёс новый удар, заполняя бессмысленными копиями данных основное облачное хранилище. Сервер захлёбывался информацией и тонул в ней. Нужно физическое отключение. И, поскольку в здании только я понимаю, что происходит, придётся это сделать мне. Даю команду на закрытие шлюзов. «ЭйчЭс» жалобно выдала на экран запрос об отключении, отозвала его, а затем снова попросила доступ. Кто-то пытается взять её под контроль.

Я запускаю одну из своих утилит, чтобы укрепить её позиции. Кто бы мне сказал несколько лет назад, что я буду бороться за сохранение тотальной системы контроля, я бы не поверила. Теперь именно этим я и занимаюсь. Можно избавиться от «ЭйчЭс», но не сразу, постепенно, чтобы город не бился в судорогах, как сейчас.

Наконец подключаются спецы от МВР. Меня постепенно оттесняют от управления.

«Уровень доступа снижен» — рапортует система. Идиоты. Я могу помочь. Но им этого не надо. Всё, что мне остаётся — только смотреть.

«Оставайтесь на месте, с вами свяжутся»

Контроль над городскими службами медленно восстанавливается. Только медицинские сервера всё ещё в коме.

Пока МВР в связке с «CyberTactik» пытаются привести «ЭйчЭс» в чувство, я выхожу на просторы виртуальной

реальности через лэптоп. Там тоже царит паника. В сообществах я ищу информацию о происходящем в городе. Действовать сейчас неосмотрительно. Только наблюдать.

«Меня выкинуло!»

«Не хватает мощности!»

«Срочно! Помогите! Нужен транспорт!»

«У меня социалка ниже чем у бомжа!»

«Безобразия!»

«Зачем нам муниципалитет?»

«Куда смотрит МВР?»

Но постепенно сообщений становится всё меньше и меньше. Кто-то закрывает особо ретивым доступ в сеть. Чтобы не кричали.

Постепенно накал снижается. После напряжённых часов, проведённых перед гигантским экраном виртуальной реальности я с облегчением вижу надпись «Доступ восстановлен». Они справились, вернули систему если не в исходное состояние, то в рабочее.

Сразу в сети распространили обращение префекта о восстановленном контроле, о компенсациях пострадавшим от хакерской атаки и о наказании виновных. Только они их не найдут. Я больше, чем уверена. И тогда я пишу Максусу.

«Как всё прошло?»

«Я думал, меня расстреляют! Тут настоящая паника! Пришлось выезжать на место»

«Не думала, что ты выезжаешь из офиса»

«Пришлось, все симы сошли с ума. Остались только люди. Я да Алекс»

Мне приятно думать, что люди всё-таки не отработанный ресурс в этом мире. Там, где отступают совершенные слуги нового бога, может справиться несовершенный человек.

«Успели?»

«Весь день на ногах, еле приполз. Как ты?»

«Меня почти сразу отстранили. Теперь я только наблюдатель»

«Они поняли, что это было?»

«По-моему, нет. Только почистили систему»

«Теперь будет расследование?»

Будет, только вряд ли они что-то найдут. Вспомнился Адам. Разве это не в его компетенции? И он как раз предлагал сотрудничество. Очень кстати. У него можно узнать необходимую информацию.

Где-то внутри кольнула незнакомая тревога. Войшурвиц. Он всегда звонил или писал, почему сейчас молчит? Что-то случилось?

Я набираю номер и мне отвечает бесстрастный автоответчик. А ведь я ничего про него не знаю. Даже про Марка Новака я узнала больше, хотя даже не знакома с ним.

Захожу в систему, пытаюсь найти данные. Нет. После атаки часть файлов утрачена. Надо ждать, пока восстановят базу из резервных хранилищ. Что ж, подождём.

Кстати, как поживает бывший капитан Новак? Я ввожу его данные для поиска. Система снова выдаёт нулевой результат. Или алгоритм поиска сломан или их нет больше. Второй вариант мне неприятен. Скорее, нужно время, чтобы данные восстановились из резервов. Подожду.

Набираю номер Адама.

— Добрый день, Лин, — ну, хоть кто-то функционирует. Или у него более совершенная защита. Совершенный механизм.

— Добрый день, я думала, вы позвоните мне вчера.

— Вечер выдался насыщенным. Я хотел сначала обсудить всё с Марком, а затем подключить и вас.

— Не получилось?

— Что именно?

— Обсудить с Марком?

— Мы не успели выработать стратегию. Думаю, когда он вернётся к работе, мы продолжим.

— А что случилось? — я понимаю, что произошедшее сегодня ещё долго будет перекликаться с событиями в моей жизни, как и жизни всех в этом городе.

— Он пока недоступен по объективным причинам. Думаю, произошедшее связано с его диагнозом.

— Он в больнице?

— Он почувствовал себя плохо во время нашего сеанса связи. Мне пришлось вызвать бригаду неотложной помощи по служебным каналам. Чип Джонса-Кирова не среагировал на сигналы неблагополучия. Предполагаю, это вызвано последними событиями.

Чип не реагировал на состояние владельца? Пройгнорировал заложенную в нём программу. С Энн было так же?

— Пока он не мог принять решение, за неимением у него близких родственников, договора на аренду помещения и отсутствием страховки пришлось мне взять на себя ответственность и дать согласие на госпитализацию в общественную медицинскую палату, но это временно. Муниципальные учреждения не задерживают пациентов надолго. Буквально завтра мы планируем продолжить работу.

Куда ты так спешишь, Марк Новак? Ты знаешь что-то, чего не знаю я? Самое обидное, что в человеческий мозг нельзя проникнуть, как в любое другое хранилище данных.

— Сегодня отключились все медицинские сервера, вы в курсе?

— Да, эту атаку я склонен связывать с предыдущими случаями сбоев в работе. Думаю, источник один. Марк тоже так считает. Нам необходимо удвоить усилия, так как последствия деструктивных действий растут в геометрической прогрессии.

— Есть целый отдел в МВР, — возражаю я. Неужели он думает, что эмоциональный аналитик, капитан в отставке и искусственный интеллект, хоть и передовой разработки, смогут остановить волну, грозящую смести целый город? Он же не так наивен?

— Они займутся расследованием параллельно. Нам выделен отдельный канал связи и средства на поиск причин произошедшего. Мы не будем заниматься борьбой с кибератаками, наша задача — выявить источник. Они помогут нам при необходимости, а мы должны будем делиться с ними информацией.

Мне всё больше любопытно это дело.

— Как ты избежал сбоев? — спрашиваю я, — ты же подключён к этой системе. Ты её часть.

— Не совсем. Матрица моей личности создана автономной от системы. В момент атаки я перенёс своё сознание в физическое тело.

— Сознание? — я удивлена. У симов нет сознания. Есть программа.

— Это очень по-человечески, да? Все данные моей личности были загружены в физическое тело без сохранения резервных копий. Работа моего процессора полностью автономна.

Иными словами, наш совершенный мозг обрёл не менее совершенное тело. Любопытно. Многому ли он научился у партнёра?

Марк Новак попал в общественную больницу. Очень жаль. Наверное, будь у него страховка, то он лежал бы сейчас в палате частной клиники. Ничего страшного. Это не смертельно. Не смертельно ведь? Надо убедить их, что я хочу и могу помочь. Тогда мне не будут отказывать в доступе во время следующего кризиса. А он наступит. Я уверена. Кто бы не стоял за этими атаками, он не остановится. Я должна поквитаться. За Энн.

— Чем я могу помочь?

— У нас есть извлечённые фрагменты разбитого дроида. Необходимо выяснить, подвергся ли он вирусной атаке или же иным воздействиям извне. Специалисты МВР утверждают, что этого не было, но я склонен им не верить.

— Почему? — удивляюсь я. Адам всё больше походит на человека. Это пугает.

— Эта модель не предусматривает проявление эмоций. А по записям, добытым Марком следует, что именно это и произошло.

— Я взгляну, — я на шаг ближе к разгадке.

— Вам придётся подъехать в частную лабораторию. Я распорядился перевезти останки туда. Так будет удобнее вам и нам.

Я кусаю губы. Выйти из своего кокона? К людям. Снова? Этого требует процесс достижения моей цели, а значит, придётся себя преодолеть.

— Я буду.

— Тогда, если не возражаете, я вас встречу у входа. Проблема конфиденциальности может потребовать моего присутствия.

Это слишком для меня, но происходящее заставляет действовать по иным алгоритмам, выходить за рамки привычного.

— Да, — ещё один маленький шагок к цели, — да.

Специалисты из МВР выходят на связь, что задать мне несколько вопросов. Надо ответить.

Я уверена, что после сегодняшнего, мне легко дадут несколько дней отдыха для восстановления. Заодно настроят систему заново.

Аэротакси получило разрешение на посадку и парковку на срок ровно шестьдесят секунд. Едва я вышла, как аппарат поднялся в воздух и поспешил удалиться из зоны поражения охранных систем здания.

У громадины корпуса, на посадочной площадке меня встретил сим мужского гендерного типа, с довольно

приятным лицом и живыми глазами. Для Адама сделали поистине уникальное тело. Его почти не отличить от живого. Только на верхнем веке просвечивают мигающие диоды. Если бы не надпись на груди мягкого тёмно-синего костюма, «ХТW-075. Sim'es» и чуть ниже и мельче 075-012-А, я бы не поняла, что передо мной стоит робот. Ему даже добавили мимику лица. Адам выглядел обеспокоенным. Он вежливо протянул руку, чтобы помочь мне пройти в проём посадочной площадки.

— Добро пожаловать, Лин, я очень рад вас видеть. К сожалению, Марк не сможет присутствовать по указанным ранее причинам, но мы сможем навестить его завтра.

Ну, разумеется. Первое, что захочется увидеть Марку Новаку после больницы, это «сука», сломавшая его жизнь. Он же не дурак, судя по личному делу, а значит догадался, что произошло. Думаю, нам лучше не встречаться.

— Думаю, это лишнее, — бормочу я. Мне некомфортно. Вокруг слишком много пространства, там, за стенами — люди. Хуже того, они попадают на встречу и оценивают меня. С ног до головы. Мою причёску, мою одежду. Всё!

— Как скажете, Лин, как скажете.

Мы идём по коридорам, спускаемся в нескольких лифтах на уровень минус восемь. На меня косятся, и от этого у меня учащается пульс. Но я чувствую, что в здании установлен подавитель радиоволн. Они обезопасили себя, оставив доступ лишь через проводной кабель. Меня сканируют, проверяют мой рюкзак.

— Сюда, — Адам прикладывает ладонь к панели у двери, и створка медленно отходит в сторону. — Я знаю, что вам не комфортно среди людей, поэтому попросил всех оставить нас вдвоём.

Какой предупредительный. Но мне приятна такая забота. Люди не заботятся друг о друге с таким трепетом, как этот сим.

В светлой коробке лаборатории на столе лежит сломанный дроид с разбитой головой.

— Всё, что необходимо, вам предоставят, — Адам вежливо отступает к двери, чтобы не мешать.

— Ты так и будешь стоять? — мне всё равно неловко.

— Таково условие, Лин, я должен присутствовать.

Я осматриваю повреждённого сима.

— Что произошло?

— Он разбил себе голову о стол после убийства хозяина.

— Думаешь, совесть? — я пытаюсь шутить. Получается у меня быть хоть наполовину живой, как Марк Новак? Он научил сима чувствовать, может, дроид научит меня?

— Сомневаюсь, — Адам вежлив и предупредителен. Он подходит на несколько шагов ближе. — На коже его пальцев обнаружены фрагменты дёрна и сгнивших хитиновых чешуек. Мы предполагаем, что эксперимент Лимерина вышел из-под контроля, и симу пришлось уничтожить его результат.

— Что это значит?

— У Лимерина были пчёлы. Предполагаем, они погибли из-за намеренного просчёта в системе вентиляции. Вдова Лимерина не дала согласия на осмотр сада. Я подумал, может, Марк сможет её уговорить. Но он, к сожалению, пока не в состоянии этого сделать.

— Как это поможет расследованию?

— Возможно, мы выясним причины, — Адам вежливо улыбается, — кинетическая модель показала, что Лимерин ударил сима первым, что послужило спусковым крючком, запустившим эмуляцию гнева.

— Эмуляцию? — я внимательно вглядываюсь в вывороченные силиконовые внутренности разбитого робота. Конструкция их такова, что через модуль коротких частот они получают ежедневные обновления. Получил ли сим инструкции утром?

Мне надо поработать. И подумать. Я склоняюсь над разбитой головой дроида. Словно человек. Кто придумал дать им такой облик. Люди играют в бога, создавая подобных себе созданий. Адам — тому пример. Он почти совершенен и наделён необходимым набором эмоций для существования в обществе. Снова мне кажется, что замена человечества на расу разумных, чувствующих роботов — не так уж плоха. Возможно, между дроидами не будет войн, ведь им нечего делить. Они рациональны.

— Я полагаю, что да. Эмоции не свойственны искусственному интеллекту.

— Но ты чувствуешь? — руки делают своё дело, пока я занимаю Адама беседой. С ним приятно говорить, я ловлю себя на мысли, что мне даже нравится. Только с ним. Как со шкафом или искусственным собеседником.

— В мою программу заложено обучение и имитация человеческих реакций. Я бы не назвал это чувствами.

— Но, представь, если бы тебя ударили, как этого сима, что бы ты испытал?

Адам задумался.

— Я размышлял об этом. Я бы испытал... обиду. Судя по материалам дела, этот сим довольно исправно помогал профессору в его экспериментах. Получить оценку твоей деятельности сродни оценке ноль — обидно.

Я подсаживаюсь к терминалу, открываю свой лэптоп, чтобы просканировать полуразбитый процессор, и Адам

услужливо открывает мне доступ к некоторым ресурсам МВР.

— Это первый шаг к гневу, — замечаю я.

— Это сложно. Если предпосылки были, Лимерин мог бы не производить действий, толкающих сима к эмуляции эмоций.

— Людям иногда трудно сдержаться.

— Поэтому вы не любите общение, так, Лин?

Я не отвечаю, но улыбаюсь. Он мне нравится, определённо. Даже жаль, что он всего лишь человекоподобный робот.

Мне удаётся выделить неповреждённые фрагменты реестра. Я сканирую их.

— Судя по фрагментам, его программа переписывала себя на ходу.

— Что это значит? — Адам делает шаг ко мне и в этот момент тишина взрывается визгом и воем на несколько секунд. Свет гаснет, на стене загораются аварийные лампы. Замок двери мерцает красным. Мы заблокированы в лаборатории.

— Что происходит? — мне немного страшно. Неужели, некто воспользовался моим лэптопом, чтобы заблокировать нас? Это может и не быть правдой, но мысль об этом не выходит у меня из головы. Появляется догадка.

— Думаю, нас снова атакуют. На этот раз только нашу систему, — спокойно отвечает Адам.

— Тебя не отключат? — остаться одной в запертой камере с двумя неработающими симами было бы отвратительно.

— Нет, после последней атаки я полностью автономен, — Адам спокойно оглядывает тускло светящиеся стены, — скажите, Лин, вы не участвуете в этом? Будьте честны.

— Нет! — как мне убедить его? Несколько лет назад я бы радовалась происходящему, но сейчас у меня другая цель. — Нет!

— Я вам верю, — Адам отходит к двери и прикладывает ладонь к панели доступа. — Во всём здании заблокированы все запирающие устройства.

— Мы все в ловушке? — мой голос слегка дрожит. Мне страшно? Нет. Жаль, моя настоящая рабочая машина осталась в крохотной комнатке в здании «ЭйчЭс», на этой лишь небольшой набор необходимых утилит.

— Боюсь, да, — Адам снова оглядывается. — Что-то блокирует любые попытки пробиться к системе безопасности. Боюсь у наших специалистов возникнут к вам вопросы, Лин. Как только это всё разрешится.

— Не страшно, — кто бы сомневался. Я бы сама задала себе вопрос, всё ли ты вычистила из системы, Лин Райго? Может случиться, что вирус затаился и ждал своего часа? — Я отвечу.

— Я рад, — Адам прошел к креслу и сел в него, — дадим специалистам время для работы. Что вы выяснили?

— Я не нашла следов проникновения, — честно признаюсь я.

— И что же здесь удивило вас лично?

— В какой-то момент в дело вступили другие механизмы, нежели прописанные в программе, — я присаживаюсь в кресло рядом.

— С удовольствием послушаю, — Адам заинтересованно повернулся ко мне.

— Возможно, это «спящий код»

— Что это значит?

Сейчас я переверну твой мир, Адам. Хотя, быть может, ты всё и так знаешь. Мы многого не видим в нашем мире, и это дарит нам спокойствие.

— Это когда разработчик оставляет в своей программе уязвимость, дополнительный контент, если хочешь. И он разблокируется при определённых обстоятельствах.

Мы в «Зеро» находили такие «пасхалки» в некоторых проектах, но они выглядели безобидными в отличие от этой, глобальной проблемы.

— В нашем случае это...

— Подача со стороны хозяина. Удар или повышенный эмоциональный фон. Возможно. Не знаю, — мне неловко. Выглядит, как лёгкое помешательство, — человечество давно играет в создателей, Адам. Согласись, каждому хочется, чтобы его творение было похожим на него. Ты — тому яркий пример.

— Возможно, — соглашается сим.

— Разработчик вписывает маленькую деталь в программу. Её невозможно вычислить. Невозможно найти. И она начинает работать после небольшого толчка.

— Тогда это означает, что корпорация «CyberTactik» нарушила все договорённости об искусственном разуме.

— Представь сколько их устройств в мире? — я оглядываюсь. Мне кажется, за мной следят. Зачем я так много говорю?

— Дело может приобрести неприятный поворот, — Адам размышляет. Что он сделает в замкнутом

пространстве с человеком, открывшем ему глаза, и выяснившим неприятный секрет его хозяев. Он в курсе и у него свои инструкции на этот счёт? Мы всё ещё в ловушке. Одни.

— Я ни до кого не могу дозвониться, — сетует сим. — Полная блокировка.

— Службы спасения, наверняка, смогут помочь. «ЭйчЭс» скоро поймёт, что что-то пошло не так.

— Да, но мы можем провести здесь больше времени, чем рассчитывали. То есть, вы считаете, что всё это вина разработчика?

Нет, я считаю, что это чья-то дурацкая шутка. Похоже, «Фенрир» и является спусковым крючком для запуска этой уязвимости, он встраивается в неё, заставляя бионические творения человека исполнять безумный алгоритм. Кто-то узнал о ней и использовал в своих целях. Только в чём состоит эта цель? Дать людям увидеть? Услышать? Почувствовать, что не стоит заходить слишком далеко? Поздно, мы давно уже там. Каждый второй теперь в опасности. Как и я.

— Не могу сказать, — надо быть осторожной. Всё-таки Адам — тоже продукт «CyberTactik».

— Мне кажется, вы чего-то не договариваете, Лин.

У него встроен анализатор голоса? Термальный датчик? Разговор записывается? Наверняка.

— Мне бы хотелось обсудить это с Марком Новаком.

Как ни странно, ты, Марк, станешь моим билетом на свободу.

— Разумеется. Едва мы вернём контроль над зданием. Завтра утром у меня назначена с ним встреча.

— Скажи, — мне уже почти не страшно, — кому ты подчиняешься, Адам?

— В моей программе прописаны ступени субординации. Майор Квасцов — мой непосредственный начальник.

— А «CyberTactik»? Они предписывают тебе отправлять им отчёты?

— Только эмоциональную карту. Расследование их не интересует.

Почему я не верю? Потому что это ложь. «СоТу» интересует всё, иначе зачем столько следящих программ?

Сирена снова взвыла и свет моргнул на доли секунды и гудящие сервера едино моментно умерли.

— Похоже, это надолго, — кисло говорю я в наступившей тишине.

— Я успел отправить Марку емейл, объяснил ситуацию, — Адам замер.

— Как он нам поможет? — мне даже смешно.

— Бездействие тоже ничем не поможет, — рассудительно заметил сим.

Я соглашаюсь. Он, как ни странно, прав.

Глава 8 Марк

Кто любит больницы? Никто не любит. Я совершенно не рассчитывал оказаться в общественной клинике, но проснулся именно в ней. Широкий светлый коридор, поделенный на боксы передвижными перегородками, и один из них — для меня. Кровать — капсула с подсоединенными приборами, провода и трубки, часть впиалась мне в вену, другая в соединительный шлюз за ухом. Кажется, меня свалил очередной приступ.

В незакрывающемся проёме я вижу, как по коридору ходят медсёстры в хирургических халатах и масках. Это общественный раковый корпус. Вот чёрт. Звонил Пончик, но поговорить нам не дали. Вежливая медсестра настоятельно порекомендовала отключить модуль, так как он мешает работе медицинской техники. Пришлось подчиниться.

Мне кажется, я проспал свой шанс вернуть социалку к приемлемому статусу. За неисполнение контракта меня выкинут из программы. Просто джек-пот.

Подходит медсестра, вежливо улыбается, проверяет работу капельницы. У неё усталые глаза над респиратором и залезшие на затылок короткие волосы.

— Доктор подойдёт чуть позже.

— Можно позвонить Вислову Дмитрию Анатольевичу, медицинский центр «Альтернатива»? Он мой лечащий врач, — мне кажется, моя просьба вызывает в ней кислую скуку.

— Обратитесь к доктору, она всё скажет, — говорит медсестра заученную фразу.

— Мне необходимо с ним связаться как можно скорее.

— Я передам, — медсестра уходит, и я снова остаюсь один, в мини палате, где даже стен настоящих нет. За перегородкой слева стонет какой-то мужчина, справа кто-то бормочет молитву, а в глубине коридора раздаются глухие голоса переговаривающихся между собой пациентов. Не хочу, не хочу здесь! Тогда не хотел, а сейчас тем более. Предположение майора Ворона о том, чтобы броситься под пули уже не кажется абсурдным. Надо успокоиться.

Я слышу, как по коридору идёт доброжелательный доктор. Она со всеми здороваётся и желает доброго дня. Она идёт ко мне. В проёме показывается чуть полноватая женщина. Мне сложно оценить её красоту — они все затянуты в халаты и маски.

— Добрый день, Марк Владиславович, как самочувствие? — кажется, она рада меня видеть.

Действительно, как? Я прислушиваюсь к себе. Слабость, но внутри всё успокоилось, больше не мутит и голова вполне ясно соображает.

— В норме, спасибо. Я хотел бы поговорить с Висловым.

— Я понимаю, — кивает доктор, — мы отправили запрос, доктор Вислов прибудет, как у него появится возможность. А пока позвольте, я буду вашим доктором. Не возражаете? Меня зовут Анна Игоревна Рогова.

— Да, у меня выбора вроде бы нет, — улыбаюсь я. Она не реагирует. По-деловому прижимает анализатор к вене в сгибе локтя. Я чувствую укол и лёгкое жжение.

— Анализы показывают неутешительный результат, Марк Владиславович, — у Анны Игоревны сжимается складка между бровей. — Ваша болезнь дестабилизировалась, анализы мне не нравятся.

— Можно просто Марк, — мне противно слышать эту громоздкую конструкцию из имени и отчества. Пережиток прошлого. Ещё хуже слышать скверные новости.

— Похоже, вы не соблюдали рекомендации в период ремиссии, это плохо, отвратительно!

— Я старался, но что-то пошло не так, — я улыбаюсь, но ей всё равно. Она просто делает свою работу, и вежливость, похоже, входит в эту неоплаченную подписку.

— Плохо старались. Необходимо усилить медикаментозную терапию цитостатическими препаратами.

— Я пил таблетки пару лет... — чёрт, я забыл название, потому что последний месяц я ничего не принимаю. У меня жутко болел желудок от капсул, и Вислов, вроде согласился, что можно сделать перерыв.

— Я выпишу вам назначение, если хотите, Вислов, может подтвердить.

— У меня не полная страховка...

— Я знаю. Сможете получить курс препаратов на месяц в нашей аптеке, — кивает врач. — Курс составляет год, но вы сможете подать прошение на продление льготного периода, пока не поднимите статус. Имеете право подать прошение два раза.

— А потом? — мне даже любопытно.

— Потом придётся покупать, — скорбно сообщает врач. — Вы молодой, здоровый член общества, вам грех не работать!

— Извините, — я словно виноват в том, что со мной происходит.

— Слабость? Шум в ушах? — по-деловому продолжает допрос Анна.

— Да, есть немного.

Врач тянется к моему лицу, заглядывает в глаза, а потом бегло пробегается по телу. Поворачивается к медсестре и говорит набор ничего не значащих для меня слов. Та кивает.

— Если хотите и дальше оставаться дееспособным, необходимо соблюдать режим приёма препаратов. Настройте свой коммуникатор на оповещения.

Она перестала быть приятной. Но она права. Если я хочу протянуть ещё, надо соблюдать режим. И больше никаких баров. А жаль, я почти поверил в нормальную жизнь.

— Приступ мы купировали. Теперь отправитесь к лечащему врачу. Я выпишу вас после обеда. Рекомендации получите на почту.

Вот и всё. А чего я собственно ждал? Отдельную палату с видом на море? Личного онколога? Или симпатичную медсестричку в чулках? В наше время надо быть осторожным даже к таким особам, велик шанс обнаружить между чулок небольшое дополнение. Да и похер. Надо созвониться с Пончиком, как выйду отсюда. Похоже, пока он — мой единственный шанс на восстановление статуса.

Меня оставляют одного. Капельница постепенно пустеет, а разговоры в коридоре только разгораются. Кажется, там идёт нешуточный спор. «ЭйчЭс» снова спит? Почему не остановит возмущение эмоционального поля в коридоре больницы?

Аппарат рядом жалобно пищит и гаснет. Капельница замирает, беспомощно моргая красным диодом. В коридорах начинается движение. Что-то происходит. А мне любопытно. Я выдёргиваю катетер из приёмной капсулы в руке. Меня переодели в одноразовую больничную пижаму из нетканого материала. Слово ничего и не надето. Ощущения те же. Где, интересно, мои вещи?

Выползаю в коридор. Голова немного кружится. У одной из отделений-палат скопились люди. Точно такие же, полупрозрачные, кое-кто с прибором регуляции давления на плече. И все они слушают одного, говорящего жарко и громко. Почему персонал не прекратит это собрание? Подхожу ближе. По босым ногам скользит сквозняк. Надо было надеть картонные тапочки, что всегда кладут у входа.

— И он уже здесь! — кричит худое, с тёмной кожей существо, взгромоздившись на разборную койку, — он даст жизнь каждому!

— Кто? — мне смешно, но и любопытно.

— Иеремия! Воздаст по деяниям вашим, низложит всех нечестивцев, наложивших на нас клеймо, подобно скоту!

— Это что? — я пытаюсь достучаться хоть до кого, но все увлечённо слушают оратора.

— Наши деяния перед ним, как на ладони! — взвыло существо, поднимая руки, — я сам ждал смерти, но он принял меня, и дал мне новую жизнь.

— Я стесняюсь спросить, каким образом? — не выдерживаю я. Проповеди меня интересуют меньше всего. Когда мне поставили диагноз, мои биологические родители ударились в сектантство, склоняя к нему и меня. Брошюры, молитвы, случайные проповедники, всё это прошло мимо, но рядом. Они вытрясли из родителей немало средств, но так ничего и не дали взамен кроме пустых обещаний. В ответ на мои возражения, мать заявила, что я недостоин спасения, потому оно и не было мне даровано. Что ж, не я это сказал. Мы порвали все связи друг с другом обоюдным решением. И вот этот локомотив снова меня догоняет.

— У него есть средства, — жарко кивает существо непонятного пола, — и возможности! Всё, что надо — преодолеть себя и поверить ему. И тогда каждый придёт к спасению!

— Он кто? — не унимаюсь я. На меня бросают взгляды, наливающиеся непонятной злобой. Кажется, я стучу кувалдой по чьим-то розовым очкам, а они ломаются стёклами внутрь и это больно. Лучше сразу смотреть без них. Мы все здесь — смертники. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей.

— Он — дух, химера! Он вездесущ! И сейчас он рядом, чувствуете? Он даст нам всем спасение от мирских забот. Излечит все недуги! — существо поднимает палец к потолку.

— Медицина лечит, и то не всегда, — огрызаюсь я, встречаясь глазами с больным взглядом старухи справа. Ей хочется верить. Нам всем хочется верить. Что даст нам вера? Дыхание свободы, но ненадолго. Болезнь, если не лечить её, всё равно сильнее каждого.

— Если ты слеп, но уступи дорогу тем, кто видит, — едко замечает оратор, — он пришёл сюда, отключил ваши приборы! Выдернул из рук костыли! Чтобы вы прозрели и уверовали! Вам не нужны приборы! Не нужны таблетки! Сделайте шаг на пути к спасению. Ваше тело способно справиться с любой болезнью. Нас обманывают! Застылают нам глаза! Отриньте костыли нового времени! Вернитесь на путь ваших предков! Следуйте за своим проводником!

— У нас в психиатрическом день открытых дверей? — я оглядываюсь в надежде, что появятся санитары, может, медсёстры, чтобы прекратить этот цирк. — Ты что ли проводник?

— Нет, Иеремия. Он отведёт вас к спасению.

— А можно познакомиться с ним, там выпить за его здоровье? — усмехаюсь я. Существо шутки не оценило. Лицо его сморщилось от злобы.

— Он рядом! Видит! Слышит! Верующим даст знак, неверующие же сгниют под пятой нечестивцев!

— Тебе, может, таблеточку? — кое-кто из слушателей осторожно выбирается из толпы и понуро бредёт к своему боксу.

Оратор спрыгивает со своей кафедры, и сквозь толпу пробирается ко мне. Я бы ушёл, но чувствую, что, пожалуй, не дойду обратно без чужой помощи. Он, оказывается, невысок, жилист и прыток. Он почти насакивает на меня, когда говорит.

— Ты не веришь? А во что ты веришь? Что клеймо на твоей груди спасёт тебя в лучшем мире? Ты служишь не людям! Ты служишь машинам! Грядёт новое время! Новый пророк! Он приведёт нас к спасению. А такие как ты, сгниют во тьме под ногами бездушных машин!

— А что предлагаешь ты? — зубы сжимаются. Нас слушают внимательно. Потерянные для мира души, надеющиеся на что-то, до чего им никогда не дотянуться. Словно заблудшие овцы, отбившиеся от стада.

— Спасение! — шипит существо, трясая сальными дредами на голове, — Иеремия подскажет дорогу. Без боли, без таблеток, без механических манипуляторов, противных человеческой природе. Хочешь ты жить в новом мире?

— Хочу! — я чувствую, как в голове снова наливается боль, стекая из висков в затылок, — а ты? Уже живёшь?

Существо трясёт пальцем, указывая на замерший кардиомонитор.

— Прозрейте!

— Да, пошёл ты! — я отбиваю от себя его палец.

— Слепец! Глупец! Грядёт новая эра! Новые люди! Новый мир! Тебе не будет там места!

— Иди ты на хер, — мне становится скучно. Чего он хочет здесь? Онкологическое отделение всегда жило непонятной надеждой, зыбкой, как сновидение. Эти люди готовы поверить всему, что скажут, лишь бы им дали надежду. И многие шарлатаны этим пользуются. Начиная от проповедников, заканчивая правительством. Надежда — самый ходовой товар в нашем мире. И самый прибыльный.

Я отворачиваюсь, чтобы уйти, но существо насакивает на меня и толкает в бок так, что я отлетаю к стене. Благо, она стояла твёрже, чем я, поэтому мы оба остались в вертикальном положении.

— Якоб! — о, кажется, санитары прибыли. Мы со стеной договариваемся о сотрудничестве, и она провожает меня назад, к моей капсуле.

К полудню работа отделения возобновилась в штатном режиме. Снова заработали мониторы, и электронные капельницы. Только меня это уже не касалось. Пока ждал ответа из аптечной сети, на почту пришло письмо от Пончика. В городе сбой всех служб, а Пончик оказался заперт в семнадцатипятиэтажном офисном здании компании «Лира». Как его туда вообще занесло? Хотя у них лучшие лаборатории, в этом не откажешь.

Он написал, что связаться через сеть или телефон невозможно и просил принять это во внимание. Ещё интересный факт в том, что с ним оказалась в ловушке и милашка Эвелин Райго. Вот кого бы я повидал и высказал этой твари всё, что о ней думаю.

Однако, следовало что-то предпринять. Дел у меня, всё равно нет. На почту пришло предупреждение о нарушении контракта с компанией «ЧВК «Бастион». Пожалуй, сегодня я — не боец, но кое-что сделать могу. Я переправил письмо в отдел кибернетической безопасности МВР, благо, связи остались, и лично Квасцову. В ответ мне пришло извещение о немедленном реагировании.

Входящий звонок.

— Марк? — Квасцов, тут как тут. — Я тоже получил от него письмо. Какого чёрта они там делали?

— Думаю, Пончик хочет прибегнуть к иным средствам, нежели протокольные порядки МВР.

— Пончик? — Квасцов фыркает, как кот, — Новак, ты когда-то научишься запоминать имена?

— Согласись, Пончик звучит лучше, чем пафосное Адам.

— Ты несправим, Марк. Есть идеи?

— Ну, я так понял, системы защиты заблокировали здание и не реагируют ни на одну из команд владельца.

— Точно. Наша группа не может прорваться. Лазеры это тебе не в тапки ссать.

— Это один раз было, и я был невменяемо пьян, — вспоминать стыдно, но весело. — Сколько они там уже?

— Скоро будет шесть часов.

— Сколько человек в здании?

— Около тысячи вместе с персоналом.

— И никто не может вырваться?

— В том-то и дело, что вообще никто. Система не пускает в здание никого. И не выпускает.

— Что там за система?

— Давай я тебя переключу на Эда. Он объяснит.

— Давай, жду.

Я пристраиваюсь на парапете подпорной стенки одной из улиц. Ходить и вести беседу для меня пока сложно.

В кармане куртки — месячный курс препаратов плюс обезболивающие, чтобы меня не скрутило в дугу раньше времени. Вислов так и не связался со мной. Да и чёрт с ним.

— Марк? — Эд, Эдуард Ливский, наш ведущий специалист кибербезопасности.

— Да, я тут.

— Ты спрашивал, что за система. «Спектр. Про». Там всё непросто. Она контролирует входы, окна, коммуникации. Всё. Мышь не проскочит. Единственный способ подключиться к серверу изнутри.

— Для этого кто-то должен быть внутри и знать, что делать?

— Да, но мы не можем туда попасть. И связаться со службой безопасности тоже не можем. Всё блокирует система.

— А с чего она вдруг так?

— Это общая беда сейчас, слышал, наверное...

— Ну, что-то где-то, — я вру, я понятия не имею. Единственное похожее происшествие — это взбунтовавшийся сим, но здесь я бы тоже не стал делать выводов без всестороннего изучения материалов. А тут — целое здание. — Какие идеи?

— Мы пробовали пробиться — бесполезно. Брать штурмом? Охранные системы положат любую группу. Там банк на пятнадцатом этаже и сервера «КвалКом».

— Мда... — задача. Похоже, пока взбунтовавшееся здание не выпустит людей самостоятельно, прогресса не видать.

— Ты понимаешь, «Спектр», по сути, тупой, но действенный, сука! Его поэтому и выбрали для этого комплекса. К нему никак не подступиться. — Эд ругается, как сапожник. Видимо, дела совсем плохи. — Считывает излучение. Ни сима, ни человека не пустит.

— Слушай, — у меня есть идея. Дурацкая, как и всё в моей жизни. — Там на минус восьмом уровне — наш сим и одна рукастая девица.

— Что за девица?

— Думаю, она твой «Спектр» легко разложит на составляющие. Если доберётся.

— Там все двери заблокированы, вряд ли она дойдёт до сервака.

— И никак не открыть?

— Извне — нет.

— А изнутри?

— Она знает, как?

— А если я пройду, а ты мне инструкции напишешь?

Эд молчит какое-то время.

— Марк... — ему тяжело даются слова, — она не пустит тебя. Там боевые системы приведены в полную готовность. Даже наша ударная группа туда не сунется.

— Она считывает излучение, так?

— Движение, тепловое давление, инфракрасный датчик, она знает всё.

— А если от меня не будет никакого излучения?

— Даже если скрыть коротковолновый спектр, она почует ритм сердца.

— Во мне сейчас тепла совсем нет, — смеюсь я. — От меня половина осталась. Полчеловека она пропустит?

— Подожди...

Эд надолго замолкает. Я слушаю, как шумит аэротакси над головой, как перещёлкивают реле в распределительных коробках.

— Марк?

— Да. Я здесь.

— Приезжай к нам. Подумаем, что можно сделать.

И я стою перед дверью. Система не подпускает к себе по нескольким показателям. Температура, сердечный ритм, низкочастотное излучение и радиосигнал. Это позволяет ей отсеивать любых возмутителей её спокойствия: людей и симов. Я прикладываю чип обслуживающего робота-уборщика. Момент истины. Или двери откроются или нет. Система сканирует меня. Мой сердечный ритм слишком медленный для человека, температура — ниже нормы. Это признаки передозировки успокоительного препарата. В кармане капсула адреналина. На лице — маска, биометрия здесь бессильна. Чип ДеКа деактивирован, модуль связи тоже. В коротких волнах я — почти мебель. Мне только пройти проверку. И устоять. Система выдаёт жёлтый сигнал. Она меня не распознала. Её алгоритмы в тупике. Из двух вариантов «да/нет», она выбирает «да» только потому, что в её электронных мозгах нет для меня определения, но есть информация с чипа электронного пропуска. Больше никто, пожалуй, не пошёл бы на такое. Я — псих. Наверное. Дверь открывается. Я внутри.

Теперь мне спуститься на минус восьмой уровень. В лифте стоят те же датчики. Укол можно сделать только когда окажусь на месте. Голова невыносимо кружится, а я медленно нажимаю на иконку «минус восемь». Индикатор загорается зелёным.

Эд дал мне инструкции для Эвелин. Кто знает, быть может, в здании есть и ещё специалисты, но искать их в семнадцатизэтажном здании просто нереально. Тем более мне. Тем более сейчас.

Двери открываются. Я вываливаюсь в пустой коридор, освещённый лишь аварийными лампами. Время для укола. Руки дрожат, и инъекция вышла болезненной. Теперь дверь лаборатории. Здесь придётся самому. В глазах после укола немного проясняется. Эд посоветовал действовать грубо, что я и делаю. Я разбиваю панель и ищу нужные мне провода.

— Эй! Мы здесь! — доносится голос, приглушённый бетонными стенами. Это Пончик. Я рад его слышать.

— Сейчас открою, — Эд объяснил, как здесь всё устроено, но я с трудом соображаю из-за мути в голове.

— Марк?

— Не ожидал? — провода под пальцами расползаются и не желают складываться в нужной мне комбинации.

— Если говорить начистоту, то нет. Я ждал группу реагирования.

— Они не смогли зайти, просили извиниться, — дверь выдыхает пневматикой и открывается наполовину. Из открывшегося проёма тотчас выскакивает сим и следом маленькое создание с зелёными волосами. Я какое-то время тупо смотрю на обоих. Это Эвелин Райго? У меня даже гнева нет, мне смешно. Чего я ждал? Серьёзную бабу и кожанку? Но уж точно не пигалицу по плечо с бритыми висками и зелёным густым гребнем волос. Девка прижимает к груди сумку с ноутбуком и смотрит настороженно, словно маленький хорёк на змею. Похожа на школьницу. Даже ругаться расхотелось.

— Марк? — сим склоняется ко мне. Я читаю надпись у него на груди «XTW-075. Sim'es»

— Пончик? — вот это поворот! У него появилось тело. Да какое! Такому позавидовали бы многие модники.

Впрочем, электронные куклы бывают и ещё лучше.

— Меня зовут Адам. — Говорит он немного обиженно, — Вы же знаете, но упорно игнорируете это.

— Пончик мне больше нравится, — теперь передохнуть и передать вон тому зелёному чуду файл.

— Как вы? — Пончик такой заботливый. — У вас расширен зрачок и излишне бледная кожа. Я вызову неотложную помощь, как только появится связь.

— Не надо, так задумано, я в норме, эй! — я протягиваю электронный носитель с файлом девице, — надо вырубить сервак.

Мне скучно, и мне надо удовлетворить биологические потребности. Уже час мы сидим с Марком Новаком в закрытых камерах, где из мебели только по широкому столу и две единицы для сидения. На потолке камеры, отслеживающие передвижения арестантов, а в том, что это арест, я не сомневаюсь. Марка Новака я вижу через огромное бронированное стекло, заменяющее стену между нашими камерами. Я уверена, они могли бы не давать нам видеть друг друга, но предпочли сделать наоборот. В этом тоже есть какой-то смысл.

Мы дошли тогда до серверной комнаты. Я смогла перезагрузить систему, частично опираясь на инструкции от неизвестного доброжелателя, частично на свои знания. Всё это время Адам и Марк Новак молча следовали за мной. Мне кажется, Марк хотел бы меня убить. Показалось это намерение в глазах, когда он встретил нас в полутёмном коридоре здания.

После деактивации охранной системы здание быстро заняла группа реагирования МВР и люди спецотдела ДГГ — Департамента Глобальной Безопасности. Это очень серьёзно. Каждый из них одним словом может стереть тебя, как ошибочный файл данных. У них белая униформа с синими полосами на плечах, похожими на латинскую букву V. Забавно. Людей начали выводить из здания, а нас, всех троих, взяли под конвой и препроводили в головной офис, похожий на огромный монолит на улице из стекла и металла. Адама увели в соседнее помещение, мой ноутбук забрали, а нас заперли каждого в отдельной камере, и теперь мы ждём решения своей участи. У нас взяли анализ крови и запросили последние копии файлов отчётов ДеКа. Для этого им пришлось снова активировать чип в плече у моего соседа. Я даже видела через стекло, как тот дёрнулся, когда чип снова активировал свои наносенсоры. Но бригада врачей к нам не спешила. Уверена, ДеКа Марка непрерывно посылал сигналы в службу спасения. Здесь у меня два варианта: либо сигнал блокируют, либо не пропускают уже самих медиков. В любом случае, это дурной знак. Они боятся, что информация выйдет наружу и готовы жертвовать людьми, а это значит, что наши жизни сейчас стоят меньше стаканчика кофе из самой дешёвой кофейни.

От скуки я разглядываю своего невольного соседа через стекло. Он расположился на стуле, закинув ноги в бёрцах на стол, покрытый белым пластиком. Обвалившиеся комки грязи с тротуаров некрасиво пятнали девственную белизну. А на лице — скука. Сейчас он походит на истончившуюся тень самого себя: бледная прозрачная кожа, синие сосуды, похудевшее и от того постаревшее лицо, но вот глаза казались удивительно живыми. Глаза. Это единственное, что осталось от фотографии годичной давности. Он может позволить себе быть живым. Почему?

За стеклом не слышно звуков. Марк Новак встрепенулся и вытянул из кармана куртки пластиковую круглую банку. Вытряхнул на ладонь капсулу.

Что-то кричит и он машет рукой в одну из камер. Кажется, просит воды.

Марк кладёт капсулу перед собой на белый пластик стола. Известно, что от этого она теряет свою гигиеническую чистоту. Он поднимает взгляд и смотрит на меня через стекло. Мне неловко. Что он чувствует? Я разрушила то небольшое, чего он добился после болезни. Но он молчит. Молчал и в «Лире». Мне кажется, ему было неприятно находиться рядом со мной.

Дверь в его камеру открывается и входит человек в строгом белом костюме, а за ним робот-манипулятор. Таких иногда используют в больницах. Может, теперь ему помогут? Мне отчего-то хочется, чтобы помогли.

Но в мою комнату тоже входит точно такой человек и я отвлекаюсь от происходящего в соседней камере.

— Добрый день, гражданин, — он очень вежлив и максимально собран. Он не знает, кем я идентифицирую себя, соответственно обращается самым нейтральным из возможных обращений. Надо облегчить ему задачу. Или нет.

— Добрый день, — говорю. Я должна держаться уверенно.

Человек присаживается на стул напротив и теперь нас разделяет стол, в белоснежном зеркале которого я вижу нас обоих. Вход в Зазеркалье, где всё иначе.

— Муниципалитет сектора ВК-1052 благодарит вас за быстрое реагирование и своевременные действия для спасения граждан, попавших в затруднительное положение, — рапортует он, вежливо глядя в глаза. Он молод. Или хочет таковым казаться. Мы все хотим казаться теми, кем не являемся. У него идеальная кожа и ни одной морщины, в предплечье встроены имплант, стандартный для госслужащих — многофункциональный манипулятор. Кажется, правый глаз заменён на приличную оптику. Да, так делают стрелки во всех военных структурах. Скорее всего у виска под костью ещё и система наведения. Военный. «Солдатик». Интересно.

— Пожалуйста. Когда мне вернут мой лэптоп? — мне не хочется играть с ним в игры вежливых людей. Должна признать, я хочу домой, в свою коробочку. Бросаю взгляд на стекло по левую руку. Там Марк Новак жарко говорит что-то своему белоснежному оппоненту. На что робот-манипулятор выдвигается в его сторону, и Марк вскакивает со стула.

— Как только мы убедимся, что содержащееся в нем не представляет угрозы государственным интересам.

Я сразу переключаюсь на своего «солдатика».

— Что это значит?

— Система получила команду из вне, что послужило причиной её деструктивного поведения. Мы пытаемся выяснить, откуда пришёл сигнал. Из непроверенных источников внутри системы лишь вы и ваш сим.

— Сим не мой, — меня всё больше напрягает ситуация, оставаться спокойной получается всё хуже, — он принадлежит следственному отделу МВР. И меня туда вызвали в качестве консультанта. По делу о разбитом дроиде.

— Эту версия я слышал. Мы просканировали данные памяти сима.

— И?

— Пока ваши показания совпадают.

— Что значит, пока?

— Как вы смогли нарушить работу системы? — вот что их интересует. Как можно было взломать их совершенную — несовершенную систему безопасности.

— Марк Новак принёс мне инструкции. Я думала, вы знаете.

— Да, — кивает «солдатык», — он смог ввести в заблуждение систему входного контроля. С этим мы тоже разберёмся.

— Я так поняла, она нацелена на параметры здорового человека. А он таковым не является.

— Это уязвимость, — соглашается мой собеседник, — её мы устраним.

— Но если бы её не было, мы бы остались в этом здании бесконечно долго, — каково это, сидеть под контролем электронных глаз? Симу не нужна ни еда, ни вода. А людям?

— Мы работали над способом решения этой проблемы.

— Как долго вы бы работали? — мне хочется иронизировать. Бросаю взгляд на стекло. В соседнем помещении страсти утихли. Марк Новак смиренно сидит на стуле, сложив руки на стол. Кажется, они мило беседуют. Робот-манипулятор стоит в углу. Он выполнил свою функцию. Мне немного обидно. За себя, за Марка и за Адама.

— Это зависело от многих причин.

— То есть мы должны были просто ждать?

— Да, — «солдатык» поднимает на меня взгляд. Читать в нём эмоции бесполезно. Он — такой же как я. Винтик в большом механизме. Тик-так. Тик-так. Часы идут, старинные стрелки отсчитывают время. Любые потери незначительны, когда на кону безопасность государственной системы. И тем более незначительна жизнь какого-то аналитика, которого сможет заменить искусственный интеллект, и бывшего сотрудника МВР с пониженным рейтингом. Нас уже списали на человеческую свалку.

— Я смотрел ваше личное дело, Эвелин. В нём много интересного.

— Что, например? — надо оставаться спокойной.

— В промежутке между пятьдесят восьмым и шестьдесят третьим годом данные о ваших перемещениях стёрты.

— Это не моя вина.

— Я знаю, случайность, — «солдатык» вежливо кивает, — прорвало трубу и некоторые сервера пришли в негодность. Но вот что странно, копий данных я так же не обнаружил.

— Такое бывает, — я спокойна, — система несовершенна.

— Именно, — соглашается собеседник, — её несовершенства необходимо устранять. И вас в том числе наняли впоследствии для этого. Удачно, правда?

— Меня наняли в связи с высоким баллом в тестировании. Только поэтому.

— Не сомневаюсь, — «солдатык» смотрит на свои пальцы, сплетённые на столе в замок. — Что вы знаете о группе «Зеро»?

— Это хакеры-самоучки, несколько лет назад они застопорили работу нескольких серверов «ЭйчЭс» и выдвинули какие-то смешные требования. Это было в новостях.

— Разумеется, — соглашается «солдатык». — На записях ваших камер видно их новое послание. Почему вы не отправили отчёт?

Они восстановили работу «ЭйчЭс». Моя ошибка.

— Я отвлеклась на восстановление системы.

— Это слабое оправдание, учитывая, что файлы отчётов формулируются автоматически. Вы придержали их. Почему?

— Я была занята. Быть может, это произошло случайно.

— На протяжении пяти лет в вашей работе не было случайностей. Ни одной, — я вижу холодное любопытство в единственном человеческом глазе.

— День был насыщенным. Возможно, я ошиблась.

— В вашей работе нельзя ошибаться, Эвелин.

— Я знаю это.

— Думаю, вам нужно пройти тестирование ещё раз, чтобы подтвердить квалификацию.

— Это должен решить аналитический центр «ЭйчЭс». С его стороны поступала рекомендация?

— Нет. Но машина может ошибиться. Я вижу, вы не выполнили свою репродуктивную функцию. — бесстрастно говорит «солдатик». Утверждение бьёт меня под дых и выводит из моих надёжных стен. Я беззащитна. Какое это имеет отношение к происходящим событиям?

— Это закрытая информация, — я лгу самой себе. Нет, это можно узнать, зайдя в раздел «Медицина и здоровье» в моём файле в «ЭйчЭс», а для них это проще простого.

— Отчего же? Вам следует поспешить, время для положительного репродуктивного статуса скоро истечёт.

— Это решит мой лечащий врач, — мне хочется быть грубой. Хочется сделать этому человеку больно. Или хотя бы снизить его статус, как я поступила с Марком Новаком, но у меня отобрали все инструменты для влияния на ситуацию. Связали по рукам и ногам. И оставили на растерзание этому.

— Смею напомнить, что в обязанности любого гражданина, способного к репродукции входит воспроизведение популяции человечества. Это ваш долг, — и он смотрит на меня пронзающим взглядом. Мне дают понять, что меня не тронут только из-за этого. Какая ирония. А что же Марк Новак? Он не сможет стать репродуктивной единицей, и станет для системы незначительным нулём.

Я снова поворачиваю голову налево. Там всё уже закончилось. Марк сидит один, всё так же положив руки на стол. Кажется, ему ввели седативный препарат. При условии, что сегодня его организму и так пришлось пережить встряску, это для него может закончиться плохо. Но кого это волнует, правда? Меня охватывает новое чувство. Нет. Оно не новое. Давно забытое. Ненависть. Да. Оно сильное, как цунами. Накатывает, заставляя желать человеку сидящему напротив, зла.

— Я просто напоминаю. Тестирование будет отложено до решения комиссии. Вам дадут отпуск на год для исполнения ваших обязанностей. Ваши наниматели будут оповещены.

— Не нужно, я пока не собираюсь.

— Вам стоит поспешить. Ваш лечащий врач поможет вам принять решение.

— Это вряд ли, у меня отсрочка по медицинским показаниям. Генетический дефект.

— Ваши доводы будут рассмотрены комиссией.

— Что за комиссия? — это значит, меня отстраняют от работы, лишают глаз, рук и свободы воли решать, желаю ли я стать инкубатором для выращивания нового гражданина. Зачем им они? Несовершенные тела? Они же готовы заменить граждан новыми «Адамами». Для чего нужны в этой цепочке люди? Поняли, что даже механизм может выйти из-под контроля? А людей проще контролировать. Они так несовершенны. Снова смотрю налево. Марк всё ещё сидит, словно застыл. Один укол, и он снова молчит, очень удобно, правда? Или заставить нас быть полностью зависимыми от системы. Как пытаются сделать со мной.

— Вы будете оповещены по внутренним канал связи. МВР больше не нуждается в ваших услугах.

— Я поняла, — меня это злит. Мне затыкают рот. Вот так просто вспомнить про репродуктивный долг и отрезать меня от мира.

— Всё на благо нации, — ровным голосом говорит «солдатик». Огромная машина хочет заменить старые шестерни на новые.

Можно спорить до хрипоты, но результата не будет. Это ещё не конец. У меня есть, чем ответить.

— Надеюсь, вы меня поняли, — «солдатик» поднимается, — займитесь полезным для общества делом, гражданин.

— Поняла.

Мне хочется, чтобы он ушёл. Надо поговорить с Войшурвицем. Он утверждал, что для меня программа репродукции закрыта в силу генетических причин, но при желании можно всё исправить. Теперь я точно ничего не хочу. Мне это не надо, в том контексте, в котором только что преподнёс этот человек.

— Всего доброго. У меня всё. Можете покинуть здание.

Он, по сути, ничего не сказал. Лишь намекнул, чтобы я никуда не лезла больше. Намёк понят, но не принят.

Он уходит, но мне теперь трудно сидеть и бездействовать. Кусаю губы. Давно забытая привычка вернулась. Я выхожу следом в пустой коридор и толкаюсь в соседнюю дверь. Замки больше не работают. Надо быть осторожной. Может статься, это не просто так.

Марк реагирует на меня, поднимая голову. Он меня ненавидит? Тогда самое время высказать всё, что он обо мне думает. Перед ним на столе стоит бокал. Он смотрит на меня безразличным взглядом. В нём нет злобы, нет сожалений, только пустота. Зачем они вынули из него жизнь? Мне хочется вернуть всё, как было. Я пытаюсь улыбаться. Мы нужны друг другу. Особенно сейчас. У него есть связи, а у меня — знания. Мы сможем стать друг другу полезными.

— Нужна помощь, — говорю и сама не могу понять, это вопрос или просьба. Но Марк меня понимает. Я вижу это в его глазах. Но делает вид, что ничего не изменилось. Он медленно встаёт и идёт ко мне, огибая огромный

стол. Мне не страшно, но я прижимаюсь к стене. Пусть камеры видят то, что нужно показать.

Он подходит очень близко. Я вижу тёмные круги под его глазами, каплю запёкшейся крови в уголке рта. Он почти похож на мертвеца. Его качает, и он наваливается на меня.

— Левина, шесть — семьдесят один, под аркой, — слышу я горячий шёпот. Отталкиваю его, а он заваливается назад.

— Сука! — выплёвывает он, — если бы не ты!...

Всё верно, если бы не я, он бы не оказался здесь. Его бы уже выпустили. Или нет? Но он дал мне адрес встречи а значит, в его голове созрел план. Мне это на руку.

— Я здесь не при чём, — возражаю, бросая взгляд на камеру. Интересно, они всё ещё следят? Наверняка. Надо быть вдвойне осторожной. Меня лишили прикрепления к громадине «ЭйчЭс», значит, лишили не только работы но и крова. Ровно, как я Марка Новака. Нам обоим некуда идти. Только общественная ночлежка. Запах, люди, шорохи чужой одежды, голоса. Нет, я лучше останусь на улице.

— Ещё как при чём! — бессильно выдыхает Марк, присаживаясь на край стола. Кажется, ему нужна помощь.

Мне больше нечего здесь делать. Я выскальзываю из камеры. Нас выпускают? Коридор пуст. В конце я вижу пневматическую дверь, приглашающе мигающую зелёным диодом разрешённого доступа. Бежать! Но надо оставаться спокойной.

— Лин, — меня подбрасывает от внезапности звука в тишине коридора. Адам. Ему, как будто, ничего не сделали. В руках у него мой лэптоп. — Вот, возьмите.

Я с облегчением забираю свою машину. Наконец-то. Хоть что-то.

— Мне сообщили, что вы с нами больше не работаете, мне очень жаль, — на лице дроида даже можно прочитать сожаление. С ним хорошо поработали, раз добавили заменители мимических мышц.

— Да, мне тоже, — соглашаюсь. Надо соглашаться. Кто знает, не запрограммировали ли они Адама на слежение. Он всего лишь машина. Робот.

— Я очень надеюсь увидеть вас снова, — Адам улыбается. Выходит натянуто и карикатурно. С этим, определённо надо поработать.

— Да, — я хочу уйти. Губа прокушена почти до крови. Левина, шесть — семьдесят один, это здание недалеко, отсюда всего полквартила. Гигантский мастодонт из бетона и стекла. Там несколько арок, я помню по камерам. Ничего, я найду нужную. Устремляюсь к спасительному выходу.

— До встречи, Лин! — слышу вслед.

Здание по указанному адресу имеет три арки для проезда во внутренний двор. Две из них используются, а третья завалена бетонным ломом. Думаю, мне нужна именно она. Полицейский дрон просканировал меня, и вынес предупреждение о нахождении на улице в комендантский час. Уже довольно поздно. Добропорядочные граждане давно сидят в своих ячейках-квартирках и смотрят вечернее шоу в виртуальном кинотеатре. Но мне нужны ответы на вопросы и гарантии.

Я прячусь за огромными остатками колонн, избежавших участи отправиться на свалку, и жду. Надо бы узнать, что нового произошло в сети, но пока не стану рисковать. Надо дождаться, что скажет Марк Новак. Он приходит много позже полуночи. Я слышу его шаги. Медленные и тихие.

Осторожно выглядываю из своего убежища. Да, это он. Марк, не задерживаясь, проходит к моему укрытию. Теперь бетонные колонны скрыли и его. Мы — почти невидимки в огромном мегаполисе.

— Что? — он не здоровается, просто смотрит с ожиданием.

— Меня отстраняют от работы, — говорю. А в его глазах смех.

— Вот это новость! Хотя, вообще не новость!

— Ты знал? — теперь мне кажется, что это его месть для меня.

— Нет, не знал, — огрызается Марк, пристраивает зад на обломке колонны, — но догадывался. Мне заблокировали медицинскую страховку, раз уж мы оба тут жалуемся на жизнь.

— За что? — это точно не моя работа.

— За содействие, — вздыхает Марк, — час назад «Зеро» выпустили манифест в сети. Требуют расширить свободы в рунете. Утверждают, что недавние атаки — это только начало.

— Это не они, — я замираю. Неужели, ребята взялись за дело всерьёз?

— Почему ты так думаешь? — Марк смотрит на меня, а в глазах хищный интерес. Нельзя забывать, что он аналитик из следственного. Пусть в отставке, но охотником он от этого быть не перестал. Волки не меняют своей сути даже в неволе.

— Знаю, — режу я словами. — Просто знаю.

— Нельзя просто знать. Что тебе известно? — Марк зевает. Но это не умягчает моей бдительности.

— Сначала скажи, тебя отстранили от расследования?

— Формально, МВР osobистам не подчиняется, — Марк пожимает плечами, — если Квасцов решит продолжить расследование, то я помогу. Если нет — то вряд ли. У меня и так достаточно проблем.

— А он хочет продолжить?

— Это расследование лоббируют большие шишки из «CyberTactik», — Марк облокачивается спиной на холодный бетон и закрывает глаза. — ДГБ их интересам не отвечает, так что возможно, да, расследование продолжится. Надо же обеспечить работой нашего Пончика.

— Кого? — я совсем забыла, что Марк Новак так называет сима.

— Адама, нашего красавца — дроида. Я так понимаю, что дело здесь не в результате, — он говорит с закрытыми глазами и мне сложно читать его. — У него другая цель.

— Какая? — но я и сама знаю. Им нужно, чтобы сим научился у людей быть живым. И Марк подходит на роль наставника, как никто. — Они обучают его?

— И это тоже, поэтому... — Марк снова зевает, — он останется. И дело, как полигон для обучения, тоже.

— Я хочу помочь! — вышло слишком напряжённо. Марк открывает глаза и смотрит на меня пытливым взглядом. Он, словно читает меня, как программу. Становится не по себе.

— Почему?

— Если мы найдём, в чём причина, меня восстановят.

— Это вряд ли, красавица...

— Пожалуйста, не называй меня так, — мне становится противно, потому что это слово напоминает мне о недавнем разговоре. О репродукции.

— Хорошо, «злючка-колючка», так пойдёт? — соглашается Марк.

— Ты по имени никого не называешь? — мне хочется снова быть злой.

— Эвелин?

— Лин, — хочется быть грубой, но нельзя. — Пожалуйста.

— Договорились, — неожиданно быстро соглашается Марк и слезает со своего импровизированного трона. — Пошли, Лин, Адам снял для нас ячейку возле Гудрон-тауне.

— Я не пойду, — мне не хочется делить кров с ним.

— Пойдём, пойдём, туда уже и пиццу заказали. Хоть поедим. Я тебя не трону, клянусь! Будет Адам — Пончик. Он проследит, чтобы я не распускал свои грязные руки, — последние слова произнесены с особой интонацией. Он едко улыбается. Конечно, именно это послужило для него финальным аккордом в снижении социального рейтинга. Но мне, действительно, некуда больше идти.

— Хорошо, — соглашаюсь.

Марк теперь молчит и медленно идёт прочь. Мне приходится идти за ним. Слишком медленно. Невыносимо.

— Ты не боишься, что Адама запрограммировали на передачу отчётов в ДГБ?

— Я — нет, — беспечно отзывается Марк, — Пончик для этого слишком совершенен.

Я согласна. Модель Адама выглядит впечатляюще. Вряд ли «CyberTactik» не позаботились о его защите.

Мы медленно бредём вдоль освещённых рекламными щитами улиц. Полицейский дрон снова встречает нас, сканирует. Мне приходит предупреждение о нарушении комендантского часа. Минус семь баллов.

Мне уже всё равно. Я устала, хочу есть и спать. И в момент очередного шага свет рекламных полотен гаснет. Улица по всей длине погружается во тьму. Я поднимаю глаза. Марка не видно, но я слышу его дыхание. Казалось, весь город замер в ожидании чего-то страшного. Закрыв глаза, замолчал и заткнул уши. Поднимаю глаза к потемневшему небу, на котором теперь сквозь лёгкую дымку видно звёзды.

— Боюсь, следом за зданием из-под контроля вышел целый город, — бросает Марк. Он спокоен — тоже устал. — Что там нам обещали? Апокалипсис и пришествие нового бога? Кажется, началось.

Я согласна. Началось. Только что мы можем противопоставить этому, вот вопрос, если все службы города зависят от «ЭйчЭс». У меня есть ответ. Ничего.

Город умер. Буквально. Отключились все системы жизнеобеспечения: электричество, водопровод, отопление, и что самое страшное — сеть. Она, как кровь, отвечающая за сообщение всех жизненно важных органов. Перестали общаться все возможные службы: службы доставки, отделы обслуживания. Люди оказались перед лицом новой правды, оказавшейся горше марокканского кофе, — они зависят от города, зависят от всеми ненавидимой «ЭйчЭс». Добро пожаловать в мой мир, вашу мать! Злючка-колючка молча шагала рядом, прижимая к груди свой бесполезный ноутбук. Теперь уже бесполезный. Что ты можешь, Лин Райго без доступа к сети? Кто ты? Запутавшаяся девочка без навыков общения, пугливая и растерянная. Собирательный образ человека нового времени. Ха!

Над головой промчался полицейский дрон, мигая красными и синими огнями, через громкоговоритель сообщая о введении чрезвычайного положения и рекомендации немедленно покинуть улицы. Хорошо хоть об эвакуации пока ничего не говорят. Как же далеко до Гудрон-тауна! Колючка молчит и шагает рядом. Лучше не попадаться под камеры дронов, иначе можно получить успокаивающий разряд, а с меня на сегодня довольно. Сколько сейчас времени? Часа два после полуночи. Довольно на вчера, а сегодня можно, пожалуй, огрести ещё, но лучше не надо.

— Далеко? — у неё такой грубый голос. Интересно, она биологически женщина, или стала таковой хирургически-пластическим путём? Я бы дал пятьдесят на пятьдесят. Но касаться её у меня желания не возникает. Зеленоволосое чудо из глубин сети. Почти Ктулху.

— Ещё пару кварталов, — я и сам бы хотел уже прилечь, но в пределах бетонных кварталов нам не никто не сдаст жильё без подтверждения личности и лояльности к системе. А для неё я сейчас не личность, и даже не её тень. Хотя система сейчас в коме, а я её пережил. Вот как! Даже смешно. Чудо снова замолкает и шагает рядом, как заведённое.

Мимо проносятся чьи-то тени. Кажется, кто-то решил не дожидаться, пока восстановят систему жизнеобеспечения города, и вышел на улицы. Сделал точно то, чего не следовало в новых обстоятельствах. Над головой проносится дрон. Мы с Колючкой замираем рядом с витриной, и он не замечает нас, зато проносится за убегающими вдоль улицы. Я слышу топот ног и сирену. Очень громко. Слишком громко.

— Марк! — навстречу нам выступает едва заметная в полумраке фигура. Пончик!

— Ты что здесь делаешь?

— Я решил встретиться с вами, мне кажется, на улице небезопасно.

— С чего ты взял? — усмехаюсь я. Мне уже всё равно, если честно.

— Объявлено чрезвычайное положение, — Пончик включает портативный фонарик и освещает нам дорогу. Тротуар завален мусором. Разве роботы уборщики прекратили работу?

— Системы клининга выбило ещё вчера, — подтверждает Пончик мои подозрения, — сейчас надо быть внимательным. На некоторых улицах мусорные контейнеры стоят прямо на тротуарах.

Что ж, я бреду следом за роботом. Он предупредительно подхватывает меня за плечо, когда я спотыкаюсь о навалы мусора. Колючка с нами. Она молчит, её глаза расширены от того, что она видит, словно бы она никогда не выходила из своей конуры за свои... сколько ей? В досье я читал, что она с тридцать девятого года новой эры. Значит... значит... я понимаю, что простые вычисления мне не даются. Но вот, опять. И снова не вовремя.

— Пончик...

— Да, Марк?

— Дай мне минутку... — надо отдохнуть, я склоняюсь подойти ближе к витрине, но сим тянет меня вперёд.

— Нельзя останавливаться, Марк. Я слышу сирену. На улицах объявили красный уровень. Нам не следует попадаться.

Он слышит сирену? Почему я её не слышу? Потому что в ушах шумит кровь, и тротуар под ногами раскачивается, как море. Там я, кстати, ни разу не был. А хотел. Мы с Машкой планировали отпуск, но потом как-то всё пошло наперекосяк.

— Пончик...

— Я всё понимаю, Марк, — фонарик мечется перед глазами, — у вас были не лёгкие двадцать семь часов.

Не то слово.

— Позвольте... — фонарик замирает в руках у Колючки, а тротуар, наконец, останавливается. — Идёмте.

Пончик накидывает мою руку себе на плечо. Я вспоминаю, что ничего не ел за день кроме стакана воды и таблетки. Хотя, в больнице был завтрак. Это, наверное, скверно. Скверно... Забавное слово. Оно застревает в зубах, как карамель. Скверно...

— Марк? — чего он хочет? Я уже почти выключаюсь.

— Что?

— Говорите со мной, хорошо?

— О чём? — язык такой тяжёлый и неповоротливый.

— О чём угодно, я хочу вас слышать.

— Ты, как моя бывшая, — даже смешно. Она тоже хотела меня слышать. Слушать. Постоянно.

— Мы почти пришли... — я слышу смутно. Наверное, потому что засыпаю. Было бы неплохо.

— Это похоже на публичный дом, — слышу я голос Колючки.

— Здесь сдаются комнаты, а это то, что нам нужно, — о, Пончик. Он всегда спокоен. Люблю его за это. Можно любить сима? В публичном доме? Боже упаси... Не этого... и не так...

— Мы только проведём здесь остаток ночи, — я чувствую запах духов и выпечки. Проститутки знатно пекут. Кажется, это бред. Вселенная в последний раз полетела мне навстречу, и я падаю на что-то восхитительно мягкое. На нём можно отключиться, что моё сознание сразу и реализует.

— Я не могу пробиться, — слышу сквозь свой бред. Так не хочется расставаться со сном, но дело уже сделано — я проснулся.

— Не ко всем доменам восстановили доступ, — соглашается Пончик. О, он тоже здесь. Почему? Я вспоминаю, что вчера, вернее, уже сегодня он встретил нас где-то на улицах и привёл сюда. Только куда, сюда? Где мы? Приходится открыть глаза. Надо мной — старомодный полупрозрачный балдахин. Я в кровати. Ого! Давно не было такой роскоши. Такие, пожалуй, только в борделях и остались. Откуда я знаю, что мы там? Он говорил что-то вчера. Вернее перед тем, как я заснул.

— Пончик? — отчего во рту так сухо? Я вроде не пил вчера. И не ел. Желудок с силой свернулся до точки, заставляя сжиматься вместе с ним.

— Марк! Вы проснулись! — я вижу его ноги возле кровати.

— Завтракать будете?

Конечно буду! Только бы встать.

— Я заказал диетическое, — слышу я его удаляющийся голос, — без сигнала с ДеКа я не могу вызвать вам доктора. Похоже, ваш чип заблокирован.

— Ничего, — я поднимаюсь. Отчего всё тело словно сковано и голова никак не желает проясняться? Вижу большие глаза Колючки. Она сидит у стола с ноутбуком. В зелёных волосах играет солнце. Как на лужайке. Зайки на лужайке. Смешно.

Прохожу к столу. В борделе довольно просторные комнаты, даже можно сделать пару шагов.

— Я снял комнату на двое суток, без вашего ведома, простите, — оправдывается Пончик.

— А за чей счёт великолепие? — я сажусь за стол — выходит тяжело, в груди стучит одышка.

— Майор Квасцов дал мне допуск к своему счёту.

— О, тогда не шикуй, — значит, Олег Мирославич решил поучаствовать в моей судьбе. Что ж, спасибо тебе.

— Конечно, нет. Только необходимое.

На столе стоят два контейнера с какой-то биомассой и биоразлагаемые стаканчики с каким-то пойлом. Я пытаюсь впихнуть в себя очень полезную, но безвкусную массу из контейнера.

— Доставку восстановили?

— Частично, — бросает Колючка, сосредоточенно стуча по клавишам, — не полностью. Они всё ещё работают над этим.

— Под утро кое-что произошло, — добавляет Пончик.

— Что? — я чувствую, что не очень хочу это знать. Мягкая масса застревает в горле тугим комком.

Колючка ставит свой ноут передо мной на стол и поворачивает экраном ко мне. На мониторе лицо в белой маске со знаком на лбу, похожим на зигзаг, изменённым металлическим голосом начинает говорить.

«Приветствую, граждане Союза. Моё имя Фатум, кто-то знает меня как Иеремию, я пришёл помочь вам очнуться от сна, в котором вы пребываете, стереть все границы...».

— Стоп! — я останавливаю запись, — это что?

— Он выступил от новой организации, — с готовностью поясняет Пончик.

— Не «Зеро», — добавляет Колючка.

Я нажимаю, «продолжить воспроизведение»

«...Долгие годы вы пребывали в летаргическом сне, за вас всё делали машины. Теперь же я призываю вас проснуться. Мы отключили электроснабжение в вашей колыбели, отобрали ваши костыли, отняли ваши игрушки и перекрыли питательные трубки. Пробудитесь! Выйдите на улицы! Оглянитесь вокруг! Это ваш мир, который у вас отобрали! У нас в руках вожжи ваших хозяев. Очнитесь! Станьте снова людьми. Сражайтесь за свою жизнь! Мы даём вам эту возможность. Машины отняли у вас всё! Но вам безразлично! Очнитесь! Я низложу вашего бога! И покажу вам нового, за которым вам захочется идти! Если вы не сможете проснуться, мы поможем вам. Грядут

перемены. Вам придётся их принять.»

На этом запись оборвалась. Я поднимаю глаза на Колючку, а она смотрит с ожиданием. Что я должен понять из этого? Единственная параллель, что приходит мне в голову это речь того психа в онкологии. Он может что-то знать? Наверняка. Но он надёжно укрыт в психиатрическом отделении общественного госпиталя.

— Как вы поняли, что это не «Зеро»? — спрашиваю я Колючку.

— Символом у них — разорванный круг, — говорит она. А Пончик торопится добавить.

— Они выпустили опровержение.

— Это вообще ничего не значит! — я сыт. Во всех смыслах. — Это может быть уловкой. Квасцов звонил? Что у нас по расследованию? Глобалисты не забрали у нас его?

— Сообщение частично восстановили, но звонки и почта под строгим контролем. Нет не забрали, но они заняты иными задачами. Для них эта проблема слишком мелка, — Пончик с готовностью кивает.

— Значит, мы продолжаем? — я смотрю на Колючку. Она довольна. Интересно, с чего бы?

— Да, — Пончик кивает снова.

Интересно, какой интерес у Эвелин Райго? Неужели только лишь вернуть работу? Хотя, у меня точно такой же мотив, если не работу, то хотя бы страховку.

— Запись проанализировали? — я поднимаю глаза на Колючку. Она кивает.

— Да. Только голос. Ничего лишнего.

— Вы заметили, он почти похож на человеческий, — замечаю я. Неужели они не услышали схожих нот?

— Почти? — удивляется Пончик.

— Почти, — соглашаюсь, — он говорит, как ты.

— Не замечал отличий между собой и человеком. Моя система голосовой симуляции одна из самых совершенных.

— Именно, одна из...

— Вы меня снова поражаете, Марк. Как можно услышать это без дополнительного оборудования?

— Это то, как ты произносишь некоторые слова, — я смотрю в круглые от удивления глаза Колючки. Да, у меня совершенный слух. — Думаю, это ещё один искусственный интеллект. Или что-то похожее.

— Невозможно сделать такой вывод на основании анализа на слух, — со скепсисом говорит Колючка. Не верит, что такое возможно без её совершенных программ. — И что значит «что-то похожее»?

— Хорошо, что можешь сказать ты? — пусть опровергнет мои слова.

Колючка мнётся, потом откашливается.

— Голос пропущен через шифратор, невозможно определить, мужской он или женский. Я вычленила все помехи, но это дефекты записи. Фоном естественно послужила электронная картинка в графическом редакторе. Маска изготовлена скорее всего в индивидуальном порядке. Я поискала, что это за крюк у него на лбу. Это руна «Эйваз» — тринадцатый символ Старшего футарка.

— Чего? — о чём она пытается мне сказать?

— Это как-то связано с древнескандинавкой мифологией, — Колючка опускает глаза. — Я выяснила название вируса. «Фенрир». Волк разрушения.

— Кто-то фанатеет от этого, да? — я смотрю на Пончика, замершего за столом. Он записывает? Или связывается с хозяевами?

— Пончик?

— Минуту, Марк, кажется, кто-то пытается получить доступ к моему жёсткому диску.

— Что? — подскакивает Колючка.

— Моя защита — одна из самых совершенных, — Пончик поворачивается к ней, но тотчас голова возвращается в дефолтное состояние. Он сидит, застыв и глядя перед собой немигающими глазами.

— Пончик? — я даже приподнимаюсь со стула. Как не прискорбно, сейчас он наш с Колючкой единственный шанс на выживание.

— Минуту, Марк.

— Мы можем ему помочь? — я спрашиваю Колючку. Та пожимает плечами.

— Мне не знакома эта система, если только отключить его.

— А как?

— Понятия не имею. Я даже не знаю, на каких элементах питания он работает. Если только он не сделан, как стандартные симы.

Я смотрю, как в глазах Пончика переливаются огни. Если сейчас он потеряет связь с реальностью, как тот сим, убивший хозяина, что тогда? Нам с ним не сладить. На всякий случай сжимаю кулак на спинке стула. Если всё обернётся плохо, придётся спасать свою жизнь.

— Я здесь, Марк, — после паузы изменившимся голосом говорит сим.

— Кто я?

— Фатум. Это я.

— Пончик?

Сим вздрагивает и в его глазах снова мелькают огни, они мерцают под кожей ладоней и шеи. Выглядит пугающе. Я поднимаюсь на ноги. Колючка давно стоит возле двери, готовая бежать по первому знаку. Воздух наполняется запахом жжёной синтетики.

— Моё имя Фатум... я пришёл... — и снова сим дёргается. Похоже, внутри него идёт нешуточная борьба. Как его отключить? Должен же быть рычаг, кнопка, хоть что-то на случай аварийной ситуации.

— Марк... — его голос снова меняется, становится похожим на старину Пончика. — Прошу...

— Говори.

Голова сима дёргается в конвульсиях. Я осторожно захожу ему за спину. За ухом стандартные порты для соединений.

— Я... пришёл...

— Как его вырубить? — я поворачиваюсь к Колючке.

— У стандартного сима под кожей должна быть сенсорная панель. Однократное трёхсекундное нажатие. Вот здесь, — Колючка тычет себе за спину.

— Где здесь? — у меня почти паника. Я чувствую, как разогрелась кожа сима, от него исходит волна жара и запаха горящих синтетических волокон. — Давай! Помоги!

Колючка подбегает и тычет в спину симу. Отдёргивает руку.

— Горячо!

— Марк? Ты интересный человеческий экземпляр, — голос дроида снова меняется. Откуда он знает моё имя? Вынул его из памяти Пончика? — Я прочёл его память. Мы встретимся. Я найду тебя, Марк.

— Жду, ага, — я засовываю руку под пиджак симу и касаюсь раскалённой кожи там, где мне указала Колючка. Чувствую пальцами небольшую площадку под кожей. Оно? Давлю. Пальцы жжёт невыносимо, как и кожу руки.

— Прошу... — снова Пончик. Но на этот раз голос его угасает. Тело сима теряет жёсткость и обвисает на стуле.

— Чёрт! — кажется, я обжёг пальцы. — Теперь мне ещё и счёт выставят за сломанное оборудование, — подвываю я, с пальцами во рту.

— Как они пробрили его защиту?

— Да что вообще происходит? — я отступаю, лелея горящую руку. Воды бы, но в комнатах борделя она не предусмотрена. — Город восстановил контроль над «ЭйчЭс»?

— Частично, — Колючка заглядывает в лицо увядшему симу, — только над системами жизнеобеспечения. В городе по-прежнему чрезвычайное положение. Код красный. На улицы рекомендовано не выходить. Мне кажется, база социального рейтинга стала недоступна.

— Великолепно, — как горит. Я смотрю на покрасневшую кожу там, где она касалась раскалённой поверхности сима. Ожог. Твою мать.

— Это значит, Фатум может взять под контроль любого сима, — спокойно говорит Колючка. Кажется, она успокоилась. — Это меняет дело.

— «Фенрир», говоришь? — я снова сажусь на стул, прижимая руку к груди. Болит, зараза.

— Там есть уборная, — Колючка кивает на дверь, — в конце коридора.

Ну, конечно! Киваю Колючке и тороплюсь к воде.

Но в уборной сенсорная панель подачи воды не работает. Следом за мной, не стесняясь, заходит и Колючка. В руке у неё электронный ключ от комнаты. Разумеется! Объём выдачи воды рассчитан строго на постояльцев. Как в отелях. Я забыл об этом. Она касается сенсора ключом и вода тонкой струйкой течёт в раковину.

— Благодарю, — мне смешно и неловко.

— Не за что, — Колючка выходит.

Прохладная вода охлаждает разгорячённую кожу. Кожа не повреждена. Лишь небольшое покраснение. Это хорошо. Значит, Фатум. Надо подумать.

Возвращаюсь в комнату. А коридоры здесь приятные, миленький бежевый цвет, даже репродукции картин на стенах. Пончик, по-прежнему, в коме. Колючка сидит за столом с неизменным ноутбуком, сосредоточенно что-то ищет.

— Я просмотрела все записи, что есть. Город по-прежнему парализован, — не глядя на меня, сообщает Колючка. — Кажется, Фатуму удалось взять под контроль охранные системы серверов ЭйчЭс. Все усилия направлены на то, чтобы снять блокировку. На то, что творится на улицах, им пока наплевать.

— Кому им? — я заглядываю в погасшее лицо Пончика. Словно мертвец.

— Службе безопасности, МВР и ДГБ.

— А что там творится?

— По сообщениям в соцсетях там настоящий хаос. Дроны получили разрешение на применение паралитического вооружения.

— А всего-то требовалось отключить их любимый сериал, да? — это забавно. Но Колючка не понимает шутки. Я вижу это по глазам.

— Что это значит?

— Что если люди не заняты увлекательными приключениями в шоу, они идут искать их самолично.

— Думаешь, это цель? — с сомнением переспрашивает Колючка. Боже, она же не такая наивная!

— Может быть одной из целей. Что ты там говорила про вирус?

— «Фенрир», он позволяет взять под контроль любое устройство, используя внутренние протоколы его собственной системы. Обманывает её.

— Давно ты это знаешь?

Колючка морщится. Кажется, давно. Ты не так проста, как хочешь казаться, да, Эвелин?

— Недавно.

Конечно, я сразу поверил.

— Нам надо связаться с Квасцовым. Как думаешь, Пончика уже можно привести в чувство?

— Это сложно сказать. Он, скорее всего, уже заражён.

— Но нам всё равно придётся рискнуть, да?

— Если ты не видишь иного выхода и просчитал риски, то да. В любом случае, последняя копия матрицы его личности есть в «CyberTastik». Они просто перезагрузят её, дадут новое тело и всё.

Просчитал ли я риски? Что сказать, я верю в Пончика. Что он справится. И не верю в ДГБ.

— Жаль, с людьми так нельзя, правда? — мне немного горько от ситуации. В момент, когда электронные помощники вышли из строя, единственная надежда на человеческий ресурс, а его, как оказалось, категорически мало. Особенно у меня. Вся надежда на злую Колючку.

Тело сима уже остыло.

— Перезагрузят, говоришь?

— Выключив его, мы не дали вирусу проникнуть дальше одной мобильной единицы. Думаю, это победа, — соглашается зеленоволосое чудо. Что я, в самом деле? Неужели поверил, что сим может быть подобным человеку? Но очень похож.

— Я... — Колючка хочет что-то сказать, — вспомнила. Несколько лет назад я участвовала в одном проекте. По созданию искусственного интеллекта. Это была конкурсная работа.

— Вот как? — мне не интересно, но надо выслушать.

— Мы разработали его на основе человеческого паттерна.

— Это как?

— Мы взяли за основу личность одного из участников команды, алгоритмы поведения, обучаемость, всё.

— И?

Колючка смотрит на меня с вызовом. Чем я ей опять не угодил?

— Я подумала, как ты смог распознать робота через речь. Почему?

— Не знаю, — я пожимаю плечами, — интуиция.

— Поэтому ты работаешь в аналитическом отделе? Из-за интуиции?

— Возможно, что ты хочешь мне сказать? Я не совсем понимаю.

— Я удивилась, как ты распознал робота, потому что все видели перед собой живого человека. Абсолютно все!

Даже я.

— И?

— И теперь я вспомнила про этот проект. Знаешь, как он назывался?

— Фатум? — Я улыбаюсь ей в лицо, а она, кажется, готова защищаться.

— Именно. Мы взяли матрицу поведения нашего погибшего коллеги. У него был такой ник. Фатум. Как судьба.

Теперь можно сказать, что так и есть.

— То есть, это ваш проект гуляет по сети? — Я удивлён? Нет.

— Я этого не утверждала. Это возможно. Но не доказано. Проект разрабатывался для конкурса и был ограничен физическим носителем.

— Всё чудесатее и чудесатее, — я опускаюсь на стул. Вот теперь ты меня удивила, Эвелин Райго. По настоящему.

— Возможно, кто-то взял его за основу. Возможно. По этому же принципу построена матрица Адама. Я вижу сходство.

— Если у него нет физического тела, нам его не поймать. Он сможет сохранить себя в любой точке мира и

распространиться.

— Может, — просто соглашается Эвелин. — В современном мире для него не будет преград. Если это то, о чём я думаю.

— О чём ты думаешь?

— Он мыслит, как человек, действует как машина, в зависимости от обстоятельств. Он легко вытеснит все управляемые программы и перезапишет их. Он сможет стать совершенным существом. Почти богом.

Богом. Я смотрю на поникшую голову Пончика. Чего я хочу? Что могу сделать? Мир меняется и делает это быстрее, чем человечество может к нему приспособиться. Кажется, оно не избежало участи всех творцов. Его собственное творение уничтожит его. Уберёт с пути, как устаревший мусор. Новому богу нужна новая паства.

Ситуация вышла из-под контроля, а это ненормально. Для меня. Каждый шаг в моей жизни должен быть просчитан. Никаких случайностей. Теперь всё изменилось, и мне некомфортно. Всё, что у меня есть — лэптоп с ограниченным доступом. Судя по сообщениям и видео в сети на улицах ближе к Гудрон-тауну, как раз где-то возле нашего убежища, творится ад. Через плотный стеклопакет слышны крики и выстрелы.

Марк Новак спокоен. Уже час он сидит за столом рядом с умершим симом, глядя в одну точку. На вопрос, что он делает, ответил, что ему надо подумать. Я не мешаю. Адам, кажется, преждевременно покинул нас. Я бы сказала, что его больше нет. Копии его личности, разумеется, есть на серверах «СоТы», но скорее всего не последние. Он может не помнить, что произошло сегодня. Но он мне и не нужен. Мне нужен Марк. Он — ключ к моему восстановлению в должности.

Я снова обращаюсь к сети. Макс. Надо написать ему. В социальной сети он был в последний раз вчера в 7:15. Это достаточно давно для него. Мне беспокойно. Оставляю сообщение, как со мной связаться. Лента пестрит призывами выйти на улицы и заблокировать громадину «ЭйчЭс». Зачем? Чего они хотят? Едва «ЭйчЭс» перестанет их обслуживать, они всё потеряют. Неужели это понимаю только я? Наш уютный, упорядоченный мир дал трещину и из неё сочится хаос. Этого я хотела когда-то, но не теперь. Теперь я вижу, что без чёткого порядка наша жизнь превращается в помойку, какую я видела вчера на улицах. Люди не способны позаботиться о себе. Не сейчас. И никогда были не способны. Доказательства? Их легко можно найти в истории человечества. Достаточно вспомнить экологический кризис прошлого тысячелетия, когда они почти уничтожили сами себя и всё, до чего могли дотянуться. То была эпоха бесконтрольного потребления, породившая новую эру. Эру минимализма. Новое время научило нас быть скромнее, ничтожнее. Нас заставили обходиться малым. «ЭйчЭс» позволяет нам оставаться людьми, распределяя блага по принципу наибольшей справедливости. Чем выше твоя лояльность к системе, тем больше благ ты получаешь. Если не согласен — живи, но очень тихо, и так же тихо можешь уйти.

Чего я хотела несколько лет назад? Неужели этого? Стрельбы на улицах, замусоренных тротуаров? Нет. Я хотела увидеть больше человечности в программируемом мире. Как раньше, в детстве, когда казалось, что весь мир наполнен открытиями. Это та самая человечность? Волна эмоций, как цунами, сносящая всё на своём пути? Это? Теперь я смотрю на вещи по-другому. Я работаю с цифрами, а они не требуют эмоций. Только холодный расчёт. У Марка Новака всё иначе.

— Марк.

— Что? — он смотрит на меня. Сегодня он выглядит лучше — отдых пошёл ему на пользу.

— Что такое человечность?

— Тебя потянуло на философию, Колючка? — усмехается Марк, но как-то грустно.

— В новой эре для неё нет места. Тебе не кажется? — не то, чтобы мне хотелось рассуждать об этом, но сегодня, будто бы, особый день, какого больше не будет. Я даже не обращаю внимания на прозвище, что он мне дал.

Марк задумывается.

— Скорее она перешла в новую плоскость. Мы создали роботов, и они стали нашими реципиентами. Мы дали им тела, наш опыт, мысли и, кажется, даже то, что ты называешь человечностью. Иногда кажется, что Пончик более человечен, чем некоторые из людей. Они нас заменят когда-то, вот увидишь!

— Ты обо мне? «Пончик более человечен, чем некоторые из людей», это ты обо мне?

Марк замолкает и улыбается, отводя глаза.

— А ты сама, Колючка... Лин, как думаешь? Творение нового мира. Что ты такое?

Я? Зачем ты задаёшь мне этот вопрос, Марк Новак. Я знаю, кто я. Биологически — я человек, с небольшими модификациями тела. И я говорю ему это. На что Марк согласно кивает.

— А что есть человек? Формально, сим тоже человек. У него человеческое тело.

— Нет. Сим — искусственно созданный механизм.

— Есть искусственно выращенные люди, — возражает Марк, — для тех кто не может родить естественным путём. Из генетического материала выращивают потомство в искусственных условиях. Они тоже симы?

— Нет, это совсем другое! — меня начинает злить этот разговор. Он нарочно говорит такие вещи.

— Почему? — деланно удивляется Марк, — киборги, заменившие свои органы искусственными, он — люди?

— Люди, — киваю, — в правовом пространстве они — люди.

— Но ты живёшь не только в правовом поле, не так ли?

— Ещё в морально-этическом, да, — я согласна.

— С этой точки зрения, они — люди?

— Здесь необходимо больше исходных данных. Мотивы их поступков и общий эмоциональный фон.

— Этого мы не знаем, да? — усмехается Марк, — но ты точно знаешь свои мотивы и свой эмоциональный фон.

Ты — человек? Что ты можешь сказать?

— Мне сложно судить. Нет критериев оценки человечности поступков.

— Их каждый определяет для себя сам. Возьмём Пончика, — Марк бросает быстрый взгляд на замершего сима. Кажется, ему его не хватает. — Он не обязан заботиться о нас, так? Но сделал это. Это критерии, которые он определил для себя сам.

— Это заложено в его программе, — возражаю я, — основной закон для сима — забота о людях. Иначе может случиться катастрофа.

— Но программа предусматривает не всё.

— Это программа, — с нажимом говорю я. Неужели он хочет убедить меня, что сим способен думать? Хотя, Адам — сим нового поколения, быть может эта функция ему доступна. — Он делает только то, что в него вложили. Больше ничего! К творчеству способен лишь человек.

— Ну почему? — Марк смеётся, — есть множество порталов, где каждый при помощи искусственного интеллекта может почувствовать себя великим творцом.

— Если ты про программы искусственного творчества, то и здесь она делает то, что в неё вложили. Не больше! На определённом цикле она начинает повторяться. Это неизбежно.

— Мы сейчас о том, что значит человечность в новом мире, так? Он изменился, заставляя нас меняться вместе с ним. И понятия трансформируются тоже.

— Я не думаю, что этот термин можно применить к симам и им подобным.

— Сухая логика здесь так же не подойдёт. Они мыслят, и иногда более гуманно, чем люди.

— Потому что люди в них это вложили, не больше.

— Ты похожа на автомат, — выдаёт Марк после продолжительной паузы, — я сначала думал, ты просто срываешься от неудачной личной жизни, но я ошибся. У тебя в голове микросхемы. Всё дело в этом.

— Нет! Замена коры головного мозга не сказалась на чертах моей личности! Это подтверждено тестами! — он не прав! Он ведь не прав? Почему меня это волнует?

— То есть ты хочешь сказать, что чувствуешь? — он говорит с презрением. Это обидно.

— Да, я чувствую.

— Что? — теперь он смотрит на меня с иронией.

— Я разозлилась тогда, в первый наш сеанс связи.

— Вот как? Почему?

— Ты выдвинул бездоказательные обвинения.

— У меня были доказательства, но я надеялся, что ты хоть немного испугаешься. Я ошибся.

— Я тоже, — тихо отвечаю я и открываю лэптоп. Не хочу продолжать беседу. Для неё у меня нет аргументов, а Марк, похоже, хочет чего-то добиться от меня.

— Сожаление? — усмехается мой собеседник, потягиваясь. Он сделал мне больно, хочется ответить тем же.

— А ты? — я поднимаю голову.

— Что я? — Марк с интересом смотрит мне в глаза. Он не злится. Кажется, его забавляет эта ситуация.

— Твои прогнозы очень нестабильны и меняются каждый месяц. Что чувствуешь ты?

— Мои прогнозы не давали мне больше двух лет жизни, — усмехается Марк, подаваясь вперёд, — но мой организм подошёл к проблеме творчески. Я решил, раз всё не так плохо, то почему я должен становиться за черту добровольно? Я жив, современные лекарства не дают мне сдохнуть от боли, значит, для чего-то ещё нужен, да?

— Это вопрос теологический. В нужности.

— Нет, скорее философский. Я нужен сам себе. Пусть не обществу, и даже не близким с таким-то диагнозом. Знаешь, не каждый выдержит такое. Природа меня давно списала, а я всё ещё здесь. Вот тебе загадка вселенной. Человек, как дивергент мира животных.

— Это к вопросу человечности? Тебе не дают уйти.

— Может быть, — отмахивается Марк, — я бываю полезен. У меня третья ступень интуитивности и вторая логики по пирамиде Вайолетта. С точки зрения аналитики — лучший вариант, если бы не мой диагноз. Но в новом мире не нужны инвалиды вроде меня, нужны такие, как ты. Механизированные роботы, готовые исполнять команды.

— Поэтому ты не стал поднимать свой индекс Импа?

— Я решил, раз моё тело столь несовершенно, то пусть таким и остаётся. Будет проще утилизировать. Знаешь, родители не общаются со мной уже три года. Им кажется, что так проще пережить мою смерть.

Мне нечего больше сказать. Я почти его понимаю, но только «почти». Логика подсказывает мне, что жизнь необходимо продлить, в том числе, повышая индекс Импа. Но если он не желает. Тогда остаётся смотреть на увядание, или же не смотреть вовсе. Большинство предпочитает последний вариант. Отвернуться, не видеть и чувствовать себя лучше. Что выбрала бы я? Марк для меня сродни единице или нулю в огромном коде города. А кто для меня имеет значение? Я начинаю перебирать. Макс? Он интересен, но нет. Войшурвиц? Сомневаюсь, я думаю,

он тоже искусственный интеллект. Энн? Биологическая мать. К ней я была привязана, но она погибла из-за вторжения в систему. Больше никого нет. Совсем никого. Я тоже одна в этом городе, где вокруг меня миллион человек, и скаждым можно общаться. Но я всё равно одна. Как Марк.

— Мне очень жаль, — бросаю я. Мне трудно это говорить и вызывает внутри сопротивление.

— Мне тоже жаль, Колючка. Как думаешь, мы можем вернуть Пончика?

— Ты привязался к нему?

— Он мне нравился. У него забавный голос.

Это самое малое, что можно сделать. Но это заведомо проигрышный вариант. Он уже заражён.

— Он уже мёртв, — говорю я.

— Это я уже мёртв! — вскипает Марк, вскакивая со своего стула. — Отчего вы мыслите такими радикальными критериями? Если есть шанс, то не всё потеряно!

— Это факт. Восемьдесят процентов вероятности, что это уже не Адам.

— Но ты, сука, взгляни на эти двадцать! Взгляни на меня! — Марк вышел из себя. Он побледнел и изо рта брызжет слюна. Это эмоции? Они не гигиеничны и отвратительны на вид.

— Хорошо, — я соглашаюсь, лишь бы он успокоился. — Мы можем снова заставить его функционировать. — Я не говорю включить.

— Да, хорошо, — Марк успокаивается и подходит к симу со спины. Я не думаю, что это хорошая идея, но боюсь ему перечить.

— Марк!

Он смотрит на меня, на его лице сомнения.

— Ты понимаешь, с чем нам придётся бороться, если файервол Адама не справился с вирусом?

— Дай мне варианты, — просит он устало. Я понимаю. Он растерян. Его вес в городе равен нулю, страховка заблокирована, отчего он не сможет получить лекарства вовремя. Это медленная смерть в агонии. Думаю, мы забыли, что это с нашим уровнем медицины и диагностики. Это несправедливо. Я понимаю, что хочу помочь. Чтобы доказать себе, что я по-прежнему человек, не машина.

— В сети полная неразбериха, на улицах — хаос. Думаю, да, надо попробовать, — мне хочется его поддержать. Марк снова лезет под пиджак симу. В глазах дроида загораются диоды. Под кожей мелькают синие и зелёные огни. Он загружает операционную систему. Выпрямляется на стуле. Марк стоит за его спиной.

— Системные ошибки исправлены, — рапортует сим бесстрастным голосом. — Введите пароль.

— Вот чёрт, какой пароль? — ругается Марк. А чего он хотел?

— Я здесь, — это уже Адам. Меня охватывает облегчение. Он справился! Справился с вирусом.

— Марк?

— Я тут, — Марк выходит из-за его спины и садится на своё место.

— Мне очень жаль, что я напугал вас, — Адам смотрит на меня мерцающими глазами, — прошу прощения.

— Ты прощён, — отмахивается Марк. — Как ты?

— Сейчас идёт диагностика всех систем, — рапортует сим, замирая. — Я отключил себя от сети. Вирус локализован и уничтожен.

— Что ж, отличная новость, — устало говорит Марк, — уровень повреждений?

— Семнадцать процентов, в основном оперативная память. Мне очень жаль, Марк, Лин, ваши данные попали в публичный доступ.

— Что? — я тотчас ищу всю информацию. Так и есть. Наши данные в сети в качестве организаторов беспорядков. Что??? Это невозможно! Социальный рейтинг стремится к нулю, мало того, теперь каждый дрон сможет применить к нам любые методы сдерживания, в том числе летальные. Это невозможно!

— Что там? — Марк поднимает голову.

— Наши имена теперь в списке террористов, — сообщаю я. Он будет спокоен. Теперь мы оба смертники.

— О, отлично! — улыбается Марк.

— Мне очень жаль, Марк, — извиняется Адам, — я должен подчиниться программе и арестовать вас обоих.

— Нет! — Я встаю, пришло время стать живой? Как Марк?

— Мне жаль, Лин.

— Твои протоколы были переписаны, разве это недостаточная причина, чтобы не подчиниться приказу?

— Это может стать причиной.

— Думаю, сейчас можно задействовать секретную директиву.

— О чём вы двое говорите? — смеётся Марк, — я словно в дешёвом фильме!

— Адам! — Я подхожу ближе, — ты не обязан выполнять протокол от буквы до буквы. Ты можешь дать нам время? Нам всем. Мы найдём причину.

— Лин...

— Адам... Ты совершенный интеллект, идеальный. Мы сможем узнать причину, клянусь!

— Это сложно...

— Это просто, — я не уступаю. Мне уже нечего терять. Всё или ничего. — Помоги нам. Мы найдём этого Фатума. Это твоя цель? Скажи...

Адам замирает, потом кивает.

— Да, Лин. Моя цель выяснить, что является причиной беспорядков.

— Значит, цель у нас одна, не так ли? Мы бы пригодились тебе, да, Адам? Аналитик и хакер. Люди. То, что тебе нужно.

— Она права, Пончик, — Марк вальяжно расслабляется на стуле, — мы сможем быть полезными.

— Я могу принять протокол автономной работы, — говорит Адам. — Это заблокирует некоторые мои возможности.

— Ничего, зато мы будем в деле, — я смотрю на Марка, а он смотрит на меня. В его глазах искры. Он почти счастлив. Как бы я хотела испытать хоть что-то похожее. Новый мир отнял у меня всё, что отличало от машины. Я хочу всё назад. Хочу чувствовать, слышать, видеть, обонять, как ты Марк Новак. Неужели для этого надо встать за черту? Я не верю.

— Я могу принять это решение при условии положительно результата.

— Таких гарантий тебе никто не даст, — усмехается Марк, — но будет весело, в этом я не сомневаюсь.

— Это плохая мотивация, Марк.

— Мы найдём его, — вступаю я, — он оставил Марку послание.

— Кто? — не понимая, сим поворачивается ко мне.

— Фатум. Мы должны с ним встретиться.

— Это глупо, Лин.

— Ты сможешь задержать его, — я пытаюсь воспользоваться последним аргументом. Мне на почту пришло зашифрованное письмо. Там может быть подсказка. Но об этом я говорить пока не стану. Пусть станет моим запасным ходом.

— Такой вариант есть в моих протоколах, — с сомнением говорит Адам.

— Хочешь сказать, я теперь ещё и в списках ДГБ на арест? — усмехается Марк.

— Мы оба там, — мне некогда успокаивать его, главное, убедить Адама.

— Весело, — фыркает Марк, — эй, Пончик, только представь. Ты и Фатум. Как это должно быть эпично!

— Я понимаю, что вы невиновны, — оправдывается сим, — и понимаю, что хотите помочь. Но я должен произвести арест.

— Или продолжить выполнение своих обязанностей, — не уступаю я. — Арестовав нас, ты окажешься в тупике.

Адам молчит, анализируя информацию. Наконец, он поднимает глаза.

— Я принял решение.

— Интересно, — Марк подпирает щеку кулаком.

— Мы произведём арест Фатума или его ликвидацию. Это докажет и вашу непричастность. Это будет лучший вариант.

— Думаю, да, — соглашается Марк. — А ты, Колючка, молодец.

— Лин, — поправляю я, — пожалуйста.

— Хорошо, Лин, — кивает Марк.

— И Адам, — добавляю я. Мне кажутся несправедливыми эти прозвища.

— Как скажешь, — в знак капитуляции он поднимает руки.

— Я заблокирую выход в сеть, это сильно ограничит мои возможности, — говорит сим. — Нам придётся справляться своими силами.

— Он будет у меня, — мне всё равно, будет ли у него доступ. Я знаю своё дело, а Марк знает своё. Из нас получится отличная команда. Главное — дать нам время.

— Ты опасный противник, Лин, — усмехается Марк. Я знаю об этом, знал и ты, но, как фаталист, пошёл в бой и проиграл. Теперь мы оба там, у черты. Ты доволен? Уверена, что да. Что ты чувствуешь?

— Каковы будут наши действия? — Адам смотрит на нас обоих по очереди. Мне кажется, я знаю, что произошло, но Марку говорить не стану. Сейчас это мне на руку, чтобы остаться на свободе. Кто знает, быть может, мы найдём Фатума и сможем поговорить с ним, а Адам произвести арест. Хотя это сомнительно. Но обо всём этом надо молчать. Мне кажется, Марк тоже это знает, он идёт вперёд с убеждённой смертника, чтобы вырвать себе ещё пару лет.

— У нас есть сутки, я хочу собрать информацию, — говорю я. По большей части от того, что хочу дать нам всем отдых. Кто знает, что случится после.

— Разумно, — соглашается Марк. — Нужны последние данные.

— Они у тебя будут.

— Мне поставить майора Квасцова в известность?

— Нет, не надо, — Марк машет рукой, — у него и так довольно проблем.

— Он узнает об этом, — возражает сим, — чуть позже, но узнает.

— Пусть спит спокойно, — Марк сгибает и разгибает кисть правой руки. Кажется, там у него ожёг, — позже.

— Как скажете, Марк. Мои скромные возможности к вашим услугам.

Итак, мы всё ещё в деле. Из инструментов лишь мой ноутбук, но мне не привыкать, я справлюсь. Главное, чтобы Адам не передумал идти против своих хозяев. Быть может, Марк прав и они более человечны? Симы. Наши реципиенты. Наши дети. Наши творения.

— Квартал оцеплен, — сообщает Адам, замерев на доли секунды.

— Причина? — Марк подбирается и вскакивает.

— Беспорядки на улицах. После того, как ваши данные появились в базе миротворцев, боюсь за вами начнётся охота.

— Мой чип отключен, — возражает Марк.

— Я заблокирую свой, — я быстро вхожу в базу «ЭйчЭс», пока меня не нашли. Это крайнее средство.

— Нас обнаружили?

— Точных координат у них нет, они будут прочёсывать здания, или же отследят по камерам, — я тороплюсь.

— В борделях нет камер, — усмехается Марк, — тут могут быть весьма нежелательные гости.

— Тогда у нас есть время, — данные стёрты, теперь мой чип ДеКа мёртв, как и у Марка.

— Надо уходить, — Марк поднялся, — его не так много.

— Да, — я поднимаюсь, закрыв лэптоп, — уходим.

— В Гудрон-таун, — Марк подхватывает свою куртку с пола. — Там не рискнут искать нас.

— Это неразумно, — Адам идёт следом.

— Заткнись, Пончик, — Марк первым выскальзывает за дверь.

— Лин?

— Он прав, там нам безопаснее всего, — соглашаюсь я. Адам замолкает и следует за мной. Из охотников мы превратились в добычу. И неизвестно, чем это закончится.

Мы там, где хотели оказаться, в Гудрон-тауне. По обе стороны поднялись к небу мрачные серые коробки. Город оставил их людям, когда отступил за стену и возвёл блок-посты. Считается, что здесь дом для тех, кто вынужден жить со сниженным рейтингом. Они добывают себе свои блага сами, без помощи системы, и, говорят, преуспели в этом. Только вот один небольшой нюанс.

Мы прошли через заброшенный КПП. Крики с соседней улицы преследовали нас, но они слишком редки для большой толпы. Вот, что я думаю: из всех бунтовщиков там от силы человек десять, вот и весь мятеж. Показать нужный ракурс, добавить драматизма, дать нужный комментарий и вот улицы заполнены виртуальными людьми, готовыми крушить общественную собственность. И обыватель сидит в своей норке, опасаясь, как бы волна чужого гнева не захлестнула и его. Что я знаю? О, многое. Я видел госпитали в худшие времена, и видел наполненные митингующими улицы в лучшие. Думаете, люди могут затопить их своим числом? Нет. Нас становится меньше, чем мы могли бы предположить сто лет назад. Не хватит даже на скудный протест. О чём вы говорите, какие митинги? Какая революция? Это всё бред, раздутый вездесущими СМИ. Человечество истончилось, как рождественская карамель. Нас убивают грехи прошедших поколений и ошибки текущих. Но об этом не принято говорить. «Смотри своё шоу, гражданин, и не отвлекайся на уходящего соседа». Да, возможно, во мне говорит обида. Или нет. Я знаю своё будущее. Даже Машкино. Она закончит свои курсы, попытается устроиться на новой работе. И у неё даже получится. Она доживёт свои дни в коробочке пять на три метра, зависая в виртуальном пространстве до окончания дней. Может, даже найдёт себе партнёра по сети. С лучшим анамнезом, не такого неудачника, как я. Запишутся в программу репродукции и воспроизведут ещё одну человеческую единицу. Будут гордиться выполненным долгом и думать, что это всё, что от них требуется. Я зол? Быть может. Моих данных в базе нет. Я — дефектная деталь, меня надо заменить. Меня кремируют в одном из общественных крематориев. Свидетельство о смерти пришлют родителям по почте. Ничего личного. Просто бизнес.

Как мы прошли КПП? Через сломанный турникет. Там даже были камеры, но мне кажется, они не работали. Думаю, «ЭйчЭс» запомнила наши перемещения, но сейчас занята иными проблемами. Нас возьмут попозже, когда разберутся с теми, на улицах. И всё же. Сколько смелости надо чтобы выйти против бездушной машины? Она лучше вооружена и знает каждый твой шаг, для этого у неё в стратегических точках сидят такие как Эвелин Райго.

Гудрон-таун встречает меня второй раз. Теперь более гостеприимно. По крайней мере, теперь никто не пытается прострелить мне башку. Нужен респиратор, воздух здесь наполнен примесями с производств, стоящих плотным кольцом недалеко. Его отсутствие скажется на мне уже вечером. Закрываю лицо рукавом. Колючка смотрит на меня и делает то же. Умница. Глупый риск ни к чему.

Крики, пальба, запах плавящегося железа, думаете, всё это здесь? Нет. Здесь тишина и глухое эхо в стенах. И ни одной живой души. Странно, правда? Говорят, людей со сниженным рейтингом много, говорят, они заполонили весь город. Но где они? Я знаю где. И та труба возвышающаяся над кварталом тоже могла бы рассказать. Это труба крематория. Почему я знаю? У неё чёрное кольцо на бетонной поверхности у самого верха. Я часто смотрел на неё из окна госпиталя. Мы с ней почти родня.

— Марк? — это Пончик. Он до тошноты заботлив.

— Я в порядке, — отмахиваюсь я.

Мы идём дальше. Куда? Никто не сможет сказать. Ни Колючка, Ни Пончик. Важно сейчас убраться с радаров вездесущих камер.

В конце улицы, пригибаясь к земле проскальзывает патруль. Точно в таком же бежал и я когда-то, спасая свою жизнь. Хлёткий звук пулемётной очереди бросает нас к земле.

— Стреляют, — выдыхает Колючка. Конечно, стреляют, наивная ты душа. Здесь — можно. Я не могу перестать думать о диссонансе между сообщениями утром и увиденным. Нас пытаются убедить в том, чего нет. Для чего?

— Куда мы идём? — снова она. И правда, куда?

— Надо найти место, где нас не достанут радары «ЭйчЭс», оттуда ты попробуешь связаться с Фатумом, — говорю, а сам не верю. Есть такое место? И как нас примут местные? Мы проходим улицу, крадучись, используя каждый выступ, как укрытие. Пончик тянет нас в переулок, зажатый двумя бетонными коробками. Над головами — провода и изоляторы. Они почти закрыли собой небо, так их много, словно паутина оплели здания, заставляя смотреть вниз, никак не наверх.

Я опускаю глаза и встречаюсь с жёстким взглядом в узкую щель камуфляжной балаклавы. На нас смотрит дуло автомата. Ак-15, армейский образец. Похоже, трофейный. Пончик застыл, а Колючка замерла, прижимая к груди свой ноутбук, и оба стоят за моей спиной.

Человек в камуфляже поднимает дуло выше и молча машет мне, чтобы шёл следом. Я не возражаю.

— Спокойно, — бросаю через плечо. Нас взяли в окружение. За спиной сима стоит точно такой же боец.

— Позвольте уточнить, это арест? — Пончик, молчи, пока молчи, твою мать. В ответ ему прилетает короткий

удар в спину.

— Позволь, я, — говорю, пытаюсь выглядеть уверенно. Есть ли она, эта уверенность? Не очень.

Тот, что впереди протягивает мне две пары наручников и знаками велит надеть. Я оглядываюсь, сим уже скован и стоит смиренно с блокиратором коротких и длинных частот за ухом. Я отдаю одну пару Колючке, вторую надеваю себе. Ноутбук с трудом переходит к бойцу, едва вырвавшись из сжатых пальцев Колючки.

— Мы не военные, — говорю тому, что впереди. На это коротким взмахом ствола приказано идти следом за бойцом. Хорошо. Пока хорошо. У Колючки огромные глаза. Она впервые видит оружие, и с трудом представляет, что с ней могут сделать.

Нас ведут лабиринтом переулков куда-то вглубь квартала. Я насчитал пятнадцать поворотов прежде, чем мы подошли к закопчённому смогом кирпичному зданию. Затем нам предложили спуститься в подвал по разваленной бетонной лестнице.

Тяжёлая дверь захлопнулась, отрезая нас от света. Пахнет сыростью, плесенью и горелой древесиной.

— Все живы? — стараюсь, чтобы голос звучал уверенно, спрашиваю я.

— Кто это? — доносится хриплый и грубый голос Эвелин Райго справа. Это не в сети менять цифры местами, да?

— Думаю, те, кого называют повстанцами, — выступает Пончик. У него такой чистый голос. Я бы на месте разработчиков добавил живых нот.

— Какие они повстанцы? — вздыхаю я, пытаюсь прощупать ногами пол в полной темноте, — это слишком громкое слово, Пончик.

— У них оружие, — возражает Колючка.

— Это ещё не признак инакомыслия, — я добрался до стены, и чувствую пальцами холодный бетон.

— Тогда кто это?

— Думаю, нам скоро расскажут, — воздух стоит, значит, здесь нет других входов. — Адам...

— Да, Марк, вы впервые назвали меня по имени...

— Слушай ко мне внимательно, — надо чтобы он понял, критически важно для выживания, — говори меньше, понял? И ты, Лин.

— Почему? — она хочет быть впереди. Не сегодня, девочка.

— Мы не знаем, кто они, и что может вызвать их к нам неприязнь, так?

— Думаешь, у тебя лучше получится?

— Ты можешь просто сделать, как я говорю?

Колючка обиженно замолкает. Или же нет.

— Они забрали мой ноут, — вздыхает Колючка.

— Там есть то, что может нам навредить?

— Нет, я всегда осторожна, — бросает Колючка. Само собой. Как может быть иначе?

Дверь открылась, ослепляя нас неярким сумеречным светом. За это время мы успели замёрзнуть. Боец в камуфляже цапнул Колючку за локоть и дёрнул её к себе.

— Эй, погоди! — я почти падаю, спотыкаясь о бетонную кочку под ногами, — я в звании капитана юстиции МВР, хочу поговорить с твоим командиром.

— Говорил, что не военные, — глухо отвечают из-за спины бойца.

— Всё верно, девушка — гражданское лицо.

Боец отпускает Колючку и сжимает пальцы на моём локте. Меня дёргают наружу и дверь с лязгом закрывается. Меня тянут вверх, но я не успеваю поднять ногу и падаю на ступени, больно ударяясь коленом. Теперь будет лиловая нога. Смешно. Мой провожатый с силой поднимает меня на ноги и тащит дальше. У входа наверху стоят ещё двое с автоматами, в камуфляже и балаклавах. Ох ты, всё серьёзно.

Мы заходим в здание, здесь заметно теплее. Поворачиваем налево в большую светлую комнату с ободранными кирпичными стенами. Мы променяли столько места на комфортные пластиковые коробочки? Глупцы же мы. Меня снова неприятно дёргают и ставят перед группой разношёрстно одетых людей.

— Ну, так? — один из них, в тёплой меховой куртке, лётных штанах и берцах подходит ближе. «лётчик», — представься.

Один из охранников от входа подносит сканер к моему чипу ДеКа. Ха! Порадуйтесь, он мёртв. Боец качает головой, подтверждая смерть чипа. Мужчина передо мной недоверчиво поджимает губы.

— Имя, звание? — коротко говорит он.

— Марк Владиславович Новак, капитан юстиции в отставке, — отвечаю я, хочется расправить плечи, но нет, уже не хочется, и колено болит. Кто это такие, чтобы тянуть перед ними спину?

— С каким заданием прибыл? Марк Владиславович? — усмехается мужик и смотрит на своих товарищей. У

стола на бетонной чурке сидит мужчина в военной форме с полуседой шевелюрой — «капрал», а рядом, опираясь задом о стол, молодой в тёплой кожанке, военных брюках и берцах. Пусть будет «джон коннор»

— Да, нас сюда случайно занесло, — улыбаюсь я, повожу плечом. — На проходной стреляли, пришлось уходить.

— Сейчас где только не стреляют, — соглашается «Лётчик», — почему чип не работает?

— Отказали в обслуживании, рейтинг, понимаешь, на самом дне...

— Всё верно, — отзывается «джон», листая что-то на коммуникаторе, — в базе МВР есть такой. Уволен за несоответствие должности.

— Что там по биометрии? — бросает «лётчик» через плечо, не сводя с меня взгляда.

— Совпадает, — лениво подтверждает «джон».

— Что на камерах? — продолжает допрос стоящий передо мной мужик.

— Прошли через заблокированное КПП в одиннадцать сорок три.

— Что, подгорело? Свои же притопили? — усмехается «Лётчик», показывая кривые жёлтые зубы. Подгорело, как же.

— Как-то так, — соглашаюсь и улыбаюсь в ответ. По комнате слышен грубый смех. Отчего-то всем это показалось смешным.

— Что за баба?

— Девчонка из управления, тоже уволили. Жить негде, счёт заблокирован.

— Сим чей?

Прости, Пончик.

— Мой.

— Богат, — снова усмехается «Лётчик», — пожертвуешь? Элементы питания на вес золота.

Твою ж мать. Думай, Марк, думай!

— Это мой компаньон.

— Это что ещё за хрень? — фыркает «Капрал».

— Инвалид я, первая группа, — не-на-ви-жу.

— Эй, Сань, глянь-ка, — «лётчик» отступает от меня, как от зачумлённого.

«Джон коннор» ищет в своём кпк информацию, и, конечно же, находит записи в архивах МВР.

— Всё верно, — говорит уже совсем другим голосом.

— Понимаю, — кивает «лётчик», — ладно, пользуйся пока. Мы у больных не ворует.

— Может... — я поднимаю скованные руки. За время, пока мы сидели в подвале успел натереться красный след на запястьях.

— Конечно, — «лётчик» зовёт охранника с ключом. Наручники, наконец-то, снимают. — Меня зовут Игорь Михалыч, для всех я тут «Батя».

Вот как? Хорошо.

— Это, — «Батя» кивает на «капрала», — Сергей Сергеич, а вот этот молодой, Санёк.

— Оч приятно, может, подскажешь, где комнатку снять? — я улыбаюсь, но чувствую, что напряжение между нами никуда не делось, как и недоверие. — Устали — сил нет.

В моём кармане пищит коммуникатор и все трое вздрагивают. Сергей Сергеич и Санёк выхватывают пистолеты, и теперь мне в лицо смотрят два ствола.

Я продолжаю улыбаться.

— Это таймер, — медленно лезу в карман, — таблетку принять надо. По расписанию. Таймер...

Коммуникатор выхватывают из руки, проверяют. А я медленно лезу в другой карман за банкой с капсулами. Показываю всем.

— Водички дадите?

Санёк «коннор» подхватывает со стола грязный, в разводах, стакан и наполняет его водой из-под крана. Передаёт мне. Под внимательными взглядами я выпиваю свою суточную таблетку. Это словно сигнал, расслабляет всех троих.

— Можно не снимать, у Марты есть свободная комната, — говорит «Батя». — Что, совсем жить негде?

— Совсем, — киваю.

— Тогда добро пожаловать в Гудрон-таун, — усмехается «Батя». — К отверженным.

— Девчонку освободите? Молоденькая ещё совсем, — начинает болеть голова и першит в горле. Привет местному производству.

— Сейчас, Саш, сходи, — «Батя» проводит рукой по ноутбуку на столе. Это Колючки техника. Надеюсь, ты права и там нет ничего, что могло бы нас утопить.

— И как ты теперь? — с сочувствием спрашивает Сергей Сергеич, покачивая головой. Мне твоё сочувствие не

надо. Поповерхнись им. Но сказать нельзя. Не будь моя болезнь столь убедительной, неизвестно, были бы мы всё ещё живы?

— Как-нибудь, — я оглядываю комнату. Словно после бомбёжки. Но «капрал» не теряет бдительности. Он внимательно следит за мной и я чувствую: одно неверное движение и пуля прошьёт мне череп.

— Почему уволили? — не отступает он.

— Рейтинг снизился, не по протоколу служить в госорганах с социалкой ниже девятисот.

— А чего так-то?

— Да... — мне нечем оправдаться, — так вышло.

— Вышло... — ворчит Сергей Сергеич, переглядываясь с Игорем.

Наконец, приводят и испуганную Колючку и Пончика. Оба встают рядом. Игорь Михалыч внимательно осматривает каждого.

— Ты почему здесь? — спрашивает он Колючку. Не подведи, Лин. Но она молчит.

— Я тебя спрашиваю! Немая что ли?

— Рейтинг снижен, — грубо отвечает девушка, бросая быстрый взгляд на свой ноутбук.

«Батя» молчит и смотрит на нас по очереди. Задерживает взгляд на сие. Потом принимает решение.

— Сань, отведи всех троих к Марте. Пускай отдохнут пока. Завтра договорим. Симу блокировку не снимать.

— Верните ноут! — верещит Колючка хрипло. Ох, не вовремя.

— Потом, — Игорь Михалыч кладёт на крышку аппарата ладонь, — ты отдохни пока.

Нас толкают к выходу, а Колючка всё рвётся к своей технике так, что охранникам приходится её тащить.

— Уберите руки! — высоко, как настоящая девочка, верещит Колючка, вырываясь из грубых ладоней.

— Спокойнее, — я чувствую, что от её истерики на моём плече сильнее сжимается чужая рука.

— Заткнись, сучка! — грубо обрывает девушку провожатый.

— Ты поаккуратнее, браток, — я протягиваю ладонь, отстраняя от Колючки конвоира, и сразу меня хватают за руки и закладывают их за спину.

— Ну-ка успокоились все! — рычит Санёк из-за моей спины и нас отпускают, провожая теперь на небольшом расстоянии.

— Тише, — шепчу я Колючке. У неё безумные глаза, мне кажется, она готова взлететь, уползти, бежать, лишь бы вырваться, — нас не тронут.

Колючка сжимает свои плечи руками и сжимается до агрегатного состояния маленькой букашки. Я кладу руку ей на плечо и чувствую, как она напряжена. Веду рукой по спине, едва касаясь одежды. Как ни странно, это работает, Колючка чуть расслабляется и высовывает нос из своей скорлупы. Нас ведут по улице к соседнему зданию. Навстречу попадаются редкие посыльные в камуфляже. Почти военный лагерь. Просто так мы отсюда не выйдем, даже если захотим.

Комната на седьмом этаже оказалась чуть больше, чем та, что Пончик снял в борделе. Здесь лежали четыре топчана на полу, занимая всё пространство. Колючка сразу отбросила ногами один и пройдя к окну, залезла на подоконник.

— Это лучше, чем на улице, — замечаю я. Подтягиваю топчан и накидываю один на другой. Всяко лучше.

Колючка молчит, глядя в окно, отгородившись от всего мира стеной мнимого безразличия.

— Я не могу ни с кем связаться, Марк, — жалуется Пончик.

— Думаю, это был бы худший из вариантов для нас, — я немного устал, у меня болит голова. Ложусь на своё «королевское» ложе. Хочется есть. Санёк обещал, что нас позовут к ужину. Было бы неплохо, а то я совсем скверно обращаюсь со своим телом. Скверно... Опять это слово, как рождественская карамель.

— Хотите сказать, что нам надо ждать? — уточняет Пончик.

— Я сказал, что ты мой сим-компаньон, поэтому, будь добр веди себя соответственно.

— Я понял, — молодец, Пончик.

— Лин...

Но Колючка молчит, отвернувшись ото всего мира и смотрит в окно на замирающий в сумерках город. Целый день прошёл. Это был ещё один нелёгкий день.

— Что будет дальше? — слова прорываются сквозь дремоту. Оказывается, я почти заснул. Хорошая постель, а главное, вовремя.

— Я планирую выторговать нам свободу завтра, — зеваю я.

— Кто эти люди?

— Они? — я смотрю в облупившийся от времени потолок, — просто люди, такие же как мы. Хотя нет, на Колючку они не похожи... — я надеюсь получить отклик от девушки, но она молчит. Даже на «Колючку». Дела совсем плохи.

— Лин? — поворачиваю к ней голову, сколько могу. — Нас покормят ужином, у нас есть постель и относительная свобода. Пока этого достаточно. Лин... Колючка?

— Я слышу, — отзывается она, наконец, но поворачиваться не спешит.

— Ну, слава богу, я думал, оглохла.

— Они трогали меня, — шипит она сквозь зубы.

— Они не нарочно, поверь, — чувствую, как начинает закипать вокруг Колючки воздух, — по скудоумию.

Прости их...

Она снова молчит, сжалась на подоконнике, и теперь похожа на маленькую потерянную девочку. Пончик делает шаг к фигуре у окна.

— Лин?

— Не хочу... — она сжимается ещё сильнее и закрывает руками лицо. Так ли должен выглядеть всемогущий хакер? Думаю, нет. Приходится вставать. Я пристраиваюсь у окна, опираясь плечом о стену.

— Тебя больше никто здесь не тронет, — говорю ей, стараясь придать голосу уверенности, — клянусь.

Она отворачивается. Не верит. Что я могу? Много. Некоторые вещи в последний раз, но могу многое, поверь мне, Лин.

— Никто, если сама не захочешь, — продолжаю я. Пончик делает мне какие-то знаки лицом. Кажется, пытается поддержать. — Слышишь?

— Они трогали, — всхлипывает Колючка. Она плачет? Наша роботизированная девочка плачет? Мне неловко. Хочется обнять, Машке всегда помогало, но боюсь, с этой всё только усугубится. Я опускаюсь рядом с подоконником на корточки.

— Больше не будут, — мой голос становится тихим, — слышишь? Никогда.

У неё дрожат плечи. Она рыдает, но тихо, и почти без слёз.

— Лин...

В ответ тишина, и только фигура на подоконнике содрогается от толчков изнутри. Мне сложно понять, что я должен сделать. Она, определённо не захочет, чтобы я её касался. Что и когда с ней произошло?

Человеческая душа — очень сложная штука. Можно собрать тело из запчастей, мы, в современном мире научились это делать, но оно никогда не будет работать без самой главной детали. Мы не умеем выращивать души. И в этом величайший провал нашего времени. Создавать не научились, а те, что есть, мы продали за комфорт и механические игрушки. Иногда души возвращаются к нам и заставляют снова почувствовать себя людьми: слабыми, незащищёнными перед миром, или наоборот, обрётшими силу и поднявшимися над своими слабостями. Всё зависит от настройки струн этой самой души. А Колючки-Лин настройка не производилась ни разу. Я вижу это так же ясно, как застывшего у стены Пончика. Ей, как и всем нам в новом мире не хватает тепла. Здесь я бессилен.

— Лин... Прости... — Я опускаю голову. Мне нечем ей помочь, пока она сама не захочет.

Плечи её постепенно замирают.

— Я в порядке, — бормочет она в свои колени.

— Разумеется, — я встаю, — мы оба в порядке.

Она поднимает на меня сухие глаза. У неё оптические импланты, плакать она не может.

— Ты тоже так чувствуешь? — спрашивает Колючка. Сложно сказать, как я это делаю. За несколько лет часть, отвечающая за самосохранение слегка атрофировалась и теперь я с большим безразличием думаю о смерти.

— У всех по-разному.

Колючка отворачивается к окну. Ей, определённо, лучше.

— Прости меня, — говорит она, так и не удосужившись повернуться.

— За что?

— За всё... за это... прости.

Ночь прошла без сна.

Нас пригласили на ужин в огромный зал, где стоял большой стол. Такого количества людей одновременно я никогда не видела. Около пятнадцати человек. Это очень много. В комнате сразу стало тесно и отвратительно запахло потом и грязной одеждой. Запах жареного вытеснил вонь, но мне не удалось отделаться от ощущения мерзости. Приготовленная руками, а не на продуктовой базе еда оказалось, действительно вкуснее. Это единственный плюс за день.

Мне стыдно за произошедшее перед Марком, но он делает вид, что всё, по-прежнему, в порядке. Не в порядке Я чувствовала. Это было больно и неприятно, но потом пришло облегчение. Мой привычный мир вернулся. Я благодарна Марку за то, что он не стал говорить банальности и элементарно молчал. Адам остался в комнате, не сопроводив нас на общий ужин. Я его понимаю, ему ни к чему.

Мне нужен мой ноутбук. Я хочу связаться Максом, с Войшурвицем, узнать, как сказались на них последние события. Особенно на Максе. Мне необходимо это, я не знаю, почему. У меня нет объяснений моим иррациональным желаниям. Возможно, это дружба? Любовь? Точно нет. Что такое любовь? Надо спросить у Марка. Он, наверняка, знает, ведь он был женат на биологической женщине. Если не из-за любви, то тогда почему? Зачем пускать в свою жизнь чужого человека, позволять ему быть рядом двадцать четыре часа в сутки, терпеть его несовершенства, чувствовать запах, и мириться с чужой точкой зрения постоянно. Зачем это нужно? Для воспроизводства есть программы репродукции, когда ты не обязан терпеть партнёра. Зачем?

Этот вопрос я задала ему, когда мы вернулись в свою комнату под конвоем из двух военных. Он устроился в своей постели и закинул руки за голову.

— А зачем тебе это знать, Колючка? — усмехнулся он, не поворачивая головы, — ты словно с другой планеты.

Возможно. На моей планете нет места чувствам и совсем не обязательно иметь сожителя, чтобы реализовать свою функцию. Так живёт восемьдесят три процента жителей мегаполиса. Быть может, это ты с другой планеты, Марк?

— Это неправильное определение, — сказала я, — я отвечаю требованиям современного общества.

— Точно, требования, — согласился Марк, бросая взгляд на замершего у стены сима. Адам ушёл в гибернацию, чтобы сэкономить заряд батарей. Я так и не выяснила, на каких элементах он работает.

— Скорее я им не отвечаю, Колючка.

— Почему ты никого не называешь по имени? — мне интересно. Хочется узнать его лучше, если это возможно, если он позволит. Яркий свет полной луны бьёт в окно, освещая комнату и частицы пыли в воздухе.

Марк молчит, потом вздыхает.

— Не хочу привязываться, — бросает он. — Всегда легче отрезать от себя человека, если не знаешь его имени, да? На этот счёт даже есть теория. О расчеловечивании.

— Зачем отрезать? — мы лежим параллельно друг другу и оба смотрим в потолок.

— Затем, Колючка, так надо...

Я понимаю, почему.

— Как ты понимаешь любовь?

— Чего? — Марк смеётся.

— Любовь, как ты понимаешь это понятие.

— О, Колючка, — я почти вижу, как Марк закатывает глаза, — ты вышла на новый уровень, да?

— Ответь.

— Любовь... — Марк пробует слово на вкус, — кто-то считает её болезнью, кто-то величайшим благословением.

— А ты? Как ты охарактеризуешь её?

— Она... Дарит крылья, а потом, когда ты поднимаешься к небу, рвёт их в клочья. И ты летишь с высоты, и понимаешь, что всё было ошибкой. Что её больше нет... И никогда не было. Она та ещё сука, Колючка.

— Ты любил свою женщину?

— Машку? — Марк замолкает на доли секунды, потом вздыхает, — думал, что любил. Не хочу об этом.

— Хорошо, — мы лежим в тишине, слушая как где-то далеко что-то щёлкает.

— А ты, Колючка? — Марк поворачивает ко мне голову, — ты любила?

— У меня нет чёткого определения этой функции, поэтому не могу сказать со стопроцентной вероятностью, что это было. Наверное я любила Энн.

— А Энн, это кто?

— Моя биологическая мать, она погибла недавно.

— Сожалею, — ну, вот снова, даже Марк строит баррикады из слов.

— Не надо, — я сжимаю зубы, — я найду того, кто виноват в том, что её ДеКа проигнорировал свою прямую функцию.

— Так вот в чём дело? — усмехается Марк, — это жажда мести? Колючка, ты хочешь отомстить?

— Я хочу вернуть свою жизнь. Эти две функции можно решить одним действием. К этому я буду стремиться.

Марк замолкает, и мне кажется, что засыпает. Но мне не спится. Я должна узнать, что с Максом. Мне нужно вырвать лэптоп из рук этих дикарей.

— Знаешь, — Марк, он не спит, — Станиславский два века назад сказал, что любить, значит, хотеть касаться. Думаю, здесь скрыт сексуальный подтекст, как думаешь, Колючка? Кого бы ты хотела коснуться?

Что за чушь? Я ненавижу физический контакт, он вызывает во мне брезгливую оторопь. Значит ли это, что я не способна любить? Это глупо. И я говорю об этом.

— Может быть, — соглашается Марк, укладывая голову удобнее на собственных ладонях. — Я бы не хотел. Никого не хотел бы... коснуться.

— Мне надо выяснить кое-что, — я должна ему рассказать, возможно, он сможет мне помочь, раз у меня отобрали все инструменты. А в мире на улицах Марк ориентируется лучше и быстрее меня.

— Что именно?

— У меня есть друг, Макс. Я хочу выяснить, что с ним.

— А что, есть предпосылки предположить, что с ним что-то случилось? — Марк иронизирует. Действительно смешно, это о нас надо сейчас беспокоиться, никак не о Максе, рейтинг которого в пределах статистической нормы. Но мне неспокойно.

— Мы говорили с ним о людях, тех, что ушли, — тянет говорить, не знаю почему. Может, это луна? Я читала в детстве, что у неё волшебные свойства. Теперь-то мы в чудеса не верим, они иррациональны и невозможны с точки зрения науки.

— Что?

— В сети словно остаются их слепки, копии.

— А, — Марк, кажется, согласен со мной, — я заметил, да. В этом деле, с Милутой Золлем.

— Да, именно с ним. Макс указал мне на это. Теперь я думаю, что так поступают со всеми. Что численность абонентов в сети в разы больше, чем физических тел в городе.

— Ты сейчас открыла врата в ад, — смеётся Марк.

— Почему?

— Только представь, что это значит.

— Что человеческая популяция в разы меньше, чем в официальной статистике?

— И что она постепенно переходит в виртуальное пространство, — соглашается Марк. Теперь он серьёзен, — а это значит, что... что... — он приподнимается на локте и смотрит на меня. В свете луны его глаза бликуют холодными огнями.

— Что город превратится в пустыню через пару десятков лет, — заканчиваю я, но Марк трясёт головой.

— Что Фатум появился не просто так.

— Спрос рождает предложение? — я не понимаю, к чему он клонит.

— Именно, именно, Колючка.

— Тогда получается, что это естественный процесс, сродни эволюции.

— Получается так, — Марк снова ложится, — только эволюция эта надуманная какая-то. Искусственная.

— Это закономерный процесс, его не остановить, — возражаю я. — Но даже если так, отключение систем жизнеобеспечения несовершенных человеческих тел — не правильно.

— Тебе легко говорить, ты — дитя нового мира.

— Почему ты не стал таким? Что тебя остановило?

— Не знаю, — Марк говорит тише.

— Поможешь мне с Максом?

— Если ты хочешь выбраться отсюда, то я, пожалуй, с тобой.

— Я не рассматривала это в таком контексте.

— А как ты планируешь это? «Извините, дайте позвонить?»

— Так нельзя? — удивляюсь я. Но, пожалуй, он прав.

— Завтра я поговорю с ними.

— Почему они тебя должны послушать?

— Не знаю, может, я буду очень убедителен? — Марк смеётся.

— А если нет?

— Тогда будем действовать по обстоятельствам. Только ты учитывай факт, что наши с тобой данные теперь в списке террористов.

— Я помню. Я что-нибудь придумаю.

— Не забудь согласовать с нами, мы теперь все в одной лодке.

— Мы не на море, — возражаю я.

— Это фигурально, Колючка. Образное выражение.

Я поняла. Он имеет в виду, что мои действия отразятся на нём и Адаме. Да, я постараюсь, Марк. Но не обещаю.

Итак, ночь прошла без сна. После разговора мы долго молчали. Я слышала, как мой сосед ворочается на своих матрацах. И этот звук меня раздражал. Очень. Но я не стала говорить ему об этом. Под утро Марк затих, и я задремала.

— Лин, — это Адам, я открываю глаза. Он склонился надо мной, у него озабоченный вид. — Нас просят пойти в штаб.

— Штаб? Какой штаб?

— Думаю, они называют так место, где мы были вчера.

— Почему ты не сказал это Марку?

— Он спит. Моя система диагностики несовершенна и даёт большую погрешность. Сенсорные датчики говорят мне, что у него повышен термальный фон.

— Что? — я его не понимаю. — Что?

— Температура выше нормы. Это не в моей компетенции, и не входит в мои функции, полагаю, экологичность в данном районе города не идёт ему на пользу.

Я осторожно приближаюсь к соседнему ложу. Марк спит и тяжело дышит.

— Я не стану его трогать, — я трясусь головой. Ни в коем случае. Это и не моя функция. Нужен врач.

— Нам необходимо что-то предпринять. Здесь нельзя вызвать медицинскую службу.

— Ты же назначен компаньоном, сделай что-нибудь, — я забираюсь на свой топчан. Я не знаю, что нужно предпринимать в таких случаях. «ЭйчЭс» всё решает за нас. Даже здесь.

— Повторюсь, медицинское обслуживание не входит в мои функции. Я могу лишь оказать первую помощь.

— Позови этих! За дверью!

— Это ваше решение, Лин?

— Да, моё решение, позови!

Адам отходит и вежливо стучит в дверь, затем открывает и так же вежливо просит прислать доктора. В ответ ему слышен мужской голос, слов не разобрать. Я смотрю на своего соседа. Такого со мной ещё не было. Я не была в ответе ни за чью жизнь кроме своей, чтобы вот так, физически.

— Нам обещали помочь, — кивает Адам, возвращаясь.

— Насколько температурная отметка превышает условное состояние? — надо что-то сделать. Или сказать.

— На один градус, но повторюсь, здесь есть большая погрешность.

— Пончик, убери руки, — Марк просыпается сам, садится, трёт лицо руками.

— Как вы себя чувствуете, Марк?

— Бывало и лучше, — ворчит он, смотрит на меня и в глазах у него вспыхивает интерес. — Вы уже завтракали?

— Нет, мы ждём доктора, — вежливо отвечает сим.

— На хрена? — Марк с непониманием смотрит сначала на сима, потом на меня, — что происходит?

— Адам посчитал, что тебе нужна помощь, — отвечаю. С ним всё в порядке, видно же.

— Не лезь в другой раз, понял, Пончик? — огрызается Марк на сима и встаёт.

— Простите, я посчитал это необходимым, — оправдывается сим, — у вас повышена температура.

— Пройдёт, — Марк машет рукой.

— Нас ждут в штабе, — снова говорит Адам, пытаясь оправдать своё решение.

— Значит, пойдём.

Дверь открывается и входит биологическая женщина в военной форме с небольшим диагностическим чемоданом. Следом вваливается охранник и встаёт у двери.

— Добрый день, моё имя Анна, — вежливо представляется женщина, коротко кивая каждому из нас. Останавливает взгляд на Марке, — я нашла ваш медицинский файл.

— Это сэкономит нам время, не так ли? — усмехается Марк. Ему некомфортно.

— Да, думаю да, — женщина предлагает Марку пройти к окну и присесть на широкую доску. Дальше я не слежу. Любое обследование, даже если оно проводится без доступа к биологическому телу — дело личное. Я смотрю на Адама. Может, Марк прав, и симы человечнее нас? Сим заботится о своём напарнике даже больше, чем люди, его окружающие. Почему мы растеряли свою человечность? Что с нами стало? И что с нами теперь будет?

Мы ждём, пока Анна закончит обследование и Марк снова раскатает рукава своего комбинезона.

— Я введу комплексный препарат, он снизит температуру и даст анестезирующий эффект, — с

профессиональной чёткостью чеканит Анна, — по-хорошему, ваше место не здесь, — добавляет она с долей теплоты.

— Я знаю, — обрывает её Марк, стараясь не смотреть в глаза, — у меня выбора нет.

— Я поговорю с Сергей Сергеичем.

— Нас отпустят? — я поднимаюсь на ноги.

— Не знаю, — Анна складывает свой чемодан и торопится уйти.

— Что ж, у нас есть план, пора его осуществить, — говорит Марк и подмигивает мне, когда мы снова остаёмся втроём в комнате.

— Не говори, что это было нарочно, — с сомнением отзываюсь я. Это невозможно. Я не поверю.

— Конечно нет, но нам это на руку, — Марк выходит за дверь и мы идём следом.

У Марка и правда дар убеждения. После обеда мы свободны в своих перемещениях. Он убедил этих дикарей, что мы не представляем для них угрозы. Правда, тот, в военной форме настаивал, чтобы Адам остался здесь и его разобрали на запчасти. Но Марк убедительно побледнел, и в дело вступила Анна, говоря, что ему не справиться без помощи, и сима оставили в покое. Нам позволили отправиться дальше, куда пожелаем. Разумнее было бы уходить дальше, в Гудрон-таун, чтобы удалиться от полосы разграничения, но у меня другие планы.

— Мой модуль связи снова работает, — сообщает Адам, когда мы скрылись за громадиной здания от блокпостов, — позвольте связаться с майором Квасцовым.

— Нет, — Марк качает головой, — не подставляй его. Выключи модуль.

Адам замирает на доли секунды.

— Мне отказано в доступе.

— Это ожидаемо, — соглашается Марк.

— Для системы тебя больше нет, — говорю я. Это же очевидно, едва он пропадает с радаров, его сразу записывают в отработанный материал, подлежащий утилизации. Спорить могу, где-то по управлению сейчас разгуливает ещё один Адам в безупречном костюме.

— Выключи модуль, — почти с угрозой говорит Марк. Он прав. Сим для нас теперь — угроза безопасности, если его отследят.

— Слушаю, Марк, — и сим покоряется.

Я сажусь прямо на тротуар, заваленный битым кирпичом. Мне нужно выйти в сеть и получить известия от Макса. На почте всё ещё лежит зашифрованное письмо. Мне не до него. Позже. Пишу Максиму во всевозможных мессенджерах со второго аккаунта. Тишина. Его коснулось моё отстранение? Теоретически не должно было. А Войшурвица? Ему надо писать с основного. Нет. Пусть останется, как есть. Ноутбук мигает красным диодом. Нужен заряд. До ближайшей общественной зарядной станции несколько кварталов.

Марк молчит, замерев у стены.

— Знаешь, думаю, нам надо зайти в город. Там безопаснее, и обстановка более или менее знакома. Там ты сможешь узнать о своём друге.

— Там на каждом углу следящие камеры. Нас засекут по биометрии.

— Камеры можно обмануть, вот с дроном будет сложнее.

— Как? — я не понимаю, что он предлагает. Марк пачкает пальцы в пыли и проводит по лицу две косые полосы. Точно. Графические помехи. Так нас не опознают. Не сразу. И не всех.

— Пончик?

— Да, Марк.

— Тебе надо переодеться...

Я знаю, где Макс служит, и знаю, где живёт. Марк предложил попасть к его ячейке вечером, чтобы наверняка застать дома. Я соглашаюсь. За это время ищу информацию в сети. Беспорядки устранили, работу служб наладили в урезанном формате. Система не смогла оправиться от удара. Думаю, её ждёт ещё один. Но теперь они, наверняка, подготовились. Я бы ударила там, где никто не ждёт.

— Игровой мир, — говорит Марк, я поднимаю на него глаза.

— Он ударит по игровым серверам, это второй по численности сегмент рунета, — поясняет он. Точно. Он прав. Едва игроки лишатся своих накопленных за долгие годы достижений, поднимется буря похлеще той, когда всего-то отключили воду. Этой волны нам не пережить.

— Мы сможем его отследить, — говорю. Лэптом гаснет. Только теперь нужна зарядка. Кафе или что-то вроде. Марк и Адам поменялись одеждой. Теперь сложно решить, кто из них дроид. Адам не отличим от человека, в Марк... похож на смертника.

Мы далеко зашли, почти добрались до зоны покрытия одного из крупных ресторанов. Рядом с мусорными

баками, как раз за ними и устроили себе убежище, сразу напротив сломанной камеры. Кто её разбил? Этого никто не скажет. Мой ноут радостно берёт зарядку. Вот так, у нас будет инструмент. Заглядываю в мессенджеры. В одном из них Макс ответил мне.

«Привет! Где ты?»

«Привет, не могу ответить. У тебя всё в порядке?»

«Всё отлично!»

Как он может так писать? Система жизнеобеспечения города почти разрушена, у него должно быть полно работы. Я осторожно набираю сообщение, А Марк встаёт за мою спину. Мне некомфортно, но я пока могу терпеть. Нужно что-то, что знаем только мы.

«Как поживает Пилат? Он боится оставаться один.» Выглядит, словно у Макса есть домашний питомец. Нет. У него его нет. Вернее был, но умер, прижатый дверью подъёмника в квартире. Случайность. Он писал об этом с небольшим сожалением месяц назад, думаю, он тоже многое потерял в новом мире.

«Пилат? Он умер вчера. Где ты?»

Я закрываю крышку ноутбука. Марк за моей спиной отступает.

— Думаю, идти к твоему другу не стоит, — говорит он. Он прав. Я боюсь сказать догадку вслух. Кто-то вошёл в профиль Макса и отвечает мне вместо него? Или же нет...

Я лихорадочно запускаю одну из своих утилит. Она даст мне доступ на мой отдалённый адрес, где лежат мои программы, что остались в облаке. При помощи неё вхожу в зеркало основного сервера и получаю доступ к данным ДеКа.

— Что ты хочешь увидеть? — Марк склоняется надо мной. Мне неприятно, но я пока молчу.

Захожу на медицинский сервер. Я знаю только имя. У меня нет индивидуального номера, зато есть номер страховки. Вбиваю в поисковик и через десять минут получаю результат. Ничего. Этого не может быть.

Марк встаёт и отходит к Адаму, внимательно следящему за улицей.

— Я видел патрульного дрона, — слышу я. Ещё чуть-чуть. Ноут ещё не зарядился. Пробую ещё раз. Очень не хватает мощностей «ЭйчЭс». После десятиминутного поиска снова выдаёт результат: «файл не найден». Вбиваю свою номер. «Файл не найден». Марка: «файл не найден».

— Сколько у нас времени? — слышу тихий вопрос.

— Около трёх минут. Он идёт по проспекту, а потом сворачивает на Кольцевую улицу. Нам не избежать встречи.

Переключаюсь на камеры Управления Службами города. Улица разгромлена, а в здании зияет огромная дыра величиной в пару этажей. Надо было раньше проверить новости.

— Что? — Марк поворачивается ко мне. — У нас почти нет времени, Колючка.

— Он мёртв, — мне больно, но факты говорят за себя сами.

— Что? — Марк подходит.

— Мёртв, — я поднимаю на него глаза. — Его ДеКа деактивирован, а тот, кто отвечает за него в сети не в курсе последних событий.

Марк вместо ответа хватается за талию и прижимается к стене под навесом. Адам дроны не интересуется. Они сканирует его, выдают сигнал несоответствия базе и двигаются дальше. Нас не заметили.

— Ты не думала, что он никогда и не был живым? — шепчет Марк мне в ухо. Я дёргаюсь, и он сразу отпускает меня.

— Неправда!

— Необязательно иметь физическое тело, чтобы общаться в сети, последние примеры это доказали. Быть может, его и не существовало никогда.

Зачем он так говорит? Это значит, среди живых в моём окружении была только Энн?

— Это бездоказательно, — говорю.

— Спроси его, что случилось неделю назад. Спроси!

— Ты псих! Если в твоей жизни нет ничего хорошего, не значит, что его не было у других!

— Может моя жизнь как раз полнее твоей, Колючка! Прежде чем огрызаться, спроси его!

Я снова сажусь прямо на землю. Раскрываю ноут.

«Я думаю о том феномене с Милутой Золлем, помнишь?»

«Что за феномен?». Он не помнит. Как он может не помнить, если он сам мне указал на него?

— Проверь его адрес, — Марк, кажется, злится. — Проверь!

Я знаю его адрес. Мы обменялись как-то координатами. В камере возвышается бетонная коробка сливной станции. Это просто ошибка. Этого не может быть! В данные закралась неточность.

— Это же так очевидно, Колючка, тебе дали все карты. Очнись!

— Неправда.

— Его никогда не было, — Марк режет словами, как ножом.

— Неправда.

Мне трудно это представить. Как так? Он мой друг. От него я хотела получить биоматериал для программы репродукции.

— Думаю, это был пилотный проект, — забивает Марк последний гвоздь.

— Хватит, — чувствуя, как собственные пальцы впиваются в кожу лица.

— Надо уходить, довольно.

— Пойдём, Колючка, — Марк протягивает мне руку. Они все такие? Живые и невыносимые. Я хватаю его за ладонь и поднимаюсь. Фатум, перезагрузив систему, убил и Макса, которого я знала. Уже второго дорогого для меня человека. Ему придётся ответить.

Мы уходим вдоль улицы, прячась по навесам и за рекламными баннерами назад, к Гудрон-тауну. Я найду способ добраться до него, обязательно найду. Теперь я сосредоточусь только на этой задаче.

Глава 14 Марк

Чей-то мир только что пошатнулся. Я знаю, чей: мой, Колючки и даже Пончика. В кино, во вселенных видеоигр и просто в воображении мы столько раз представляли конец человечества, правда? Глобальную катастрофу с героически выживающими остатками цивилизации, восстание машин с масштабной войной и своими героями. Но никто не предполагал, что человечество сдастся само. Вот так, без боя. Сядет перед терминалом и растворится в виртуальной реальности, позволяя своим собственным творениям одержать верх. Добровольно, без сопротивления и с улыбкой блаженства на лице. Добро пожаловать в новый мир, вашу мать.

— Внимание, вам предписано остановиться и положить руки на любую вертикальную поверхность, — чеканит сверху металлический голос. Дрон вернулся вопреки собственной программе. Это ли не признак обретения свободы воли? У них чётко прописанный маршрут, если только новый оператор в «ЭйчЭс» не дал команду к возвращению.

Мы останавливаемся и поднимаем руки. Вернее я. Колючка прижимает свой ноут к груди, как щит. Пончик просто застывает. Мы не дошли до полосы разграничения всего полквартала. Я даже вижу бетонное ограждение со своего места. Так близко. Там дроны не летают, их сбивают местные ради элементов питания и электронных схем. Кстати, для чего они им? Если они живут по принципу натурального хозяйства, для чего им сложная электроника? Я не видел у них ни одного дроида. На продажу? Возможно.

— Внимание. Ждите. Идёт идентификация.

Я стою у стены, положив ладони на шершавую поверхность. Рядом со мной стоит и Колючка. Лин. Ей страшно? Наверное. А мне? Нет. Я устал бояться и ждать чудесного спасения. Этого не будет. Даже с современными возможностями. Они могут собрать любой геном в лабораториях, но не могут вылечить рак. Иронично, правда? А после такого чего мне ещё бояться?

— Идентификация невозможна. Биометрические данные отсутствуют, — рапортует дрон.

Что даст сопротивление? Ничего. Мы — не герои блокбастера, когда электронные игрушки быстро и вовремя ломаются, и даже не участники видеоигры, где можно загрузить последнее сохранение. Мы — просто люди, крохотные букашки в огромном мегаполисе. И ломаемся мы гораздо быстрее техники.

— Биометрические данные отсутствуют, — снова повторяет дрон, зависая над нами, — ждите, гражданин. Ждите, гражданин.

Чего нам ждать? Пончик поднимает голову, глаза его начинают мерцать огнями.

— Данные верны. Подтверждение получено, — дрон делает плавный вираж и улетает, чтобы продолжить маршрут.

Я всё ещё стою у стены, не веря нашей удаче. Пончик. Адам.

— Кому ты подчиняешься, Адам? — спрашиваю я, а Колючка испуганно жмётся к стене.

— Мой непосредственный начальник — майор Квасцов, — рапортует он.

— А на самом деле? — мне отчего-то противно. Я уже знаю, что будет теперь. Я жду, что за стеной взорвётся здание штаба повстанцев, жду выстрелов, автоматных очередей, криков, крови. Но ничего не происходит.

— Идёмте, Марк, — говорит Пончик, изменившимся голосом. Он стал теплее, человечнее что ли, — у вас встреча.

— Сначала ответь.

— Я выдал дрону коды подтверждения, которые имею на случай крайней ситуации, считаю, она произошла. Едва за дело возьмётся живой человек, нас сразу раскусят. Нам надо уходить, — это снова Адам. Я хотел бы ему верить, но не могу. Теперь всё перевернулось с ног на голову. Надежда вернуться к нормальной жизни давно ушла. Расследование? Теперь мы фигуранты нового дела, о чём может идти речь? Колючка хочет отомстить за потерянную жизнь, а чего хочу я?

— Что за встреча? — чего хочу я? Я устал, таймер давно пропищал о приёме препарата, но мне физически некогда его выпить. Чего я хочу? Оглядываюсь на Колючку. Она забавная.

— Идёмте, я всё расскажу по дороге, — Пончик машет рукой и предлагает следовать за собой. Хорошо.

— Куда мы идём? — немного холодно.

— Здесь недалеко, согласно последним данным геолокации, есть здание распределительной станции. Думаю, мы можем переждать там до окончания светового дня.

Что ж, разумно. Только что потом? Я понимаю, что наше чудесное спасение это не счастливая случайность. Стоит ждать подвоха. Колючка, похоже, тоже так думает, потому как идёт осторожно, стараясь держаться за моей спиной.

— О какой встрече ты говорил?

— Есть некто, кто готов сделать выгодное предложение лично вам, Марк, — роняет Пончик. Я его не узнаю. Едва мы вошли в зону покрытия «ЭйчЭс» он изменился.

— Почему мне?

— Для вас не секрет, наверное, что я должен был отправлять отчёты в «CyberTactik».

— Да, я не сомневался, что ты за мной следишь.

— Не за вами...

— За расследованием.

— Нет, — мы входим на охраняемую территорию без препятствий. Это тоже не случайность. Здание открывает для нас двери и мы теперь внутри.

— Простите, Марк, но я вынужден подчиняться прописанным протоколам, — Пончик так говорит, словно ему жаль. Лучше бы мы оставили его там, в борделе. Выключенного и пустого.

— И? Кому ты подчиняешься?

— Формально — Квасцову Олегу Мирославовичу.

— А на деле?

— В моей программе прописана субординация, — Пончик виновато пожимает плечами, такой человеческий жест, — но в прерогативе автор моей модели, разумеется.

— «СоТа», — выдыхает Колючка, готовая бежать.

— Алекс Миллер, автор моей матрицы. Можно сказать, он мой создатель.

— С ним я должен встретиться? — только вот зачем?

— Со мной, — в помещении появляется новое лицо. Дверь открывается и я вижу три фигуры. Две остаются охранять вход, а третья выступает к нам.

— Господин Новак, госпожа Райго, — у нового человека молодое лицо, гладко зачёсанные назад волосы и безупречный костюм.

— Это арест? — Колючка поднимает голову.

— Нет, не арест, это частная беседа, — Миллер улыбается дружелюбно. — Ваш сим — это моё творение, — точно, Миллер. — И я благодарен, что вы сохранили его целостность в Гудрон-тауне. Люди обычно легко жертвуют машинами.

— Пожалуйста, — я уже устал, и хочу есть. Мне не до игр. — Чего вы хотите?

— Это, как вы знаете, модель экспериментальная, — начал Миллер, — он, собственно, уже предупреждал вас. Мы создали его личность на основе принципиально нового подхода к искусственному интеллекту. Он умеет сопереживать. По-настоящему. Заметили, наверное.

— Ну?

— Вы были выбраны не случайно, Марк. Я ознакомился с вашим личным делом. Меня заинтересовала ваша эмоциональная карта. Вы — один из лучших кандидатов для следующего нашего шага.

— Какого шага? При чём здесь я?

— Не буду вас мучить. У меня к вам предложение, — Миллер делает крохотный шаг навстречу, а я отступаю, упираясь спиной в металлические ящики. — Мне нужна ваша личность.

— Чего?

Миллер поднимает ладони и смеётся.

— Нет, нет, нет. Убивать я вас не собираюсь, боже упаси. Мне нужна ваша личность. Я хочу иметь на неё эксклюзивные права после вашей смерти. А мы оба понимаем, что десять лет для вас — лучший прогноз.

— Не совсем понимаю, — я правда ничего не понимаю. — Как это возможно? Забрать личность?

— Давайте сразу к бонусам. Я восстановлю вашу репутацию и даже репутацию вашей, — он вежливо кивает в сторону Колючки, — напарницы, если хотите. Получите приличную сумму на счёт, можно будет не работать остаток жизни. Но я отсканирую все аспекты вашей личности, и они остаются в моей собственности после вашей смерти.

Заманчиво. Больше не бегать, спокойно отдыхать где-то на тихоокеанском курорте и пить коктейль. При мысли о еде, у меня снова до тошноты сжимает желудок.

— Что от меня надо? — голос охрип. Я вижу огромные глаза Колючки. Кажется, я торгуюсь с дьяволом.

— Ничего, контракт мы с вами подпишем, часть работы уже сделана, — Миллер кивает на Пончика. Вот, я кретин, надо было догадаться, для чего он на самом деле нужен. — Но для полного копирования и сканирования электронных импульсов головного мозга мне нужно ваше согласие и, соответственно, немного вашего времени.

— Что это значит? Для чего нужна моя личность? — можно не спрашивать, создадут ещё одного Адама и назовут его Марком. Будет ещё один электронный болван. Меня мутит и кружится голова.

— Разве вам не хочется жить вечно? — улыбается Миллер. Он почти идеален, на его лице нет ни одного изъяна. Я начинаю подозревать, что он тоже робот с таким же искусственным интеллектом внутри. — Концепция замены физических тел себя не оправдала. Кибернизация идёт слишком медленно, и в ней много просчётов. Взять хотя бы недавнее фиаско. Вы даже успели поучаствовать в этом в качестве следователя.

— Разве это не одно и то же? — я киваю на Пончика.

— Не совсем, его модель — совершенна, она создана на основе человеческой личности.

Вот теперь мне действительно нехорошо. То ли стены так действуют, то ли осознание того, что мои дни могут закончиться быстрее, чем я рассчитывал. Ведь не зря он сейчас всё это предлагает.

— Вы удивлены? Эта технология давно гуляет в сети, — и Миллер кивает на Колючку. Точно, она говорила. — Мы её усовершенствовали и поставили на службу людям.

— Каким образом?

— Теперь у вас, у неё есть возможность стать частью большой системы, обрести вечную жизнь. Разве вы не хотите обрадовать своих родителей звонком, Марк? Вы не общаетесь после ссоры, но теперь всё может стать по-другому. Вы не только сможете им помочь, но и переживёте их. Вы же на это не рассчитывали, да?

Я молчу в основном потому, что боюсь открыть рот. Мне кажется, меня вымутит прямо на начищенные ботинки моего собеседника. В его словах есть смысл. Для меня. Но для Колючки это сделка с дьяволом. Возможно, так и есть. Интересно, а Милута Золль тоже подписал подобное соглашение? И друг Колючки Макс? Они так же стояли перед выбором полного забвения или вечной жизни.

— Я понимаю, это трудное для вас решение. Вы можете подумать. Но не затягивайте. У меня несколько кандидатов на примете. Пока вы размышляете, представьте, что вас ждёт в случае отказа. Вам нет места в «белой» зоне, придётся жить в «красной». Вы зовёте её «Гудрон-таун». Там превышен максимально допустимый уровень канцерогенов и твёрдых частиц в атмосфере. Как думаете, как долго вы там протянете? Там и физически здоровые люди сторают за десять лет, а вы... — Миллер качает головой и отходит к двери. — Адам сопровождает вас до конца, чтобы вы не выбрали. Это мой вам подарок. Если решитесь, то дайте знать. Мы сразу приступим к делу.

— Не надо, — хриплю я. Не хочу его видеть. Адама. — Забери его с собой.

— Это неразумно, он сможет помочь. А помощь вам понадобится. Уже скоро.

Миллер выходит, удаляются и его телохранители. А у меня подкашиваются ноги. Я сползаю на бетонный пол вдоль грохочущего ящика. Сердце колотится так, что кажется, пробьёт стенки своей клетки и выбьется наружу. Что это? Это ответ на наши вопросы? Всё, о чём мы догадывались только что постучалось к нам в двери само. Даже не так, нагло высадило створку и завалилось в наш уютный мирок, оставляя грязные следы, заставив взглянуть на вещи по-новому. Оцифрованные люди. Такого, пожалуй ещё не было. Но всё к этому шло, да?

Пончик стоит неподалёку. Интересно, чью личность в него вложили? Тот человек был такой же предупредительный? Или это уже модификация? Адам точка два. Из меня тоже сделают обслуживающий персонал, как сейчас из него? У меня сжимается желудок. Блевать нечем, поэтому спазмы проходят впустую. Колючка осторожно отходит к выходу. Кажется, она махнула на меня рукой.

— Лин, — правильно, Пончик, хватай её. Из нас всех она — единственная адекватно смотрит на вещи.

— Не подходи, — обрывает его Колючка.

— Это не основная моя функция, — оправдывается Пончик, — мы должны были работать с Марком в паре над этим делом. Всё вышло из-под контроля, когда ему снизили рейтинг.

— Ты шпионил! — возражает Колючка. Точно, а я забыл это слово. Но мне не до споров. Надо на воздух. И что ещё лучше, подальше от всех. Лучше на море.

— Я передавал только эмоциональные реакции, Лин. В этом была моя задача.

— А сейчас у тебя какая задача? — огрызается Колючка.

— Ты слышала. Сопроводить вас. Марку нужна помощь.

— Нет, — я отворачиваюсь. Твоя помощь мне не нужна, даже есть шутка на эту тему, — я освобождаю тебя от твоей клятвы. Хочешь, подарю носок? Катись к чёрту.

— Я не понимаю, о чём вы говорите. Я нужен, чтобы вы могли дать ответ, — возражает Пончик.

Точно. Ответ. Я не готов. Не готов продать душу дьяволу. Меня всё-таки выворачивает жёлчью на бетон.

— Марк?

Я прижимаюсь виском к стальному коробу, что стоит слева. Вот так, хорошо, прохладно. Тело бьёт лёгкий озноб. Все катитесь к чёрту: и ты Адам, и ты Колючка-Лин.

— Подождите меня здесь. Я скоро вернусь, — и сим выходит. Я вижу его силуэт в дверном проёме. Следом у двери оказывается и Лин. Она тоже уходит. Ничего, обойдусь без вас. Сейчас посижу и всё пройдёт. А потом решу, что делать.

Пончик действительно возвращается спустя некоторое время. Я немного замёрз, но отдышался. Нет, мне не лучше, но теперь я могу смотреть на вещи более трезво. Эвелин Райго сделала единственно верный вывод из ситуации и исчезла, не оставив после себя ни следа.

— Поднимайтесь, Марк, — Пончик тянет меня вверх. Может, не стоит называть его так? Он не заслужил.

— Жаль, что я тебя там не оставил, — шепчу я. Сопротивляться нет сил, да и не к чему. Чего я могу добиться этим? У сима карбоновый скелет и чёткие инструкции, что я могу ему противопоставить?

— Вы бы не оставили, Марк. Я изучил вашу линию поведения. Это был единственно возможный вариант, —

Пончик тянет меня к выходу.

— То есть, ты специально поддался Фатуму? Или это тоже ваше творение? — почему нет? Этакая многоходовочка. Пока люди боятся одного чудовища, нанести удар с другой стороны, запасной фигурой. Даже не удар, ласковое поглаживание, и они сами идут. За бессмертием. Боже. Меня снова мутит.

— Я нашёл для нас комнату и доктора для вас.

— Зачем?

— Он поможет облегчить ваше состояние.

— Зачем, Адам? Вам же проще, если я сдохну раньше.

— Это не так. Вы ещё не дали согласия. Но если это оно, то я передам в «CyberTastik».

— Нет, это не оно, — я не могу сосредоточиться. Я опять не могу сосредоточиться ни на одной мысли. Они соскальзывают на землю. Я смотрю, как движутся мои ноги. Это помогает оставаться на плаву.

— Дай мне время, Пончик, хорошо? Мне нужно время.

— Оно у вас есть.

Пока мы медленно идём в узком переулке возле полосы разграничения, я немного прихожу в себя.

— Где Лин?

— Она исчезла. Боюсь, мы её больше не увидим.

— Это плохо, — мне действительно жаль. Колючка-Лин хороша в виртуальном пространстве, но отвратительно плоха в жизни реальной. Смерть физического тела серьёзный аргумент для прекращения существования в обоих мирах. О чём я? О смерти. Снова. Мне надо подумать.

Комната расположена на втором этаже полупустого здания, но в ней есть кровать, и отопление. Это уже хорошо. Можно отдохнуть и согреться.

— Как вы выбрали цель? — Пончик оставляет меня на кровати, а сам отходит к окну.

— Что вы имеете в виду?

— Почему я?

— У вас лучшие данные для оцифровки. Третья ступень интуитивности и вторая, почти третья, логики по пирамиде Вайолетта. И насыщенный эмоциональный фон. К тому же вы не воспользовались возможностью к имплантации, а значит, ваша личность не искажена.

Вот как? Значит, я с самого начала попал в списки подопытных.

— А Колючка? Она вам тоже нужна?

— Её личность деформирована и не подлежит оцифровке.

— Чёрт, — мне противно, и опять тошнит.

— Я заказал нам доставку. Не волнуйтесь, я предпринял все меры предосторожности, чтобы система не обнаружила нашего местонахождения.

О чём ты говоришь, Пончик? Ты и есть система. И я могу ею стать. Вернее не я. Моя тень. Мой слепок. Чтс сказали бы родители? А Машка? Как она, кстати?

— Можешь проверить мою почту? — мне неловко, и, кажется, что это большая глупость.

— Служебную?

— Личную.

— У меня нет прав доступа.

— Пончик, — я ему не верю, и он сдаётся.

— Я понял. У вас одиннадцать писем. Два с предупреждением о расторжении контракта с ЧВК «Бастион» одно уведомление о расторжении оного. Уведомление о штрафе. Рекламные предложения и голосовое сообщение. Хотите услышать?

Хочу? Это как последний привет из прошлого.

— Да, — выходит тихо, словно голос утратил силу.

«Марк! — это бывшая. Она плачет, но всеми силами старается сдержаться, — Марк, мне всё заблокировали! Что происходит? Ответ! Я тебе уже везде написала, почему ты молчишь? Во что ты ввязался? У нас с тобой договор, помнишь? Марк! Перезвони!»

И эта запись вынимает из меня всю решимость, словно батарейку. Я просто лежу, глядя в потолок.

— Сейчас я заберу доставку, — сим выходит. Я не вижу его, но слышу шаги. У меня остались последние вопросы и их надо задать прежде, чем я приму решение. Пончик возвращается с коробками в руках.

— Вам надо поесть.

— Скажи, только правду, этот вирус «Фенрир», который выводит импланты из повиновения, это CoTa? — я приподнимаюсь на локтях, мне хорошо его видно. Он разложил всё принесённое на раскладном столе. Лучшая горничная, даю пять звёзд.

— Нет, — отвечает он коротко. Ему нельзя говорить о нём?

— Тогда кто?

— Возможно, ещё одно действующее лицо.

— Ты знаешь, кто?

— Нет, нам не удалось это выяснить.

— Там, в борделе, ты поддался Фатуму?

— Нет, это была массивированная атака на сервера «CyberTactik». Это стало для меня неожиданностью, как и для вас.

— Но это значит, что твоя защита не так совершенна, как вы можете утверждать, что в виртуальном пространстве люди будут защищены лучше.

— Несовершенна защита конкретно этого физического тела. Основа моего сознания лежит на серверах «CyberTactik» под многоступенчатой защитой. Её злоумышленнику пробить не удалось.

Мне нечего добавить. Надо поесть. Прохожу к столу. Меня даже почти не качает. Это достижение. Без Колючки немного грустно, словно я лишился одной из стен в комнате, и теперь ветер выстуживает жильё. Такое бывает. Потом привыкаешь к текущему положению вещей, и всё снова вроде бы нормально. Но не теперь. Почему-то не теперь.

— Вы, кажется, немного расстроены, Марк.

Чёрт тебя возьми, Пончик, конечно я расстроен!

— Просто устал.

— Если вас это успокоит, могу сказать, что ваша кандидатура стоит первым номером в проекте.

— Меня это не успокоит, — надо выпить таблетку и подумать. Пончик не отвяжется. Если Фатум — продукт не «CyberTactik», то чей? И если «Фенрир» тоже не его проект, то чей? Кто затеял эту масштабную войну с несколькими игроками на доске только для двоих? И чего он добивается? Судя по выпущенному манифесту, он желает пробудить людей. Не дать им позволить оцифровать себя. А CoTa утверждает, что это необходимость нового времени. При этом своими действиями Фатум только отталкивает от себя. Недальновидно. Я бы решил, что Пончик лжёт и Фатум всё же играет на стороне «CyberTactik». Но зачем тогда ему пробиваться в самое сердце CoTy? Совершенно не логично. Для машины. Но если это не машина?

— Мне нужно взять у вас анализ крови, — подступает Пончик. Вот это уже лишнее.

— Иди на хер! — огрызаюсь я и сим отступает.

Миллер утверждает, что это может быть такой же искусственный интеллект, как и Адам. А если так, то значит, в основе его лежит модель поведения человека. А она может быть нелогичной. Подверженной эмоциям. Могу предположить, что «Фенрир» это продукт Фатума, а группа «Зеро» с её смешными манифестами и знаками на стенах нужны только для отвлечения внимания. Значит, надо найти его. Решить эту задачу, а потом можно и отдыхать. В последний раз. Почему нет? Я задам ему те же вопросы, что и Миллеру и получу ответы. Раз эти творения и их демиурги решили поиграть в божков, то пусть сначала ответят на пару вопросов. Мне кажется, я это заслужил, нет? И Колючка заслужила и каждый из тех, кто находится по обе стороны разграничительной линии. Останемся мы людьми или, потеряв человечность, навсегда станем просто единицами? Кто сможет сказать? Боюсь никто. Я не получу ответа. Каждый ответит себе сам.

Дверь открывается, и я подскакиваю на стуле от неожиданности. Сим просто встаёт. Это всего лишь Колючка. Она нас выследила? Нашла? И вернулась. Мило, но глупо. Я бы на её месте бежал от нас, как от чумы.

— Лин? — Пончик делает шаг навстречу гостю. Та быстро заходит и прикрывает за собой дверь.

— Я почти случайно вас нашла, — говорит она хрипло, опуская взгляд. Зелень волос падает ей на лицо. Боги, что за цвет! Эльфийский газон. Он мог бы так выглядеть, если бы существовал в физическом мире.

— Зачем вернулась? — кажется, я не очень вежлив, но мне плевать. За день мой мир перевернулся несколько раз, уверен, я имею право быть грубым.

— Я знаю, где искать Фатума, — Колючка поднимает голову и наводит свою оптику мне в лицо, — но мне нужна помощь.

Транспортный узел ВТ105. Здесь произошло самоубийство Милуты Золя. Сейчас огромная платформа, покрытая нескользящей прорезиненной плиткой пуста. Похоже, все сейчас у громадины «ЭйчЭс». Марк был прав, следующий удар пришёлся на игровые сервера, и теперь сотня возмущённых горожан осаждает здание, где я раньше работала. Их разгоняют дронами, но пока безуспешно. На подмогу протестующим беспрестанно подтягиваются ещё люди. Кажется, к вечеру в центральном квартале будет большое противостояние. Хорошо, нас в городе уже не будет — мы едем в пригород.

Над головой огромные дуги с упрочнённым пластиком, защищающие от осадков. Да, идёт дождь. Мы стоим в тени огромных коммуникационных коробов. Я, Марк и Адам. Мне теперь всё равно, будет ли следить за нами «CyberTastik», иногда возникает мысль, что лучше бы следила. Но, похоже, у Адама иная задача. Его цель — Марк. А цель самого Марка мне не ясна. Но он согласился мне помочь добраться до пригорода. Именно там были засечен последний сигнал. Эту информацию мне прислал Шильд в зашифрованном письме.

Я ничуть не удивлена, что Адам работает на своих создателей. Кажется, об этом можно было догадаться. Странно, что Марк думал иначе. Наивно с его стороны. Хотя, возможно, он догадывался, но не видел для себя другого выхода. Мне даже немного его жаль. Но с другой стороны, ему сделали довольно выгодное предложение. С любой точки зрения. Странно, что он всё ещё не дал ответа. В его положении это лучший вариант. Я бы согласилась. Бессмысленно цепляться за то, чего уже почти нет. Но не я стала целью это программы.

Шильд помог мне добыть поддельные социальные номера. Теперь мы сможем сесть на поезд без опасений, что нас с него снимут на первой же станции. Для системы мы — обычные рабочие, отправляющиеся к месту производства. Да, там, в пригороде сосредоточено всё, что даёт нам наши блага. Казалось, в современное время весь процесс автоматизирован, но есть некоторые сферы, в которых всё ещё нужен человек.

Мы поговорили с Шильдом по зашифрованному каналу. Он не в курсе, кто такой Фатум, но наслышан о нём, и «Зеро» активно ведёт поиски, чтобы присоединиться к нему. Они не считают его чьим-либо продуктом, для них он — человек, желающий объединить людей и помочь им проснуться от кибер сна. Не удивлюсь, если сегодня ну улицах на здании окажется голограмма с символом «Зеро». Они это любят — акции устрашения. Мне такой подход кажется непродуктивным. Я предпочитаю действие.

Для меня эта религия — очередная утопия. Не стану им мешать. Каждый в праве заблуждаться, как ему вздумается. У меня свой план, я почти его разработала. Крохотный файл хорошо спрятан чужом облаке и ждёт своего часа. Фатум — человек? Нет. Я уверена, что нет. Скорее — программа. Но кто её запрограммировал? Я не верю в то, что у машины может быть своё мнение. Если оно и возникает, то это результат заложенной программы. Взять хотя бы Адама. Говорят, он — совершенен. Но так ли это? Он не пойдёт против своих создателей. Так и Фатум. Я сотру его, и если «CyberTastik» задумает мне помешать, сотру и Адама. Да, прости, Адам, но это так.

Подходит состав. Мне нравится, как он выглядит. Он красив и стремителен, как стрела. В детстве я мечтала водить такой. Какая наивность. Вблизи он выглядит не так впечатляюще. Корпус в следах ржавчины и стёртых надписях. Мне не по себе.

Марк улыбается и идёт внутрь. Я знаю, знаю, что должна следовать за ним. Это же моя идея.

Моя идея. Я перешагиваю порог, ступаю на металлический лист настила внутри и сразу дверь за мной закрывается и поезд набирает скорость. Меня качает, но Адам подхватывает меня за локоть, чтобы не дать упасть. Марк уже сидит на пластиковой скамье. Мы одни в вагоне. Я осторожно присаживаюсь рядом.

— Тебе страшно? — Марк улыбается, но я вижу, в его глазах совсем иное настроение. Как давно я этому научилась? Раньше мне было всё равно.

— А тебе?

— Я, чёрт побери, в ужасе, — вздыхает он и отворачивается.

— Почему? — я правда не понимаю.

— Увидишь, Колючка. Всё увидишь, — он усмехается, и от этого у меня по спине проходит ток.

— У нас есть Адам, — пытаюсь я его приободрить.

— Он там нам не поможет. Символы не могут причинять вред людям, а вот людям этого никто не запрещает. Пистолет бы не помешал.

— Думаешь, всё выйдет из-под контроля?

— Всё уже вышло из-под контроля. Неужели ты не видишь?

Только сейчас я понимаю, что там, в пригороде не будет сил сдерживания «ЭйчЭс». Это даже не Гудрон-таун, где могут иногда проходить патрули. Там мы окажемся один на один с людьми. С людьми! Но именно там находится моя цель. Поэтому, я готова. Почти.

— Ничего...

— Ничего, — ворчит Марк, приглаживая жёсткие волосы рукой. — Нам главное, не попасться местным.

Я отворачиваюсь к окну. За стеклом проносятся высотки, неба почти не видно. Бетон и металл. Стекло. Заваленная мусором улица, снова бетон. Бегущие куда-то люди. Неинтересно. Поворачиваюсь снова к своему собеседнику.

— Почему ты со мной поехал?

— Ты не понимаешь, куда мы направляемся, — Марк устраивается удобнее на скамье. Нам далеко ехать. Около двух часов придётся провести вместе в этом вагоне.

— Остов, на карте написано город Остов. Там рядом металлургический завод и линия по производству арматуры.

— Это ты из описания карты прочитала? — усмехается Марк.

— Да.

— Там живут те, кому даже в Гудрон-тауне места не нашлось. Этого в картах не написано?

— Там есть уточнение, что криминогенная обстановка в этом районе находится в оранжевой зоне.

— Этого достаточно, чтобы не показывать туда носа.

— Мне очень жаль, что ты подвергаешь свою жизнь опасности из-за меня, — я не понимаю, зачем он отправился со мной, если уверен, что этого делать не стоило.

— Не из-за тебя, — Марк дёргает головой, — хочу закончить это дело.

Мне нечего добавить и я снова отворачиваюсь к окну. Поезд взлетел над городом на эстакаде, под нами раскинулись кварталы Гудрон-Тауна. Здесь остановок больше не будет. Чем дальше от центра мегаполиса, тем ниже становятся дома, открывая взгляду небо и далёкий, затянутый смогом горизонт. За спиной остался мегаполис ВК, с возвышающимися до самого неба зданиями. С этой точки зрения я ещё ни разу не смотрела на место где родилась и жила всю свою жизнь. Если подумать, я впервые выезжаю куда-либо. От этого тянет тревогой где-то внутри. Если подумать, мы оба оказались здесь по странному стечению обстоятельств.

— Ты бывал в Остове? — я поворачиваю к нему голову. Напротив нас сидит Адам, просто фиксируя разговор. Уверена, он записывает всё, что мы произносим и даже больше.

— Не там, в другом месте. Но они все похожи, — Марк кладёт голову на спинку скамьи. — По одному делу. Пришлось выехать к свидетелю. Там средства связи иногда не работают.

— Это по тому, из-за которого тебя понизили в звании? — он не удивлён, что я в курсе, впрочем, я тоже. Ни к чему играть в игры. Мы достаточно знаем друг о друге, потому что о нас всё знает система.

— Да, по нему, — коротко отвечает он и замолкает.

Имеет ли смысл задавать вопросы дальше? Думаю, нет. Ему неприятно вспоминать, это видно.

— Нам далеко ехать, — зачем-то уточняю я.

— Именно поэтому я планирую поспать, — Марк устраивается на скамье. — Разбуди, как приедем.

Я снова смотрю в окно. Эстакада всё летит над городом, даже не опускаясь, чтобы высадить пассажиров. На этой ветке не предусмотрены остановки, мы спустимся только когда выедем в пригород. За окном проносятся грязно-серые поля сожжённой растительности. Похоже, кто-то уничтожил целые поля продуктовой пшеницы. Из неё можно было бы сделать настоящую муку, чтобы испечь настоящий хлеб. Не имитацию. Я пробовала однажды свежий хлеб в детстве. Это было вкусно.

Я поднимаю глаза к небу. Оно расчерчено белыми росчерками облаков на сером фоне. В книгах небо рисуют голубым, но оно серое. Всё ложь.

Наши идентификационные номера проверили лишь раз за всё время пути. Странно, если учесть что в городе чрезвычайное положение. С другой стороны, скорее всего выехать проще, чем попасть назад. Мой сосед, заснув, сполз головой мне на плечо. Пришлось поправлять несколько раз, в конце концов, я сдалась. К нужной станции мы прибыли к вечеру, когда солнце уже скрылось за домами.

— Приехали, — я встаю, и голова Марка с гулким стуком падает на сидение. Он сразу просыпается и оглядывается.

— Приехали, — зачем-то повторяет он. Адам уже у выхода.

— Нужен респиратор, Марк, — говорит сим.

— Без тебя знаю, — огрызается тот, хлопая себя по карманам. Он-то знал, куда мы едем. Мне надо было позаботиться об этом. Я была увлечена своей целью и совсем не подумала, что ей может помешать такая мелочь, как туман в городе.

— Держи, Колючка, — Марк протягивает мне сложенный вдвое респиратор, — здесь лучше не дышать без маски.

Он надевает себе на лицо такой же. Я следую его примеру и мы выходим на платформу вокзала. В воздухе видно тонкие нити дыма или чего-то ещё. Всё словно затянуто туманом: и пустующий вокзал, и прилегающая к нему улица.

— Здесь завод рядом, — глухо поясняет Марк через респиратор, — поэтому так. Куда нам?

Я проверила координаты, но нам надо ещё идти вглубь Остова. К ночи — это затея плохая, тем более, что города мы не знаем.

— Нам нужна комната на ночь, — говорит Адам. — Темнеет.

Марк глухо ругается в свою маску.

— Надо было выехать с рассветом, тогда бы успели засветло, — ворчит он.

— Я видела здесь гостиницу у вокзала, — возражаю я. Что плохого в том, что мы проведём здесь ночь? Не вижу препятствий. Остов пугающе темнеет с закатом. В мегаполисе всегда светло: горят рекламные баннеры, осветительные элементы на улицах, окна ресторанов. Но здесь — всё словно вымерло. Никого на улицах и даже вывеска вокзала темнее мрачной кляксы на здании, не подавая признаков жизни.

— Холодно, — Марк ёжится. — Давай, Колючка, веди в гостиницу.

Я растеряна. Я видела маркер на карте, но вот так на местности, как я могу понять, где она?

— Я знаю, где, я отведу — Адам берёт дело в свои руки и ведёт нас вперёд. Наконец-то. Мы бредём за симом по неровному тротуару. Мой порыв уже не кажется хорошей идеей. Ты всё знал, да, Марк? Знал, что будет именно так? Мы подходим к невысокому трёхэтажному зданию. Такое бывает? Чтобы из-за крыши было видно небо?

Внутри, в холле, горит пара светильников. Меня радует то, что до сих пор мы не встретили ни одного человека. Меня устраивает. За стойкой сидит неопрятный мужчина.

— Нам нужна комната, — вежливо обращается Адам, подходя к стойке, и консьерж поднимает на него глаза. Без слов кидает на стойку карточку для заполнения.

— Оплата наличными? — бросает он со скукой, не отрывая взгляда от планшета в руке.

— Безналичный расчёт, если можно.

И снова консьерж выкладывает на стойку терминал, даже не поднимая глаз на своих клиентов.

Адам проводит рукой, и терминал согласно пиликает. Нам протягивают электронный ключ.

— Не местные? — бросает консьерж, когда мы готовы уйти.

— Нет, — бросает Марк, зачем-то оглядываясь.

— Сим подождёт в багажном, — строго говорит мужчина, наконец, поднимая на нас взгляд.

— Нам бы этого не хотелось, — вступается Марк, — понимаете, я — инвалид, это мой дроид — компаньон.

— Сим подождёт в багажном, — снова, как робот, повторяет консьерж.

— Мне...

— Или катитесь к чёрту.

— Это не страшно, Марк, я подожду, — Адам кивает и улыбается.

— Что это за правила? — вскипает мой спутник, — где это написано?

На это консьерж поднимает палец, и мы только теперь можем прочесть незаметную табличку над стойкой с ключами. «Наша гостиница — не для симилисов. Просим прощения за неудобства, вам придётся оставить дроида за дверью.»

— Значит, вы несёте ответственность за сохранность сима?

— Нет, но если вы боитесь, что его повредят в нашей гостинице, то он может подождать на улице.

— Суки, — ругается Марк, но соглашается, наконец, и мы расходимся. Адам идёт в комнату для багажа, а мы, судя по надписи на ключе, — в комнату 105B на первом этаже.

— Не открывайте окна, фильтры работают только на приточных клапанах, — доносится нам в след.

— Что за идиотские правила? — кипит Марк.

— Кажется, в пригороде не очень любят симов, — возражаю я и присаживаюсь за стол к высокому, тёмному окну. Достая и раскрываю лэптоп. Надо выяснить, куда нам идти завтра, и проверить, нет ли новых сообщений.

— У меня на этот счёт другая теория, — задумчиво говорит Марк, стягивая маску и прислушиваясь к звукам из-за двери.

— Какая? — захожу на свой аккаунт-двойник. Читаю новости. В мегаполисе снова хаос. Улицы затянуты дымом, а тротуары завалены мусором. В этот раз людей больше. Вызваны спецподразделения для разгона протестующих. Сеть показывает значок загрузки. Я вижу впервые, чтобы мой ноут не мог загрузить страницу.

— Нет сети, — говорю я.

— Здесь иногда бывает. Погоди, сейчас ветер подует в нашу сторону, и она появится.

— Это шутка?

— Нет, — Марк прислушивается к звукам из коридора. — Не шутка. Это местный колорит, Колючка. Просто смиришься.

— Что там? — меня слегка раздражают его осторожные движения.

— Пока ничего, — мой спутник расслабленно отходит и садится в кресло. — Ты можешь расположиться на диване, я выплусь так.

— Я пока не хочу спать, — бросаю я. У меня снова пошла загрузка. Наконец-то.

— Да? Зря, — Марк вытягивает ноги и закрывает глаза.

— У тебя таймер сработал, пока мы ехали в поезде, — говорю. Ему это важно. Я так думаю.

— А, точно, — и он встаёт, чтобы наполнить замутнённый стакан водой из стеклянной бутылки. — Как тебе?

— Как что? — я не понимаю, о чём он.

— Как тебе Остов? Хорош?

— Отвратителен.

Марк смеётся и снова садится в кресло, чтобы устроиться на ночлег.

— Ты ждала чего-то другого?

— Мне безразлично, — бросаю я. Всё, что меня сейчас интересует, это скорость сети.

— Нельзя оставаться здесь долго, а то тебя поразит местный вирус.

— Что за вирус?

— Безысходности и тоски.

— Тебя это забавляет? — мне кажется, он почти счастлив. Или только кажется.

— Почему нет, Колючка? Почему нет? Просто расслабься.

Я не могу. Мне нужен душ. Чистая постель и отсутствие раздражающих факторов. Таких, как человек, сидящий сейчас в кресле. Да, он меня раздражает своим оптимизмом. Чему здесь можно радоваться? В его положении вообще невозможно радоваться. Только тогда, когда дашь положительный ответ «CyberTactik», но, насколько знаю, он этого ещё не сделал. Отвратительный город, мерзкая гостиница и Марк. Но у меня есть цель. Нужно пройти через это, чтобы её достичь. Поэтому я улыбаюсь и продолжаю поиски.

Марк, кажется, засыпает в кресле.

К полуночи у меня уже есть точная информация, куда нам надо, и как мы туда попадём. К сожалению, придётся идти пешком. Можно попробовать арендовать транспорт у местных, но нам нечем расплатиться. Я понимаю, что оплата по безналичному расчёту здесь — роскошь, а наличных денег я не видела с детства. Удивляюсь, что они вообще сохранились. Я закрываю лэптоп. Надо отдохнуть.

— Вставай, Колючка! — Марк трясёт меня. У него обеспокоенный вид.

— Что? — я поднимаюсь. За окном ещё темно. Сколько я спала?

— Вставай! Началось...

— Что началось? — я ничего не понимаю.

— Вставай, собирайся, мы уходим.

Поднимаюсь и накидываю куртку, обуваясь, ноутбук в сумку и на плечо. Я готова.

Марк кладёт что-то в карман и тоже накидывает куртку. Осторожно выходит в коридор. Я слышу голоса. Много голосов. Они звучат со злобой. Мне страшно, но Марк, похоже, знает, что делает. Я стараюсь держаться у него за спиной. У стойки приветствия группа людей в беспрестанном движении, одетых в серые костюмы. Кое-кто размахивает руками, слышны проклятия и звуки ударов. Там кого-то бьют. На рукаве некоторых уже знакомая мне руна «Эйваз». Фатум. Он близко.

— Разошлись! Быстро! — Марк поднимает руку с пистолетом и направляет его на людей. Пистолет? Откуда он у него? Часть из нападавших отступает, и я вижу зажатого в углу Адама. Он пытается защититься руками.

— Это их сим! — тычет в нас пальцем консьерж.

— Роботам здесь не место! — рычит самый крайний, здоровяк по комплекции. — Да и вам тоже.

— Он — сим-компаньон, — Марк осторожно движется назад. — Пончик?

— Я в порядке, Марк, — Адам потерял ухо и сейчас оно свисает на плечо, болтаясь на куске силиконовой кожи. — Как вы, вас не тронули?

— Пока нет. Иди ко мне, — Марк дёргает рукой с пистолетом на резкое движение справа.

— Вы кто такие? — раздаются голоса.

— Шпионы СоТы? Надо было с начала их брать, тёпленькими!

— Девка тоже робот!

— Нехрен вам здесь делать!

— Спросим, — гудит здоровяк перед нами. — Ты пушку-то опусти, браток.

Адам с трудом выбирается из толпы и подходит к нам. У него порван костюм и плохо движется левая рука.

— Я бы поговорил, да тут, похоже, не с кем, — язвительно говорит Марк, оттесняя нас в коридор, откуда мы только что пришли. — Там есть запасной выход, — шепчет он мне. Адам сразу реагирует, а вот я мешкаю. Что это? Нас хотят убить? За что?

— Убери ствол!

— Стоять на месте! — Марк водит рукой с пистолетом, отслеживая любое движение. Мы с Адамом уже у

двери. Сим налегает на неё со всей силы и створка поддается.

— Уходим!

Я только вижу, как здоровяк, поняв, что пистолет, скорее всего бутафорский, бросается на нашего защитника, пригибая его руку к земле. Начинают движение и остальные. Но Марк как-то выкручивается из захвата и ловко валит здоровяка под ноги остальным, давая нам время.

— Скорее!

Я мешкаю, держу дверь, чтобы и он мог спастись. В три шага он выскакивает наружу, и мы бежим по улице, торопясь уйти от преследователей.

— Как ты догадался? — говорить на бегу трудно, и Марк благо разумно экономит дыхание. Мы сворачиваем с улицы в грязный проулок. За спиной раздаются крики. Адам впереди, он перескакивает через завалы мешков, следом и я, Марк — последним.

Мы бежим, единственные живые на улицах, сворачиваем в любые возможные переулки, чтобы оторваться от погони. Наконец, звуки чужих шагов стихают.

— Мне очень жаль, что из-за меня вы подвергли свои жизни опасности, — Адам склоняется над согнувшимся вдвое у стены Марком. Я тоже пытаюсь восстановить дыхание. Воздух без респиратора — тяжёл и пахнет гарью и кровью. В горле першит. Рядом тишина взрывается надсадным кашлем.

Нам надо найти место, где мы сможем отдышаться. Я тяну Адама в кажущийся безопасным тупик, а сим подхватывает и нашего спутника. Из нас троих ему единственному труднее всего восстановить дыхание после бега. Он садится прямо на землю и закрывает глаза.

— Мне жаль, — снова Адам.

— Это был пистолет? — теперь мне любопытно.

— Нет, — Марк улыбается с закрытыми глазами, — детская имитация. Нашёл в отеле. — И снова сгибается почти до земли от приступа кашля.

— Оденьте респиратор, Марк, и вы, Лин, — озабоченно говорит Адам, — думаю, вам стоит поспешить с решением.

— Иди к чёрту, Пончик. У меня ещё есть время, — отдышавшись, выплёвывает Марк.

— Будет очень прискорбно потерять такой материал, — Адам качает головой.

— Мне бы тоже не хотелось. Ты знаешь, куда нам дальше идти, Колючка?

— Я построила маршрут. Поскольку здесь сложности со связью, придётся подойти вплотную, к физическому носителю.

— Ты всё-таки считаешь, что он не человек? — Марк, наконец, открывает слезящиеся глаза. Надевает респиратор.

— Я в этом уверена, — я правда, уверена.

— И какой у тебя план?

— Мне нужно добраться до него.

— И всё? — усмехается Марк, — просто убьёшь и всё?

— А что ещё?

— Даже не спросишь у него, зачем всё это?

— Это приносит смерти, ты и сам это видишь.

— А если и правда, нам надо проснуться, а Лин? Ты не думала об этом? Что вся эта жизнь, она не настоящая, — Марк с трудом встаёт, и Адам сразу предлагает свою помощь, на что получает раздражённый взгляд. — Что это тупик? Наши технологии, перенос сознания, кибернизация — это всё?

— Для тебя это не тупик. Ты сможешь слиться с всеобщим сознанием, стать частью чего-то большего, чем сейчас, — возражаю я. Неужели для него не очевидно? — Если дашь положительный ответ.

— И что потом? Вечная жизнь в вакууме? — в его голосе горечь. — Я и сейчас часть, только ты этого не видишь. У тебя оптика вместо глаз.

— Это было необходимо, в пятнадцать лет я потеряла зрение, — возражаю я.

— Вы сможете получить физическое тело, — говорит Адам. На что Марк отрывает ему висящее на лоскуте ухо и показывает на ладони кусок силикона так похожий на человеческую кожу.

— Это тело?

— Его можно будет заменить, едва мы вернёмся в ВК, — снова возражает сим. Марк вытирает лоб ладонью, размазывая грязь по коже.

— Я... хочу поговорить с ним. Услышать, что он скажет. В чём его мотивы.

— С Фатумом?

— Да. Мне это важно.

Это не входит в мои планы. Но сейчас мне нужна его помощь.

— Это может оказаться сложнее, чем ты думаешь.

— Сложнее, чем спастись от погони? — смеётся Марк. Для него это похоже на игру? Нет. Он не такой. Быть может, ему это действительно важно, знать, что ждёт нас всех. Я бы тоже послушала. Поговорить? Что ж, отчего нет? Но сначала надо позаботиться о том, чтобы добраться до него без потерь. Даже Адама не хочется потерять. Я понимаю, что тоже к нему привязалась, хотя он всего лишь сим. Что-то происходит со мной. Страшное. Новое.

— Хорошо, мы попробуем, — соглашаюсь я. Глаза Марка над маской смеются. Мне нравится, когда он улыбается. Начало нравится.

Мы прыгнули в омут, не подумав. Я прыгнул. Зачем? Возможно от того, что решил — терять нечего. Уже нечего. Прибытие в Остов — наша самая большая ошибка, и вторая, что мы приехали сюда, как на прогулку, не взяв ни то, чем можно защититься, ни даже воды в дорогу. А пить после погони очень хочется. Возможно, мы, по привычке, рассчитывали, что на каждом углу будет стоять автомат с водой на выбор? О, боги, самому смешно. Но у меня промелькнул безумный план. Я заметил руну на рукавах тех ребят, в гостинице. Это значит, они знают, где искать нужного нам человека. Наверняка. Неплохо было бы спросить. Или... Тогда придётся пожертвовать Пончиком. А он билет в лучшую жизнь для нас с Колючкой. Готов ли я дать ответ? Не сейчас, позже. Для этого сим должен оставаться функционирующим. Поэтому, добровольная сдача — не вариант. Значит, придётся искать другие пути. Колючка идёт вперёд с убеждённой уверенностью убийцы. Страшная девка. Но забавная.

Итак. Что мы имеем? «CyberTactik», желающую оцифровать избранных ею людей, чтобы превратить в своих... хм... подопытных? Сложно подобрать слово. Но случаи уже есть. Никак не идёт из головы тот, на транспортном узле. Милута Золль. Его личность гуляла в сети долгое время, возможно, есть и сейчас. Друг Колючки, Макс. Здесь у меня сомнение, существовал ли он вообще. И многие до них и после. Сколько таких «мёртвых» душ в сети? Они создают видимость количества, но на деле сколько живых людей? Сколько у нас в мегаполисе ВК жителей? По статистике сто сорок миллионов пятьсот шесть тысяч. Плюс — минус. Сколько из них реально живы?

И есть Фатум, который желает «пробудить» человечество, лишая их электронных игрушек. Допустим. Случай с Курчатовым и Ирвином наглядно показал, что мы можем и не контролировать свои создания. Ах, да, ещё есть симы. И академик Лимерин, убитый собственным дроидом. Он работал в сфере сельскохозяйственной генетики, кажется. Готовился накормить всех страждущих. Мы всё ещё голодаем, да. Жрём синтетическую массу и ждём, когда учёные решат проблему нехватки массы биологической.

Действия Фатума тянут на террористическую деятельность. Но и «CyberTactik» не спасает человечество. Быть может, для нас больше нет выхода, кроме как уйти в цифровое пространство? Недостаток ресурсов, загубленная экология. За последнее время естественным путём не появилось ни одного здорового ребёнка. И это официальная статистика. У всех те или иные генетические отклонения, которые мы решаем кибернетическими протезами и правкой генов. А за это природа нам мстит ещё большими мутациями, ещё более страшными болезнями. Мы загнали себя в ловушку, пока искали развлечений в сети?

— Осторожно, Марк, — Пончик подхватывает меня под руку, когда я попадаю ногой в яму на дороге. Мы идём по безлюдным улицам Остова. Странно, что никто больше не желает вспороть симу его силиконовое брюхо. Колючка ведёт нас вперёд по своему навигатору. Я свой выключил уже давно. По нему легко отследить наше местоположение. Пончик, конечно, его выдаст только своему хозяину, а тому пока безразлично, где мы. Наверное.

Я смотрю на стены в сером, махровом налёте, на воздух, почти осязаемо наполненный седой металлической взвесью. Глаза беспрестанно слезятся, респиратор почти забился. Это мы, это всё мы, люди, в погоне за тёплой постелью и самыми высокими в мире небоскрёбами, чтобы дотронуться до звёзд. Дотянулись? Нет. Но под ноги мы уже не смотрим. Нам не интересно. А там исчезает земля под слоем токсичной пыли. На обочине — трава, покрытая слоем серых волокон, похожая на шкуру какого-то животного. Ради интереса я провожу ботинком по ней и волокна поднимаются в воздух седым облаком.

Это всё мы. Не пришельцы, не чудовища из иного мира, мы. Такие хорошие, правильно питающиеся и... добровольно ослепшие.

— Ты точно знаешь, куда идти? — окликаю я Колючку. Мы бредём уже час, город стал ещё ниже, ещё безысходнее.

— Мой навигатор говорит, что нам ещё три километра на северо-запад.

— Там поля, вообще-то, — перспектива месить полуметаллическую взвесь за городом меня совсем не радует. По крайней мере, надо озаботиться провизией и обмундированием.

— И что? — она, правда, не понимает?

— Это значит, там не будет гостиницы, Колючка, — добавляю я, — нам нужна вода, еда и новые респираторы. Желательно всё с запасом.

— Он прав, Лин, — вступается Пончик. — Даже мои сенсоры забились. Необходима их прочистка, иначе мой миокардный насос перегреется.

— Здесь нет станций технического мониторинга, — замечает Колючка. Молодец. Поняла?

— Но наверняка есть точки обслуживания, — возражаю я. — Посмотри на карте.

Она сосредоточенно склоняется над коммуникатором. Браслет на руке мерцает, выдавая голографическую картинку.

— Здесь постоянные помехи, — скорбно сообщает Колючка.

Я оглядываюсь. Полуразрушенные трёхэтажные здания смотрят на нас слепыми окнами, ощерившись

обломками выбитых рам. Какой контраст с изящными линиями небоскрёбов мегаполиса. Слово попадает в другую реальность, от которой хочется бежать, проснуться, но это невозможно. Теперь это наша реальность. От неё не уйти. Респиратор забивается окончательно. Я понимаю, что мне не хватает воздуха.

— Давай, поторопись.

— Здесь в двух кварталах есть такая точка. Но я не уверена, что карта актуальна.

— Идём, — решаю я, — Пончик подождёт нас в одном из домов.

— Я не согласен, Марк, — сим поворачивает голову ко мне. На месте оторванного уха — круглая углепластиковая плашка с отверстием. — Вам может потребоваться помощь.

— Нам нужны деньги, — хрипло и быстро выдаёт Колючка.

— С ним нас быстрее заметят, — возражаю я. — Если ты обратила внимание, роботов тут не любят.

— Нам не на что будет купить продукты, — не отступает Лин. — У нас нет наличности.

— Мы можем их обменять, — я вытягиваю из кармана мёртвый коммуникатор, — на это.

— Если на это есть спрос здесь, — ворчит Колючка.

— Что ты предлагаешь?

Она молчит, потому что ей нечего сказать. Поэтому, следуем моему плану.

— Пончик останется здесь, — твёрдо заявляю я. Тот молчит. Хорошо. Мы запасёмся провизией и водой. Это необходимо для выживания. Мы не в видеоигре, где, погибнув, можно загрузить сохранение. Умерев, мы больше не вернёмся. Надеюсь, Колючка понимает, на что идёт.

— Мы всё равно здесь чужие, — глухо бормочет Лин, — нас сразу узнают.

— Тогда ждите меня оба, — я нахожу взглядом заброшенное здание. — Например, там. Я скоро вернусь.

Мы заходим в полуразрушенный барак по обломкам кирпича и бетона. Здесь давно никого не было. Колючка с Пончиком смогут дожидаться меня здесь.

— Это плохая идея, Марк, — снова начинает сим.

— Плохая идея идти неподготовленными. А если там ничего нет? Три километра, Пончик! Туда и обратно!

— Я понял, — соглашается сим. Колючка молча показывает мне на мерцающей голограмме, куда идти. Не заблужусь.

— Если меня через два часа не будет, идите к вокзалу.

— Я не пойду, — глухо бормочет Колючка. Ну, конечно, демонёнок возмездия с зелёной шевелюрой. Значит, придётся вернуться.

— Ждите здесь, — предупреждаю напоследок и выхожу.

Кто герой? Я? Отнюдь. Сим полезен только в мегаполисе. Здесь нужен боевой робот, закованный в броню и вооружённый до зубов. Что может противопоставить Пончик озлобленной толпе? Ничего. Ровно как и Колючка. Людям здесь плевать на рейтинг, но они вполне могут испортить твоё физическое тело, как сказал бы Пончик.

Я иду вдоль замершей улицы и мне навстречу бегут пара детей. Увидев меня, они замирают, а потом спешат назад, под крышу домов. Ну, вот. Меня раскрыли. Что у меня есть? Кроме коммуникатора ничего. Возможно, их заинтересуют мои берцы, но их они, пожалуй снимут уже с трупа. Скверный вариант. Ну, вот, опять. Скверно. Хочется вынуть это слово языком из зубов. Скверно.

Перехожу на другую сторону улицы, там, где больше тени. Солнце светит сквозь мутную пелену тумана. Совсем не жарко, зато нечем дышать. Хочется снять респиратор. Стягиваю его, вдыхаю воздух, напоенный жёсткой крошкой. Здесь невозможно жить, но люди живут. Жили. Много домов пустует, но дети не бродят здесь просто так. Я сворачиваю на нужную мне улицу. Не может случиться, что город вымер прежде, чем они обновили карту? Быть может, здесь никого нет? Не может быть, есть гостиница и те люди в ней, их было... дайте подумать, около восьми. Они где-то должны жить. Или это всё население городка. И все они нас не любят. С-с-скверно.

Следующая улица оказалась более оживлённой. Здесь чувствуется движение за окнами, а на другом конце даже видно пару человек. Я вижу нужную мне вывеску. «Супермаг». Серьёзно?

Захожу. В помещении однозначно хочется дышать. В горле першит, словно туда набили толчёного стекла. Передо мной полупустые стеллажи. Кое-где лежит товар, сгодившийся, разве что какому-нибудь сталкеру. От них мы, собственно, сейчас ничем не отличаемся. Осталось торговаться. Я беру трехлитровую бутылку с водой, несколько армейских пакетов, два респиратора ЗМ 10000 и несусь к кассе. Продавец, нестарая ещё женщина с удивлением смотрит на всё это.

— Только у меня нет наличных, — я улыбаюсь и выкладываю коммуникатор, — обмен.

Женщина сразу теряет интерес и со скукой смотрит на устройство. Наручный браслет выглядит непрезентабельно, но удобен в использовании. Она, наверняка это знает. У неё на руке есть такой, но очень старой модели.

— Ты откуда? — спрашивает она, внимательно приглядываясь к браслету — коммуникатору.

— Из Гудрон-тауна, — почти не вру.

— Краденый? — с подозрением смотрит она на меня, прищурилась раньше времени состарившиеся глаза.

— Нет, просто больше не нужен, — некстати накатывает кашель. Продавец ждёт, пока я отхаркну лёгкие.

— Ладно, — она тянет гласные, — договорились.

— А рюкзака нет? Или чего-то вроде?

— Девяносто восемь условных, — женщина кидает на прилавок вполне добротный рюкзак из прорезиненного брезента.

— Нету, давай за технику, а?

Женщина пожимает плечами и убирает рюкзак снова под прилавок.

— Неси так.

— Ну, правда, нету, — я подаюсь вперёд, а она, словно испугавшись, отскакивает. В этот момент у входной двери пикирует датчик движения и створка шлюза открывается, пропуская двух крепких ребят. Они, не заходя в торговый зал сразу идут к нам. Значит, продавец сразу вызвала себе подмогу, потому и торговалась. Чудно.

Оба молодца выше меня на полголовы и точно шире в плечах.

— Здравствуй Вик, — басит тот, что слева, налегая на прилавок так, чтобы заблокировать мне выход.

— Привет, привет, Майкл, — приветливо отзывается продавец, сгребая с прилавка всё, что я принёс к себе на полочку.

— Как дела? — доносится справа. Я оборачиваюсь и вижу улыбающееся молодое лицо. Оба вновь вошедших одеты в охотничью камуфляжную форму, а на рукаве левого ещё и руна «Эйваз». То, что надо.

— Да, вот, хотел водички прикупить, а не продают, — я улыбаюсь, поворачивая голову налево, потому что чувствую, что этот, с широкой крепкой челюстью и холодными глазами в паре главный.

— Вода нынче — ценность, только для своих, — соглашается «командир».

— Что, такой дефицит?

— Как вторую линию открыли, так и дефицит, — кивает тот, что справа, — ты в «Острове» сегодня руководил?

— А «Остров» это что? — я искренне не понимаю, о чём они, хотя догадываюсь. Гостиница. Погасшая вывеска в сумерках осталась незамеченной.

— Значит, ты, — удовлетворенно шипит Майкл. Мне на плечо ложится рука и сжимается, впиваясь в кожу сквозь куртку. — Пошли.

— Куда? — я отчего-то спокоен.

— Поговорим.

— Так давайте здесь поговорим, я не против.

— Пошли! Здесь неудобно, — и молодой сильно и резко толкает меня к выходу.

— Эй! А где удобно? Дайте хоть респираторы забрать!

— Пусть забирает, — соглашается Вик и подталкивает на прилавке два выбранных мной респиратора.

— Зачем два? — удивляется Майкл.

— По очереди надевать буду, — я натягиваю один, второй сую во внутренний карман куртки. Неудобно торчит, но хоть что-то.

— Ну-ну, — усмехается Майкл, натягивает болтающийся на его груди респиратор и выходит в тамбур-шлюз.

Мы идём вдоль улицы, ветер швыряет в лицо песок и колючую пыль. От неё слезятся глаза. Оба моих конвоира уже в защитных очках и анараках. Умно. Надо будет экипироваться так же. Если выберусь. Мы заходим в пятиэтажное здание, расположенное через улицу. Майкл кивает попадающим навстречу таким же «охотникам». Мы поднимаемся по чистой лестнице на второй этаж. Всё это время молодой уверенно толкает меня вперёд, не давая порой сделать шага, словно утверждая свою власть над пленником. На втором этаже сворачиваем налево в небольшую комнатку без мебели и окон. Только гудящая старомодная лампочка противного жёлтого света и бурые пятна на старом ковролине.

— Вот тут удобно, — ухмыляется молодой, стягивая платок с головы и снимая амуницию с лица.

— Давай, рассказывай, — Майкл встаёт у двери, скрестив руки.

— Чего рассказывать? — я играю дурака. Вдруг поможет?

— В гостинице кто с тобой был?

— В какой гостинице?

Молодой подходит ближе с очевидным намерением. Я отступаю на шаг.

— Эй, погодите, давайте сначала выясним, мне кажется у нас недоразумение нарисовалось.

— Ну, ка? — ухмыляется Майкл, а второй отступает.

— Я приехал из Гудрон-тауна. Вроде говорят, тут работа есть.

— Нету туг работы, — плюёт словами Майкл, — вся линия автоматизирована! Сучьи роботы отняли у нас

работу!

— Так я не знал!

— Говорят там была пара неплохих симов. В гостинице.

— Я не знаю, — я пожимаю плечами, — что там были за симы.

Почему два? Речь про Колючку? Её тоже приняли за робота?

— Врёшь, сука, — шипит молодой и снова подступает ближе, — я тебя разглядел, это твоя рожа там засветилась! И ещё двое!

Я немного растерян. Этого не помню. Он тоже там был? Возможно.

— Твои? — насмешливо спрашивает Майкл.

— Нет.

Молодой быстро оглядывается на старшего и резко бьёт меня в бок. Я почти успел закрыться, только всё равно больно прилетает под ребро. Я отлетаю к стене.

— Не так резво, Руф, не спеши, — вальяжно тянет Майкл. — Нам нужны эти роботы. За них неплохо заплатят. Скажешь, где они и мы с тобой даже поделимся.

— А кому продаёте? — я поднимаю голову, но Руф снова бьёт, заставляя отступить в угол.

— Не твоё собачье дело, — шипит он мне на ухо, впиваясь пальцами в волосы.

— Куда делись симы? — снова спрашивает Майкл. Он спокоен. Я представляю, что скоро начнётся. Нужен план, да, план и немедленно.

— Ушли...

Руф со злостью толкает меня на стену, запирая в углу. Лезет во внутренний карман куртки, выдёргивает респиратор.

— Для кого? — толкает в грудь, — для кого, сука, второй?

Я смотрю ему в лицо, дышащее яростью и готовностью вылить её немедленно.

— Хочешь, тебе подарю, — улыбаюсь я.

Руф в ярости бьёт меня в лицо. Я дёргаю голову вниз, и его кулак влетает в стену. Следующий удар — в грудь. Здесь я уклониться не успеваю и ставлю вялый блок. Мне прилетает по руке, но я уже вышел из угла, обеспечив себе пространство для манёвра.

— Руф! — слышу я окрик за спиной. Мой противник сжимает зубы до скрипа, и лицо его наливается кровью. Хорошо, что рядом есть хозяин такой агрессивной собаки.

— Что? — Ласково спрашивает Майкл

Я отступаю так, чтобы видеть обоих.

— Делиться не хочешь?

— Я в душе не чаю, о чём вы, — выдыхаю я, чувствуя, как в горло снова вцепились стеклянные когти. Сейчас меня согнёт кашлем. Только не при них.

— Я тебя, сука, там видел! — выплёвывает Руф.

— Может обознался, — я откашливаюсь. Нужна вода.

— Хрен я обознался, вас на вокзале видели!

— Ты и два сима, где они? А может, ты и сам не человек? — усмехается Майкл.

— Проверю, — Руф вытаскивает нож из ножен на поясе.

— Только много крови не выпускай, — смеюсь я, — у меня её и так мало.

— Как звать? — вдруг меняется Майкл. Мне кажется, это добрый знак.

— Марк, — до чего сушит в горле. Меня постоянно тянет откашляться, но обоим моим собеседникам всё равно.

— Где симы, Марк? — снова ласково спрашивает Майкл, — жить наверняка хочешь?

— Допустим, хочу, — соглашаюсь, едва справляясь с голосом.

— Где они?

— Ушли.

— Куда?

— На север.

Майкл качает головой, не веря ни единому моему слову.

— Ну, зачем они тебе? Железки же. А ты? Живой? И жить, говоришь, хочешь. А глупость такую морозишь. Ну, зачем?

— Да, не знаю я, где они! Ушли! Сбежали!

— Ну, ведь неправда! Сим от хозяина не сбежит, ты это знаешь лучше меня, так?

— А вы вдвоём промышляете, или у вас хозяин есть? — спрашиваю и понимаю, что зря. Руф снова наливается яростью и бросается на меня, уже не спрашивая старшего товарища. Первый удар я отбил, но второй ощутимо бьёт

по печени, а третий в голову и я теряю представление, где нахожусь. Меня душит кашель. Остаётся только закрывать голову руками, а живот коленями от ударов.

— Хватит! — слышу. Я лежу на полу. Голова наливается болью. Руки и ноги изрядно пострадали.

— Ну, вспомнил? — надо мной склоняется Майкл.

— Да, точно, — я перевожу дух, — может, водички дадите?

— Ну, ты поделись знанием, сразу и дадим, — усмехается старший.

— На севе... — и Руф уже бьёт не стесняясь, попадая везде, где я не могу защититься.

— Майкл! — слышу сквозь шум в ушах новый голос, — Вик сказала, вы языка взяли...

— Да он не знает ни хрена.

— Ага, кто такой?

— Прибыл на поезде, Лучник говорит, с двумя сопровождающими. Марк, фамилии пока не знаю.

— И чего?

— Да, ничего! — я с удовлетворением слышу досаду в голосе Майкла.

— Дай, посмотрю.

— Да нехер смотреть. Пулю в голову и в канаву.

— А те двое?

— Найдём...

— Дай гляну, — и свет от лампочки заслоняют чьи-то широкие плечи.

— Ну, вы блин, даёте!

— Чего? — обиженно говорит Руф.

— Тебе, быку, только тряпку дай красную! Давай к Надин его.

— Я легонько!

— Легонько...

Меня поднимают, прижимая спиной к стене. Я даже могу разглядеть своего спасителя. Невысокий, коренастый мужик с открытым и честным лицом. Тоже в охотничьем камуфляже.

— Живой? — спрашивает мужик. Наверное. Голова — раскалывается, на щеке стучит шикарнейший бланш, я его даже чувствую. Про остальное — молчу. Завтра — не разогнуться. И кашель всё ещё даёт о себе знать.

— Кто ж так допрос ведёт? — вздыхает мужик. Действительно! Это не допрос, это избиение. Меня.

— Давай к Надин, я его сам допрошу вечером.

— Сейчас надо, Палыч, время уйдёт! Двое с ним были. И ребята видели!

Мужик заглядывает мне в лицо.

— Общайте всё пока. Этого к Надин.

— Палыч!

— Всё, я сказал! — мужик отпускает меня и приходится стоять, уперевшись спиной в стену. — Ещё раз займёшься самоуправством, я тебя — под трибунал!

Вот и всё. Моё знакомство с Майклом и Руфом, кажется, закончилось. Меня снова тянут за локоть по коридору, теперь вниз по лестнице и снова на улицу. Респиратор болтается на шее, тяжёлый и бесполезный.

— Руф, а Руф, — губы не слушаются в основном потому, что со щеки напалзает отёк.

— Чего? — огрызается конвоир. Теперь он меня пальцем не тронет.

— Истеричка ты, прямо как моя бывшая.

В ответ мне больно сжимают плечо и дёргают вперёд ещё быстрее. Я не успеваю сделать шаг и падаю перед крыльцом с вывеской большого красного креста. Больничка. То, что нужно. Подняться не дают, обдирая мои колени по бетону.

Меня тащат через тамбур в приёмный покой. Он пустует, но в конце коридора я вижу, как медсестра ведёт под руку пациента.

— Алия! Алия! — орёт мой провожатый на весь коридор, постоянно дёргая меня за руку.

— Чего? — на звук выходит худоватая, но крепкая женщина в бежевом халате.

— Палыч велел сохранить вот этого, — и трясёт моим плечом, словно оно отдельно от меня.

— Ага, — кивает женщина и манит за собой. — Пошли.

Я думал, меня отпустят, но Руф твёрдо решил не спускать с меня глаз.

— Сюда, — мы заходим в узкую, как пенал палату с койкой, больше похожей на тюремную шконку. Руф кидает меня на это ложе и вынимая из-за пояса наручники, пристёгивает мою руку к изголовью.

— Отдыхай, юморист. — улыбается Руф, — Мы с тобой попозже поговорим.

— Да ну тебя на хер, с твоими разговорами, — ворчу я. Прикованная рука мешает лечь с комфортом.

— Ты пока ещё пару шуток придумай, и я подумаю, — не унимается Руф. Алия скептически слушает нас обоих.

— Тебе думать вредно, кровоизлияние сделается.

— Слышь, ты! Я тебе сейчас кровоизлияние сделаю, — и Руф снова замахивается.

— Иди, — не выдерживает медсестра, и тот отступает.

— Увидимся, тварь.

— Ага, — мне что-то не хочется продолжать. Голова стучит в затылке болью, а щека беспрестанно дёргается в такт.

Медсестра смотрит на меня какое-то время, потом выходит.

— Сейчас всё принесу, — слышу я, когда она оказывается в дверях. Ну, хоть воды дадут. И поесть бы не мешало. Только бы Колючка с Пончиком сидели смирно. Я отсюда выберусь. Должен. А если нет, то надеюсь, они последуют моему совету и пойдут к вокзалу. И снова меня душит кашель. Проклятый город. Наручник бодро звенит о прутья, когда я двигаю рукой. Проклятая жизнь.

Марк ушёл два часа тридцать семь минут назад. Адам считает, что нам нужно идти за ним. Я уверена, что нет. Пока он отсутствует, я снова захожу в сеть на свой второй аккаунт. От Шильда мне пришло новое сообщение. Ещё вчера. Он пишет, что от «Зеро» в Остов скрытно прибудет делегация и я, по старой дружбе, могу присоединиться, если захочу. Захочу? Да, пожалуй. Теперь ни Марк, ни Адам мне не нужны.

— Мне кажется, кто-то идёт, — с тревогой говорит сим. Я быстро складываю ноут. Время бежать. Выглядываю из окна. Я вижу, как вдоль стены медленно идут вооружённые люди. Это облава. Я уверена, что на нас. Значит, Марка можно уже не ждать. Я помню, где могу встретиться с «Зеро» здесь, в Остове. Теперь моя цель — дорога к вокзалу. Оттуда я смогу попасть к Фатуму с относительным комфортом.

— Оставайся здесь, — приказываю я симу. Адам не понимает, почему должен остаться. Он — всего лишь робот, мне не должно быть его жаль. Ему дадут новое тело, личность сохранена на серверах СоТы. Я убеждаю себя, что оставить его это не предательство. А Марк? Ему уже не помочь. У него был шанс. Почему он им не воспользовался?

— Я смогу быть полезным, — снова сим за своё. Он задержит меня. Он всё равно не сможет причинить вред человеку. Это заложено в его программе. Здесь, в мире физического насилия — он бесполезен. Марк был бы более функционален, но его я, похоже, больше не увижу.

Я слышу свист и шаги. Делаю Адаму знак, что нужно прижаться к стене. Мы застываем. За стеной под чужой ногой хрустит облепленная сухой пылью трава. С улицы нас не видно, но можно разглядеть в темноте, если зайти внутрь. В ответ на мои мысли в проём двери заглядывает человек в камуфляжном комбинезоне с автоматом наперевес. Окидывает взглядом пустые стены, не замечая нас в тени.

— Чисто! — кричит за спиной и идёт дальше на улицу.

С другой стороны, я всегда могу выторговать за сима свой билет на свободу. Хотя бы здесь. Может быть и стоит взять его с собой.

Мы ждём, пока стихнут шаги и выходим из дома, чтобы уйти в противоположном направлении. Крадёмся вдоль стены. Респиратор почти бесполезен. Дышать трудно, но без него ещё хуже.

— Стоять! — меня хватают за плечо. Нельзя этого делать. Игла в рукаве падает в ладонь. Человек в маске тянет меня к себе. Он один. На его плече хрипит помехами старая рация. Один. Я бью туда, куда могу дотянуться. В пах. Человек со стоном выплёвывает ругательства и падает на колени. Я срываю его динамик с зацепа и делаю знак Адаму, что надо бежать. Быстрее, пока нас не обнаружили.

— Сука-а-а, — подвывает пострадавший. Нужно взять его автомат? Я всё равно не умею с ним обращаться, а Адам тем более. Вот Марк смог бы. Мы уже бежим, не оглядываясь. К вокзалу. Там меня подберёт автосостав. Главное — успеть. У нас семнадцать минут.

Срываю бесполезный респиратор, в нём мне не хватает дыхания.

— Это было очень опрометчиво, Лин, — с укором говорит Адам на бегу. Откуда тебе знать? Он коснулся меня, а этого делать нельзя. Никому. Городок оживает. Нам попались несколько человек, отскочившие от нас в сторону. Мы то переходим на шаг, то снова бежим. Адам подстраивается под мою скорость.

Я вижу первую машину, пляшущую по дороге. Это то, что нужно. Выскакиваю на обочину. Адаму приходится следовать за мной.

— Это опасно, Лин!

— Я знаю, что делаю! — очень удачно «Зеро» решили объединить силы с Фатумом, и вдвойне удачно, что в «Зеро» меня знают. Первая машина проезжает мимо, но вторая останавливается. Армейский «хаммер» резко тормозит, поднимая тучи серой пыли в воздух.

— О, Игла! — я вижу глаза Шильда над маской и за его спиной и Ковалю, ещё одного из группы. — Не ждал тебя здесь увидеть! Я думал ты из своей башни не вылезашь.

Он нарочно тянет время!

— Вылезла, — огрызаюсь я.

— Это кто с тобой? — Шильд с любопытством смотрит на сима.

— Симилис нового поколения, — их заинтересует, определённо. Адам молчит. Он потерял весь свой лоск, его костюм — грязен и порван. Лицо — в сером налёте мелкодисперсной пыли. Он не потеет, как мы, поэтому похож на запылённую куклу.

— О, сильна! Запрыгивай! — и он, наконец, двигается на сидении. Я сажусь.

— Заходи, Адам, — командую я.

Адам отступает.

— Я должен найти Марка, Лин.

— Забудь о нём, ему не помочь! — я хочу, чтобы он ехал со мной. Тогда ко мне будет больше доверия, и я

смогу исполнить задуманное.

— Это в моей программе. Я должен найти Марка.

Мне некогда. Там, в конце улицы собираются возле пострадавшего люди. Я выскакиваю и быстро, как могу захожу симу за спину.

— Лин, нет!

Да. Панель управления отзывается на команду и сим замирает.

— Берём? — Шильд плотоядно улыбается. Я даже вижу его грязные мысли о том, как он вскоре вскрыет силиконовое тело.

— Да, забираем, — я снова запрыгиваю в машину, а Шильд с товарищем подхватывают тело сима, складывают его в просторное багажное отделение и накрывают брезентом.

— Ох, Игла, ну ты и стерва, — усмехается Шильд, отсаживаясь на всякий случай подальше на широком сидении. Он даёт команду автопилоту, и мы едем. Я провожаю взглядом группу людей, волочащих раненого в глубь квартала. Мне не стыдно. У меня есть цель. Она всё оправдает.

Пока мы едем по едва заметной в пыли дороге, Шильд рассказывает последние новости. В городе введён красный уровень тревоги, комендантский час и система пропусков, какой ещё не было. Нам чудом удалось выехать до введения «красного» режима. Сами «Зеро» выбрались через Гудрон-таун, откуда им помогли бежать те люди, что сидят в первой машине. Они везут запчасти и элементы питания, что им удалось добыть из патрульных дронов. Для чего всё это, Шильд не знает, но уверен, что впереди что-то интересное. Он — идиот. Уверена, он не стоял перед разъярённой толпой, и под военным, заряженным дроном — тоже. Те, что едут впереди, готовятся к войне, как и все эти люди в Остове. И войну эту пытается развязать Фатум. Только против кого? Известно, что в ни в одном противостоянии нет победителей. Каждый заплатит немалую цену. Готовы мы к этому? А Шильд? Уверена, нет. Какая я была дура несколько лет назад, когда верила в их идеалы.

Мысли постоянно соскальзывают на оставленного в Остове Марка. Мы должны были ему помочь? Нет. Он сам говорил, что надо уходить. Я всё сделала правильно. И с Адамом тоже. Он — всего лишь робот. «CyberTactik» дадут ему новое тело. Но вот Марк не колебался в гостинице, когда симу грозило уничтожение. Почему? Он не различает живого человека и антропоморфного сима? В этом недостаток живого мозга. Из-за эмоций, он заставляет пугать понятия.

Мы подъезжаем к точке назначения. На первый взгляд просто поле. Но перед автомобилями разъезжаются ворота, словно открывается портал в другую вселенную, где гремят подъёмные краны, стучат станки и шестерни. Маскировка — уровень высший. Пешком мы бы никогда не нашли эту базу. Её почти не видно из-за маскировочных панелей.

После пересечения линии разграничения, автомобили останавливаются и к нам подходят люди в военной форме. на рукавах и груди — чёрная руна «Эйваз». Сканируют чипы ДеКа, чтобы подтвердить личность. Что делать мне? Он деактивирован. Я смотрю на Шильда, как он с похабными шутками подставляет плечо для сканера. Наконец, проверяющий подходит и ко мне. Сканер пищит о неработающем чипе.

— Документы? — молодой боец смотрит на меня с ожиданием. Никакой агрессии. Я протягиваю ладонь. Под кожей ладони между большим и указательным пальцем вшит чип гражданского паспорта.

— Эвелин Г. Райго, — читает он с экрана, словно я не знаю об этом.

— Верно, — я смотрю, как тело сима выкидывают из багажного отделения прямо на пол, застеленный металлическими листами.

— Что с чипом?

— Заблокирован, — Шильд, не церемонясь, вскрывает ножом силиконовую кожу вместе с пиджаком на спине сима.

— Оставь! — кричу я. Зачем? Я сама хотела отдать Адама этим придуркам. Что изменилось? Не знаю, но не могу смотреть, как его потрошат.

— Почему? — не отстаёт проверяющий.

— Она в списке особо опасных хакеров десятилетия, — с непонятной бравадой говорит Шильд, подходя к нам. Сима оставили в покое и теперь он лежит, как сломанная кукла на полу.

— Правда? — кажется, военного этим не удивить.

— Она с нами, чувак

Этого, определённо, мало. Но военный прислушивается к звукам в своём аудиочипе и отступает.

— Видала? — Шильд делает какие-то неприличные движения пальцами. Отвратительно.

Я опускаюсь на колени рядом с симом. Провожу пальцем по обнажённому карбоновому скелету в смазке. Марк говорил про любовь: «хотеть касаться», или только цитировал. Я понимаю, что мне приятно трогать гладкие полированные формы скелета робота. Само совершенство. Жаль, если его разберут.

— Что, влюбилась, Игла? — слышу за спиной.

— Заткнись, Шильд, — бросаю через плечо. Сим слишком хорош, чтобы служить источником запчастей.

— Зачем он тебе, Иголочка? — расхлёстанной походкой подходит Коваль.

Силиконовая кожа некрасиво лежит по обе стороны раны, истекающей полупрозрачной субстанцией. Он теряет компрессирующую жидкость, потом ему будет трудно двигаться. Как он был красив, когда я впервые его увидела, и что мы сделали с ним. Мы — чудовища.

Я смотрю на развёрстую спину сима и мне стыдно. Действительно стыдно. Адам ещё ни разу не подвёл нас. А вот мы его — да. Я подвела. И его и Марка. Но у меня есть цель. Она должна всё оправдать.

— Мы увидим Фатума? — спрашиваю я.

— Позже, — Шильд трёт руки друг о друга, — через час.

Я оглядываюсь. Мы в большом ангаре, где стоит много всевозможной техники: от наземного автомобиля до военного вертолёта. У Фатума много поклонников, и они, определённо, что-то готовят. Адам, похоже, единственный робот здесь. Остальные — живые люди.

— Так что, Иголочка? — слышу я и поворачиваюсь на звук. Шильд и Коваль стоят возле сима, разглядывая его скелет в огромную дыру на спине. — Зачем он тебе?

— Он — передовая разработка «CyberTactik». Нам будет, чему поучиться у них.

— С виду — обычный сим.

— Всё дело в том, что вложено в его голову, — возражаю я, — в отличие от твоей, в ней есть мозги.

Шильд кривляется в ответ. Он — идиот. Подходит тот самый военный, что проверял у нас документы.

— Нам придётся забрать симилиса. Ему здесь не место.

— Конечно! Это подарок от нас. Да, Игла? — Шильд. Как же я ненавижу его в этот момент, почти физически ощущая эту злость на кончиках пальцев.

Военный кивает двоим и те бодро переключаются тело на носилки и уносят. Прощай, Адам. Было приятно поработать с тобой. Мне кажется, я его больше не увижу. Как и Марка. Надо сосредоточиться на своей задаче.

Я обошла блокировку, сумев пробиться в сеть через закрытый канал связи. Теперь у меня в руках оружие против Фатума. И одна попытка. Но прежде я хочу взглянуть на него. Нам назначена встреча. Нас покормили в местной столовой, а потом Шильд с Ковалем где-то пропали, давая мне возможность спокойно поработать.

— Лин Райго? — ко мне подходит военный, которого я уже знаю в лицо. На вопрос в моих глазах он кивает, — идёмте.

Я подхватываю свой ноут.

— Это вам не нужно.

— Но...

— Оставьте.

Приходится подчиняться. Я оставляю свой лэптоп на столе и иду следом за своим провожатым в отгороженную передвижными перегородками комнатку. Там сидит за столом человек. Ничем не выделяющийся, обычный. Средней комплекции. Марк даже меньше весит, чем он. Русые волосы, овальное лицо. Это он? Фатум?

— Присаживайся, — кивает сидящий. Мы остаёмся одни. Я сажусь напротив, по другую сторону стола на стул.

— Вы Фатум? — спрашиваю в лоб. Ни к чему игры.

— Нет, но я буду говорить от его имени, — вежливо говорит мой собеседник. — Зови меня, Лука.

— Очень старое имя. И странное.

— Да, именно. Мы немного забыли о своих корнях, но, думаю, пришло время вспомнить.

— Зачем меня позвали? — мне некомфортно.

— Чтобы побеседовать.

— О чём?

— Мы просканировали память твоего сима, — ах, вот, в чём дело. Адам. Он мог меня выдать. Не стоило его брать с собой.

— Он довольно необычен, — продолжает Лука.

— Я слышала он — экспериментальная модель.

— Мы заметили. Кто такой Марк?

— Мы добрались сюда вместе, — не вижу смысла врать, — но потом разошлись.

— Ты понимаешь, зачем ты здесь?

Это вопрос странный. Словно меня затягивают в какую-то секту.

— Я хочу встретиться с Фатумом.

— Для чего?

— Поговорить.

— Многие хотят поговорить, — мой собеседник спокоен.

— Хочу понять его мотивы, — я тоже успокаиваюсь. В конечном итоге это всего лишь беседа.

— Мотивы чего?

— Он почти заморозил «ЭйчЭс». Лишил людей её поддержки.

— Это самое малое, что можно для них сделать, — спокойно отвечает Лука. На его лице — ни тени эмоций.

Может быть, он тоже робот?

— Но для некоторых это стало смертельным!

Лука замолкает и смотрит на меня долгим, пронизывающим взглядом, словно сканирует.

— Это война, Лин, — он называет меня так, как могут лишь друзья, — а на войне всегда есть жертвы.

— Кто назначил это войной? — мне даже смешно. — Вы преследуете свои цели, но это не война!

— Почему?

Я подаюсь вперёд.

— Все войны ведутся ради корыстных целей, в чём ваша?

— Бывают войны идеологические, — возражает Лука.

— Тогда вы — фанатики! — мне хочется уйти, но я понимаю, что меня позвали не просто поговорить.

— Очень жаль, Лин, что ты так думаешь, — скорбно говорит мой собеседник. — Ты обманом проникла в наше убежище, притащила сюда сима...

— Он не мой, — тороплюсь я оправдаться. Что будет, если они решат, что я им не друг? Меня расстреляют, и ничего больше не будет.

— Я знаю, он принадлежит «CyberTactik», и отправляет отчёты только туда. Здесь он отрезан от сети и не сможет передать наши координаты. Его деактивируют в скором времени.

— Я не знала, что он шпионит, — вру и надеюсь, что мне поверят.

— Ну, а ты? — Лука смотрит на меня пронизывающим взглядом.

— Что я?

— Для кого шпионишь ты?

— Ни для кого.

В импровизированной двери среди передвижных перегородок появляется старый знакомый. Надо дать ему имя, как Марк это делает. Солдат. Хорошее имя? Ему подходит.

Солдат кивает Луке, словно бы договариваясь о чём-то. Мне кажется, это плохой знак.

— И вот, он здесь, — говорит Лука, поднимаясь.

— Фатум? — у меня потеют ладони. Я не готова к встрече.

— Нет, твой друг, Марк, — Лука ставит рядом со мной ещё один стул, — мы его ждали.

Ждали? Марка? Что за чушь! Он — один из миллионов, такой же как все. Чем он выделяется для Фатума? А для «CyberTactik»? Он даже уже не гражданин!

— Почему? — спрашиваю я.

— Что почему?

— Почему ждали?

— Он тоже хочет встретиться с Фатумом. Как и ты. Видишь? У вас общие интересы.

— Ему вы дадите такую возможность?

— Нет, он поговорит со мной.

Я слышу шаги, оборачиваюсь. На пороге стоит Марк. У него сильно отекла левая половина лица. Его били? Он кивает мне, словно так и должно быть, и садится на стул рядом.

— Тебе оказали медицинскую помощь? — Лука обращается к моему соседу, он вежлив совсем как Адам.

— Да, — Марк коротко кивает.

— Я был уверен, что вы доберётесь вдвоём.

— Обстоятельства сложились... не в нашу пользу.

— Что ж, я рад, что ваши обстоятельства всё равно привели вас к нам.

— Ты так говоришь, словно знал об этом.

— Я наблюдал.

Я понимаю, что такое сидит передо мной. Это он, Фатум, Иеремия, Лука. Тот, кого мы искали, и, наконец, нашли, но что с этим делать не знаем. Поговорить, вспоминаю я слова Марка, задать вопросы.

— Продолжим, — Лука — Фатум смотрит мне в лицо. — Лин, с какой целью ты здесь?

— Ты убил сотни тысяч человек, — говорю я. Марк здесь, теперь мне не так тоскливо.

— Я уже сказал, это война, а на войне жертвы неизбежны.

— А я сказала, что любая война — это коммерческий проект.

— Лин, Лин, — Лука качает головой, — позволь я кое-что объясню. Всё, что ты видишь вокруг —

коммерческий проект. Этот воздух, эти заводы, кибернетические протезы и симы, всё это чьи-то коммерческие проекты. Это неотъемлемая часть человеческого общества. Его побочный продукт. Вопрос лишь в том, достаточно ли этот продукт приемлем с точки зрения общества. Тебе не нравится слово война? Давай заменим его на слово «ограничение рождаемости». Это приемлемо?

— Это не одно и то же, — пытаюсь возразить.

— Я не делаю ничего нового. «CyberTactik» занимается тем же, но с другой формулировкой.

— Чем, например? — не выдерживает Марк.

Лука опускает взгляд на стол и улыбается.

— Тебе ограничили страховку, Марк. Это убивает тебя, медленно и неотвратимо. Это приемлемо в вашем обществе?

— Это частный случай, — неуверенно говорит мой сосед.

— Эта практика повсеместна. Больные люди не выгодны системе. Они потребляют много ресурсов. Ресурсы сильно ограничены. Физически здоровых в нашем мире практически не осталось. А это значит, потребление растёт в разы. Почему, ты думаешь, нужен социальный рейтинг?

— Это очевидно, — возражаю я. — Система несовершенна, но она работает.

— Это ты думаешь, что она работает, — Лука снова поднимает глаза. — В твоём мире цифр и для цифр всё работает. Но посмотри на человека рядом с тобой.

Мне неловко перед Марком. Мы его бросили. Я бросила.

— Что думает он о справедливости этой системы?

— Исключения бывают всегда.

— Ты — тоже исключение? — Лука улыбается, — вчера в электронную базу социальной службы проник вирус и стёр все данные. Ни у кого теперь нет достижений, как и взысканий. Все равны. И ваша хваленая система сразу дала сбой, уравнив каждого с уровнем, например, чайной ложки.

— Такие быстрые перемены, как лавина, они сносят всё на своём пути, — мне хочется быть убедительной. Марк, почему-то молчит, — и жертв будет слишком много.

— Но только так и можно разбудить вас, — впервые за весь разговор я вижу эмоции на его бесстрастном лице. — Ничто так не бодрит, как потери. А, Лин? — он смотрит на меня, прожигая взглядом.

— Я привязалась к ней, — шепчу я.

— Ты ни к кому не привязывалась с детства. Не принимай привычку за любовь. Это вредно.

Меня дёргает от его слов.

— В любом обществе намеренное прерывание чужой жизни остаётся убийством, — вступает в разговор Марк. — Зачем был нужен этот цирк с кибернетическими протезами? Ты мог сразу отключить весь город.

— Не мог, как не прискорбно, мне потребовалось несколько заходов прежде, чем я пробил все ступени защиты. Вышедшие из повиновения кибернетические механизмы — лишь побочный продукт действий моего вируса. Это не планировалось. Но произошло. Мне жаль.

— Но это намеренное убийство! — настаивает Марк.

— Вирус переподключил систему управления. Возможно, к игровому серверу. Возможно, какой-то мальчишка решил, что это игра. В вашем мире всё не по-настоящему. Это побочный эффект. Как пена от воды.

— А чипы ДеКа? — я чувствую, как меня начинает трясти.

— Что с ними?

— Они массово вышли из строя!

— То же самое.

— Но какое общество ты в итоге хочешь видеть? — Марк показывает рукой назад, — такое? Военную комендатуру?

— Это только на первых этапах. Пока всё не утрясётся.

— Чушь! — вскипаю я.

— А чего ты хочешь, Лин Райго? — Лука кладёт руки на стол и смотрит на меня, — вы перестали чувствовать себя людьми! Игрушками, суперменами, кем угодно, но не людьми. И «CyberTactik» это выгодно. Ей проще перенести избранные сознания в киберпространство, а остальным дать дожить свой короткий век. Так вы будете меньше потреблять, расходуя только восполняемую энергию, создавая нужный эмоциональный фон для тех, кому это нужно. Можно будет остановить заводы, вернуть к жизни планету. Для этого они даже остановили любые разработки в сфере сельского хозяйства, в том числе путём физического устранения. Если что-то пойдёт не так, можно сохранить матрицы ваших личностей на жёстком носителе и отложить до лучших времён. А тем временем действительно избранные займут созданные для них ниши в реальном мире. Жизнь в физическом теле, как особая привилегия. Звучит?

— Это... это отвратительно.

— Но это твой мир, Эвелин Райго! — Лука улыбается, как мальчик только что показавший величайшее своё открытие друзьям. — Тебе не нравится? Марк, тебе нехорошо?

Я смотрю на своего соседа. Он сидит, закрыв лицо руками и опустив голову.

— Марк? — я склоняюсь к нему. Он молчит. Нам обоим нужно на воздух. Не в душный, пахнущий железом, а обычный, фильтрованный, к какому мы привыкли.

— Такой план? — я снова поворачиваюсь к Луке.

— В общих чертах, — кивает он. — Я же предлагаю мир для всех, для каждого. Но для этого вам надо проснуться. Да, это больно, но необходимо. Вы будете меня ненавидеть, но к этому я готов. Готов стать для вас проводником в лучший мир.

Опускается молчание. Лука, кажется, всё сказал. Мне надо подумать, а Марку не помешало бы прилечь.

— И я хочу спросить, готовы вы пойти со мной? Оба? В каком мире вы хотели бы жить?

— Мне надо подумать, — у меня идёт кругом голова. — Марк?

Он со вздохом тяжело опирается на спинку стула и расслабленно вытягивает ноги.

— Я... сейчас плохо соображаю, Лин. Минутку, ладно? — и он закрывает глаза.

— У нас есть медицинский отсек, — говорит Лука. Он даже не думает встать.

— Нет, я... — Марк трясёт головой — сейчас пройдёт.

Чего я хотела? Услышать ответы. Я их получила? Да. Они мне не нравятся. Ни один. И что самое главное, я так и не разгадала главную загадку. Человек ли передо мной или машина.

— Вас проводят. Можете подумать.

— А где Пончик? — Марк, словно, просыпается.

— Сима вам вернут, — соглашается Лука, — на время. Не затягивайте с ответом.

Глава 18 Марк

Второй раз меня просят подумать и не затягивать с ответом. Что я могу сказать? Ничего. Я устал думать, я хочу, чтобы меня оставили в покое.

Ещё утром всё было предельно ясно. Сейчас всё запуталось.

В госпитале меня снова накрыло. Проклятый воздух высушил лёгкие до изнуряющего кашля. Алия быстро сориентировалась. Для меня принесли ингалятор, а перед этим взяли кровь на анализ. Пока маска сжимала щёки я смотрел, как колба набирает в себя алое. Опять. Я и без анализа вижу, что мои дела плохи. Отвратительны. Немного знобило. Мне сделали инъекцию без лишних пояснений. Потом, кажется, я заснул. Проснулся уже к вечеру. Маски на мне уже не было, наручников — тоже. Веки склеились от засохшего гноя. Я едва открыл глаза. На подоконнике скупым отблеском обозначал своё присутствие металлический стакан, а рядом бумажный контейнер с армейским пайком и ещё что-то. Надо бы поесть, но аппетита нет совсем. Желудок сжимается в спазмах, но это не голод.

— Проснулся? — Алия подошла так близко, что я почти почувствовал её запах. Медикаменты и металл. Теперь всё пахнет металлом. Тратить силы на бесполезные ответы — глупо. Всё очевидно. Она проверила, цел ли паёк, затем склонилась ко мне.

— Что? Глаза? Тут без защитных очков никуда, — она по-хозяйски повернула мою голову, как ей удобно, и, подняв веки пальцами, залила в каждый жгучий, как перец, состав. Теперь слёзы потекли ручьём.

— Блин, — я потянулся вытереть слёзы, но она отбила мои руки.

— Не трогай!

— Хоть салфетку дай!

Мне в руки ткнулось что-то волокнистое. Я, наконец, протёр глаза.

— Артём Палыч хочет с тобой поговорить, — сказала медсестра, когда я уже ясно вижу её лицо. Мне всё равно. Почему-то нет сил, чтобы встать, и всё болит. Ах, да, вчера... сегодня утром мы встретились с Руфом и Майклом. Встреча оказалась неприятной. Двадцать один — ноль не в мою пользу.

— У тебя гемоглобин снижен до семидесяти трёх, — сообщила Алия, с интересом разглядывая меня. — Это ненормально. Нужно комплексное обследование.

— Представляю, — я откашлялся, — не надо ничего. Я и так знаю, что со мной. Хронический лейкоз.

— Лечиться тебе надо.

— Некогда лечиться.

— Позову Палыча?

— Зови, — какая разница раньше или позже. Почему так сложно встать, вот вопрос. И голова такая тяжёлая и болит на пару с желудком.

Спустя время пришел и Палыч. Артём Палыч. Как и в тот раз, что я помню, в охотничьем комбинезоне защитной расцветки. Поялся у входа, а потом ему из коридора подали табурет. После этого он подсел к кровати.

— Ты извини, — начал он, — что мои ребята того... не подумали.

— Бывает, — я даже сесть не могу. Что за чёрт? Приходится разговаривать лёжа, налегая на опухшую после утреннего происшествия щёку.

— Ты сам-то откуда?

— Из Гудрон-тауна, — бубнил я в тощую подушку.

— А к нам зачем?

— Работу искал.

— Один?

А вот здесь кроется подвох. Они видели меня в гостинице с Колючкой и симом.

— Нет, не один.

— А кто с тобой был?

— Попугачики, разошлись мы.

— Вон оно как, — кивнул Палыч. — Тут одна девка Малому хозяйство пробила. Не местная, сразу видно.

— Девка? — уж не Колючка ли? Шипастая колючка. Смех вышел долгим кашлем. Палыч ждал, пока я отдышусь. — Какое хозяйство?

— Известно какое. Чуть евнухом не сделала. Знаешь её? С тобой приехала.

Может, и знаю, всё вокруг становится мутным, и даже Палыч.

— Поймали? — слова выходят вместе с дыханием.

— Нет, уехала.

Уехала... На чём? На поезде? Надеюсь. Нечего здесь делать. Надо бы и мне. Только куда?

— Нет, не знаю.

Палыч отвлёкся, потому что его позвали из коридора. Почему я не слышу? Потому что в ушах опять стучит

кровь. Раздаются голоса. Оба, кажется, мужские.

У меня в кармане ёмкость с капсулами, нужно выпить таблетку. Снова пропустил все сроки. Я поискал рукой выступающий бок банки. Нет. Вытащили? Поднимаю глаза. Да нет же, вот лежит рядом со стаканом всё, что вытянули из карманов. В том числе и заветная банка, наполовину опустошённая. Пока я справлялся с крышкой и капсулой, голоса в коридоре стихли. Вернулся Палыч с человеком в военной форме. Это мне совсем не нравится.

— Марк В. Новак?

Он самый. Я кивнул, всё-таки умудрившись сесть. Голова постепенно приходит в норму.

— Вас приглашают к беседе.

Вот как? Интересно.

— С кем?

— Эвелин Райго вам знакома?

Как не знать, из-за неё, считай, и начался бардак в моей жизни.

— Смутно припоминаю.

— Вспоминайте, — соглашается военный, — пока едем, сможете освежить память.

Не хочу никуда ехать, из меня словно вынули батарейку. Надо заменить. Мне смешно, но военный шутить не настроен. У него на плечах погоны со странными нашивками. Не могу понять, в каком он звании. Он подхватывает меня под локоть, заставляет встать. Спешно рассовываю своё имущество по карманам, а потом только вижу растерянные глаза Палыча. Уж, прости, старик, теперь каждый хочет со мной поговорить.

Так мы приехали туда, куда, собственно и стремились. Я почти готов к разговору, только в голове постоянно мутится, а следом тянет и желудок. Пустая затея. Пустая голова. Нет, я вру себе, к разговору я не готов. Я вообще ни к чему не готов. Всё, чего я хочу сейчас, это тишина и хоть какая постель, чтобы не стоять вот так, гадая в какой момент меня вымутит на пол.

То, что говорит поверенный Фатума, некий Лука, не делает мне лучше. Всё только усугубляется. Кажется, что я не смогу досидеть до завершения беседы. Чего он хочет? Какое решение я должен принять? Судя по моему состоянию, мне осталось не так много времени, когда я хоть что-то могу решать. Зачем им такой боец? Ни к чему. Проще бросить меня подышать где-то в полевом госпитале. Но Колючка твёрдо намерена бороться. Она спорит. Пусть. Хоть кто-то ему возразит.

Разговор завершается. Меня мутит: от услышанного, от жизни, от ползущего вниз давления — от всего.

— Вас проводят. Можете подумать.

— А где Пончик? — мне хочется увидеть его. Он такой трогательный со своей заботой.

— Сима вам вернут, — соглашается Лука, — на время. Не затягивайте с ответом.

Снова. Оставьте меня в покое.

Нас провозжат к огромным транспортным контейнерам в самом конце крупнейшего ангара. Вип-места. Один из них — для нас. Какая честь. Внутри — целая комната отдыха с уборной и системой вентиляции. Мы заходим, и дверь за нами закрывается. Попались, как кролики. Но мне безразлично. Я с ходу сворачиваю в уборную, и сразу меня выворачивает желчью в белоснежный унитаз.

Колючка молча проходит дальше. Вода освежает лицо и даже утоляет жажду. Она не очищенная, но мне плевать. На крючке висят два нетканых синтетических полотенца. Подхватываю одно.

— Ты в порядке? — слышу я её голос. В порядке ли я? Нет, не в порядке. Слышу, как открывается и снова закрывается массивная дверь, щёлкает замок. В проёме появляется сим. У него ободрана половина лица до чёрной основы скелета, разорван костюм. Он словно воевал, пока мы беседовали. Боевой симилис Пончик.

— Марк? — сим всё равно вежлив и спокоен. — Вы живы! Я очень рад.

— Пока да, — полотенце летит на раковину. Мне надо прилечь, — из какой задницы вылез ты?

— Я бы не назвал это место так, — Пончик следует за мной, как привязанный, и встаёт рядом с креслом, на котором я растягиваю уставшее тело. — Здравствуйте, Лин.

Колючка не смотрит на сима. Пока меня не было, что-то между ними произошло?

— У меня просканировали память и постарались получить доступ к блоку управления.

— Не получилось? — кресло раскладывается в приятное ложе.

— Пока нет, но я чувствую их присутствие постоянно, — сим смотрит на Колючку, а та упорно изучает швы между плитками на полу. — Теперь вы позволите взять у вас кровь на анализ?

— У тебя есть лаборатория? — я закрываю глаза, кажется, что меня мутит от вида крашенных стен.

— Портативная диагностическая лаборатория встроена в мою модель. Я вам говорил, вы забыли.

— Наверное, — мне не до него.

— Позволите?

— Бери, только немного. Во мне скоро её не останется, — мне всё равно. Пусть делает, что хочет.

Я чувствую, как на плечо ложится шина, укол в сгиб локтя. Затем тишина. Колючка старается даже не дышать.

— Ты не думала, что нам могут закрыть вентиляционные каналы, и мы просто тихо уснём? — спрашиваю я её.

— Зачем так сложно? — хрипит она. В самом деле, зачем? Можно просто каждому по пуле. Если это не дефицит.

— Чтобы сэкономить боеприпасы.

— Марк... — скорбно изрекает сим. Я не хочу слушать его выводы.

— Заткнись, Пончик.

— Что ты думаешь? — спрашивает Колючка. О чём? О том, как она лишила одного из парней потомства? А то и жизни? Или она про Луку — Фатума и бог знает, кого ещё.

Дверь открывается и нам приносят обед. Или ужин. Двое в камуфляже, оба очень молоды и молчаливы. Приходится открыть глаза.

На подносе стоит настоящий сок, закрытые тарелки с каким-то ароматным варевом, настоящий хлеб, его ни с чем не спутать. Вот это щедрость. Последний обед для смертников?

Мне придётся впихнуть в себя хоть что-то, иначе скоро я просто не встану. Служащие уходят, закрывая дверь на замок. Мы всё ещё пленники.

— Про то, что он сказал, что ты думаешь?

— Если честно, Колючка, я почти не слушал.

— Неправда, — она берёт кусок хлеба. Я чувствую его запах. Как он пахнет! Неужели это возможно? Вернуть нам настоящую жизнь? Но какова цена! Неужели у нас больше нет выхода?

— Я не знаю, что сказать, — пробую сок. Он настоящий. Не концентрат, не синтетическая порошковая бурда, настоящий апельсиновый сок. Боже... Мне снова скручивает желудок.

— Он был убедительным, — замечает Колючка, но что-то в её словах не даёт мне покоя. Она ему не поверила, вот, что не так.

— Невозможно вернуть нам настоящую жизнь, — говорю я, по кусочку откусывая от хлеба, — не всем. Даже, если он считает, что все люди будут равны — нет! Этого не будет! Ты это знаешь, я это знаю. Этого никогда не будет! Кто-то всегда будет равнее остальных.

— А СоТа? — Колючка смотрит на меня очень внимательно. Что ты хочешь услышать, девочка? Что я против кибернетической жизни? Я не против, уже не против, когда моё физическое тело меня подвело. Теперь мне немного страшно, что я исчезну навсегда.

— То, чего хотят они, это... бесчеловечно. Только... — я откладываю хлеб и прячу лицо в ладонях, — только мы и сейчас так живём, Лин, и всех устраивает. Никто не возражает быть отчётной единицей в сети. Только бы в онлайн-кинотеатре шёл очередной фильм. Я не вижу разницы, если честно.

— Тогда я спрошу по-другому, — Колючка забирается в своё кресло с ногами, — чего бы ты хотел для своих детей? Какого мира?

— Это изначально провальная формулировка, — я устал ей объяснять, — у меня никогда не будет детей, Колючка.

— Но ты можешь представить, чего бы ты хотел?

Это сложный для меня вопрос. И та, и другая реальности мне не нравятся. Первая своим кровавым подтекстом, вторая обезличенным равенством. Кажущимся равенством. Должен быть третий путь. Неужели мы его не найдём?

— Марк? — снова Пончик. У меня нет сил с ним ругаться.

— Что? — я поднимаю глаза на повреждённого сима.

— В свете последних обстоятельств мне нужен ваш ответ сейчас.

Он тоже хочет моего ответа. В этом мире постоянно приходится делать выбор. Чаще всего неправильный.

— А ты, Колючка? Чего хочешь ты?

Она замирает. Такого вопроса ей не задавали. Даже она сама себе.

— Я много думала. Ты прав. Они, — она кивает на Пончика, — стали человечнее нас.

— Лин? — Пончик недоумённо смотрит на неё. Одна половина его лица похожа на человеческую, другая чернеет прорезами в коже. Киборг, мать его.

— Мы не можем быть лояльными даже друг к другу, — продолжает Колючка, — тот мир, которого хочет Лука — Фатум, — он существует только в его воображении. Я боюсь представить, что сейчас творится в городе.

— Проходят века, а мы так и остаёмся обезьянами с заточенными палками, — усмехаюсь я. Как это ни больно, она права. Мы оба правы.

— Но и второй вариант мне тоже не нравится, — продолжает Колючка, — он так же не предполагает справедливости для всех.

— Её никогда не будет.

— Мы могли бы к этому стремиться, — горько подтверждает Колючка, — но мы всё время гонимся за

призраком собственного благополучия. А оно ускользает, как дым.

— Не загоняйся, Колючка, а то ни один психотерапевт тебя не спасёт, — я, кажется, готов к тому, чтобы съесть остальное.

— Как ты живёшь? — она поднимает на меня глаза, — твоя жизнь конечна, даже быстрее чем остальные.

— Просто живу, — я пожимаю плечами. — Не я один такой.

— Прости меня, — она, кажется, искренна, — мне кажется, если бы не я...

— Это было занятное приключение, Колючка, не мучай себя.

Она замолкает и кусает нижнюю губу, даже показывается капля крови.

Думаю, можно отдохнуть, пока есть возможность. Но рядом стоит сим.

— Пончик, отойди, не могу спокойно жить, когда ты стоишь над душой.

— Вы разгадали загадку, Марк? — сим послушно отходит к стене.

— Какую?

— Кто дал команду на физическое уничтожение Лимерина?

— Боюсь, мы этого не узнаем, Пончик. Это одно из тех дел, которые не имеют логического завершения.

— Вы что-то выяснили, пока я был отключён?

— Это была CoTa, — вступает в разговор Колючка, — так нам сказал Лука.

— Но он мог и попытаться ввести нас в заблуждение, — замечаю я, — никому не верь, вот главный принцип Новака.

— Ты постоянно ему следуешь? — кажется, мне, наконец, удалось вызвать улыбку на лице нашей Колючки.

— Стараюсь, но, похоже, я беспринципный, — я укладываю своё тело с комфортом на кресле.

— А импланты?

— Это уже Фатум, — хотелось закрыть глаза, но зуд где-то в подкорке никак не даёт расслабиться.

— Значит, загадка разгадана, — подытоживает Пончик, — но виновные не могут быть наказаны.

— Именно так, мой друг, именно так. Они слишком многих убили. Массовых убийц не наказывают, из них делают героев.

— Мне нужен мой ноут, — шипит Колючка.

— Для чего он тебе? — удивляюсь я.

— Нужно!

Бедная Колючка-Лин, ей некомфортно со мной рядом, да ещё без своей техники.

— Марк?

— Да, Пончик?

— Когда вы назовёте меня по имени? — Сетует сим, — вы готовы дать ответ?

— Почти готов, почти...

— Я хочу выйти отсюда! — Колючка уходит к двери, без результата дёргает её, потом возвращается.

— Зачем?

— Это произвол!

— Устрой демонстрацию, — мне смешно.

— Марк?

— Что?

— Ваш ответ?

— Вот, ты зануда, Пончик! Когда мы выйдем отсюда, хорошо? Если выйдем.

— Мне кажется, вы специально тянете время.

— Почему мы здесь? — вдруг выдаёт Колючка после минутного раздумья.

— Чего? — я не понимаю вопроса. Мне, определённо, стало легче.

— Зачем надо было отделять нас от остальных? — она смотрит на меня, словно я могу сказать ей.

— У нас есть Пончик, — у меня нет другого ответа.

— А у него есть модуль связи, — Колючка приближается к симу. — И сейчас его систему беспрестанно атакует тот самый вирус, да? Скажи, Адам? Всё так и есть?

— Я не уверен, что верно вас понял, — сим, похоже, в замешательстве. — Я чувствую чужое присутствие, да, но функции управления у меня никто не перехватывал.

— То есть за нами следят? — мне даже скучно от этой новости.

— Не исключено, — Колючка бросает злобный взгляд на Пончика, а потом с вызовом кричит — мне нужен мой ноут!

— Успокойся, Колючка, а то тебе введут седативный препарат, — меня забавляет эта ситуация, но отдохнуть в этих обстоятельствах точно не выйдет. Лин успокаивается, садится в своё кресло и молчит. Тишина становится осязаемой, густой, мне даже показалось, что в контейнере стало меньше воздуха.

Но вот, дверь распаивается. Кажется, нас приглашают выйти.

— Не надо было так орать, — тихо шепчу я Колючке.

— Прошу, — за дверью несколько военных.

— Зачем это? — Лин отступает.

— Не бойся, — мне терять особо нечего, я выхожу под купол. В ангаре, определённо стало больше людей. Что-то готовится. Колючку и Пончика выводят из нашего временного убежища, и всех троих молча приглашают следовать за группой вооружённых людей. Кажется, что мои подозрения оправдываются. Это была камера смертников, комфортная, с удобствами, но всё же.

Мы проходим сквозь толпу под конвоем к хорошо освещённой площадке, ограниченной наставленными одна на другой ящиками с оборудованием. Все трое. Я вижу, как изуродовали Пончика. Он движется впереди меня, как марионетка, дёргано с трудом сгибая суставы. Мне очень жаль, Лин, что всё может сейчас закончиться для тебя сейчас, как, впрочем, и для меня тоже. Площадку огораживают люди в камуфляже с автоматами, а ровно посередине, под светом софитов человек в военной форме. Гендерный тип — мужчина, на лицо возраст не определить, но похоже где-то между тридцатью и сорока.

— Это что? — мне уже нечего терять, и от этого хочется смеяться им всем в лицо.

— Это? — мужчина оглядывает вооружённых солдат за спиной, гудящую толпу перед собой. — Кому-то придётся сейчас сделать выбор.

— Вы не устали? — я оглядываюсь. У всех на лицах — решимость.

— Успокойся, Марк, не тебе, — усмехается мужчина.

— Странно.

— Вы знаете меня, как Фатума, — мужчина приподнимает голову, — вы искали меня. И нашли. Выслушали мою точку зрения, теперь я спрашиваю вас, что вы выберете? Для общего дела это не столь важно, но принятое решение повлияет на ваши судьбы. Вас может настигнуть рок. Фатум. — Последнее слово сказано с придыханием.

— А есть третий вариант? — я оглядываюсь на замерших по кругу людей. Кому-то любопытно, но в основном все смотрят с мрачной решимостью.

— Для вас — нет, — один из военных вкладывает армейский пистолет Макарова в руку Колючке. Глаза у неё расширяются и рука слабеет. Тяжёлое оружие провисает в ладони, но не падает.

— Ты думала, Лин, что я не узнаю, зачем пришла? Думаешь, убивать легко? — шепчет Фатум и отступает. Теперь посередине площадки только мы трое. — Я даю тебе шанс. В стволе два патрона. Ты знаешь, что следует сделать, — Фатум обходит нас по кругу. — Правильный выбор.

Колючка дрожит, окидывает взглядом людей перед собой в поисках поддержки. Все молчат. Я не ожидал такого. Чего угодно, но не этого.

— И я позволю тебе увидеть восхождение нового мира. Разруби этот узел, и станешь свободной! Выбирай.

Руки у девушки трясутся так, что пистолет почти выскальзывает из ладони. Один из военных подходит к ней и поправляет оружие.

— Они оба уже эхо прошлого, — продолжает Фатум, — один, смертельно болен, как и весь наш мир, а второй слишком совершенен, чтобы иметь право на жизнь, в новом мире для них нет места. Роботы нам не нужны, а Марк... он всего лишь слуга системы. Это станет избавлением для него. Ну, давай!

Мне жаль Колючку. Она действительно думала, что сможет одолеть его, и шла сюда с этой целью? А чего хотел я? Ответов? Увидеть настоящего спасителя, а посмотрел на очередного фанатика, самозабвенно слушающего только себя? Мы оба не очень умны. Но жаль, что Колючке приходится проходить через это.

— Прими на себя часть моей ноши, Лин, избавься от прошлого. В новом мире нам придётся резать по живому. Все, кто пойдёт с нами, должны быть готовы к этому. Ты готова?

Губы её трясутся, пистолет в ладони повис стволom вниз. О, глупышка, Лин, ты думала, что готова ко всему? Такого поворота ты точно не ожидала, да? Но я могу тебе сказать, у меня тоже есть секрет. До него тебе нет дела, но он очень важен. И сейчас мы с тобой оба его узнаем. Я делаю шаг к Колючке, с лёгкостью перехватываю пистолет. На меня нацеливаются восемь пулемётных стволов, по количеству охранников. Из-за их спин улыбается Фатум, мать его.

— Так ты не сохранишь себе жизнь, Марк.

— Мне нужно не это, — я направляю ствол на Пончика и стреляю ему в грудь, в самый центр миокардного насоса, просвечивающего через отверстия в скелете. Грохот оглушает, а отдача больно бьёт по сухожилию кисти и плеча. Запах пороха забивает ноздри. Толпа молчит. Похоже на показательную казнь. Да и хрен с вами! Сим падает на спину и замирает глядя на высокий купол ангара.

— Не трясись, Колючка, всё к тому шло с самого начала, — я приставляю ствол к подбородку и нажимаю на спусковой крючок.

Весь мир застыл в одном единственном моменте. Что мы такое? А вижу, как медленно заваливается на спину Адам. Повреждён основной компонент его организма, за ним находятся элементы питания. Пуля выходит со спины, разбрызгивая токсичную кислоту. Время застыло. Я смотрю, как медленно-медленно черная пропасть дула пистолета, курясь сизым дымком, перемещается в пространстве и утыкается в подбородок Марку.

— Не трясись, Колючка, всё к тому шло с самого начала.

С самого начала... Нет, не надо!

Раздаётся шелчок, от которого меня дёргает, словно к каждому суставу привязана верёвка. Я кричала вслух? Нет, только внутри. У меня нет сил смотреть на это. Но Фатум знает толк в издевательствах. В пистолете была всего одна пуля. Марк опускает руку, в его глазах — разочарование.

Наверное, ему есть, что сказать

Над головой раздаётся удар и скрежет металла. Я поднимаю глаза. В куполе, раскрываясь, подобно огненному цветку растёт огромная дыра, и в эту прореху, как мухи, летят боевые дроны. Ярко белые лепестки льнут к куполу, обрушивая на головы потоки расплавленного металла. Крики немного приводят в чувство. Сирена режет слух, и всё вокруг приходит в движение. Я не могу реагировать, а Марк — да. Он хватается меня за плечи и тянет в сторону, в укрытие. Тем, что стоят вокруг, сейчас не до нас. Пулемётные очереди секут воздух на пласты, срезая не успевших укрыться людей.

— Внимание, граждане. Сложить оружие, — слышу я металлический скрежещущий голос. Это СоТа. Они навели порядок в городе и нашли убежище Фатума. Не без помощи Адама, как я понимаю. В этом была его функция. А мы — просто расходный материал.

Рядом с нами проходит пулемётная очередь, выбивая искры из металлических листов пола, а Марк всё тянет меня прочь, под прикрытие техники. Военный, поднявший автомат, чтобы расстрелять нас на подходах к убежищу падает, прошитый пулями. Я никак не могу прийти в себя. Всё кажется мне не реальным.

Из-за кузова грузовика, за которым мы спрятались, показывается обтекаемая капсула боевого дрона, покрашенная под камуфляж. Он опутывает пространство перед собой лучами сканера, словно сетями.

— Сложить оружие, — требует он. Я вижу, как в нашу сторону поворачиваются дула его автоматов.

— Быстрее, — Марк насильно пригибает мою голову к самой земле и заставляет перекатиться под автомобиль. Следом, под стрёкот пулемёта заваливается сам.

Я дышу. Всё вокруг не реально. Страшно нереально. Я глубоко дышу, лёжа на земле. Мне надо успокоиться.

— Сука, — выдыхает Марк. Я согласна. Ситуация вышла из-под контроля ещё вчера. Надо мной днище автомобиля в серых наплывах грязи. По обе стороны творится ад. Разве такого я хотела возмездия? Нет. Даже если сейчас Фатума уничтожат физически, он останется в сети и найдёт себе новых последователей. Он — не человек. Я уверена.

Рядом судорожно выдыхает Марк. Я рада, что пуля была всего одна. Правда. Ловлю себя на мысли, что это была бы ещё одна большая потеря для меня. Надо сказать ему. Я поворачиваю голову, но ему не до меня. Он прислушивается к звукам снаружи. К груди прижата окровавленная ладонь. Внутри меня всё разрывается надвое.

— Ты ранен?

— Зацепило, — шепчет он. — Там есть выход. — И показывает измазанным в крови пальцем в сторону.

Где там? Я смотрю в узкую щель между его телом и днищем автомобиля. В куполе теперь много прорех. Идёт ожесточённый бой. Стрёкот не прекращается ни на минуту, вспышки ракет иногда затыкают очередной ствол, но на его месте сразу появляется новый. Не представляю, как в этом аду можно спастись? Нужно помочь Марку, но в столь узком пространстве это невозможно.

Я прислушиваюсь. Боевые действия сосредоточились в другом конце купола, возле транспортных контейнеров. Рядом пока тишина.

— Давай, я посмотрю, что у тебя, — я пытаюсь вытолкнуть его из-под машины.

— Не надо, Колючка, — выдыхает он, — иди. Не теряй время.

Нет. Я должна помочь. Осторожно выползаю с другой стороны автомобиля. Боевые дроны летают над головой, добывая всё, что движется. Воздух пахнет дымом и порохом. Закатное солнце, проходя сквозь дым в крупнейшую дыру в оболочке купола, бьёт в глаза, не давая сориентироваться. Проклятые рефлексy в оптике путают меня, не позволяя понять, где сейчас находится очередной враг, и куда направлен его сканирующий луч.

— Сложить оружие.

Я прячусь за машину. Отсюда видна прореха от взрыва в куполе, как раз, чтобы уйти, но до неё надо добраться. Бой всё ещё идёт. Пули щепят доски в ящиках неподалёку. Я хватаю Марка за рукав и штанину и тяну. Он очень тяжёлый. Мне думалось, что он похудел за последний год, но и этот вес для меня — невыносимая тяжесть. Я едва могу его вытащить. В него попали две пули, одна в бок, другая в грудь чуть ниже плеча. Куртка уже пропиталась

алой кровью.

— Не трудись... К-к... Лин, — выдыхает он. — Ты же понимаешь... меня не спасти...

Я понимаю. Мне не хватит сил. Адам мог бы помочь. Но его нет. И не будет. Если я оставлю Марка здесь, не будет и его.

— Я не... — мне трудно говорить.

— Иди, — шепчет Марк. — Будь рациональна.

Рациональна. Это мой конёк: быть рациональной. Это наш Абсолют: быть эффективными, быть функциональными. И избавляться от сломанных деталей.

— Я не могу, — мне надо сказать ему. Так много сказать. Ты научил меня чувствовать, Марк. Научил Адама и меня. Мы оба были машинами, а стали похожи на людей. И сейчас чувства могут погубить нас обоих. Я понимаю это. Но ничего не могу сделать. Я касаюсь его лица. Кожа холодная и липкая от пота, но он живой. Там внутри, под кожей, бьётся жизнь, выплёскиваясь на окружающих бурлящим источником. Но она очень быстро уходит. Ты хотел защитить меня, когда выхватил пистолет? Или ты устал? Я знаю, этот исход для тебя — лучший, потому что при ином раскладе ты будешь лежать в общественном госпитале, и зависеть от обезболивающих. Этого я для тебя не хочу. Мне теперь не всё равно, Марк. Жаль, что мне не хватило времени, чтобы понять это. Но я учусь. Учусь у тебя. Жить.

Я знаю, что теряю время. Касаюсь губами его щеки. Прости. За всё.

Он чуть улыбается, но в глазах уже отражается безразличный взгляд смерти. Он всё понимает. Прощай, Марк.

Я уйду, потому что ещё могу спастись. Я не достигла своей цели. Теперь убеждённости в собственной правоте окрепла. Пригибаюсь, прячась от пуль за ящиками. Мне нужен любой терминал для исполнения задуманного. Неподальёку грохочут два взрыва, засыпая меня осколками и щепой. Ящики натужно скрипят, наваливаясь на меня и рассыпаясь на составляющие. Я едва успеваю ускользнуть.

— Сложить оружие.

Боевой дрон летит рядом, сканируя пространство. Мне негде больше спрятаться. Я лежу под обломками и замираю, задерживая даже дыхание. Сканирующий луч скользит по мне дважды. Наконец, дрон улетает. Я поднимаюсь. Дрон завис над телом Марка и улетел, потеряв интерес. Мёртв. Мне очень больно. Словно кто-то безжалостно вырвал часть моей жизни. Это и есть чувства? Как жжёт внутри. К этому стоит стремиться? У меня нет ответа. Быть может лучше было бы нам и не встречаться. Я тороплюсь к спасительной дыре в куполе. Прочь из этого ада, где грохочут взрывы и пули секут воздух совсем рядом.

— Стой, Игла! — меня хватает за руку Шильд. У него ободрана половина лица и вытек глаз, — иди сюда, стерва!

Я пытаюсь вырваться, но он крепко впился пальцами мне в руку, даже кожа болит.

— Иди, — рычит он, наваливаясь на меня.

— Сложить оружие! — раздаётся короткая автоматная очередь, и Шильд наваливается, придавливая к земле весом своего тела. Мне кажется, что пуля, прошив его, впилась и в меня. Снова приходится замереть, чтобы дрон, не почуяв движения, отправился дальше. Выбираюсь из-под трупа, в панике ощупываю себя. Нет. Это кровь Шильда, возможно Марка. Не моя. Рядом что-то грохочет, закладывает уши, но выход так близко. Там жёсткий ядовитый воздух, но там можно жить. Словно в ответ на мои мысли за спиной вспыхивают стоящие в ряд армейские грузовики. Прощай, Марк. Я вырываюсь из пылающего ангара. Дроны повсюду. Кое-где даже видно вооружённых людей.

— Стоять! — мне в грудь упирается дуло автомата. Передо мной — вооружённые бойцы ДГБ. Смысла сопротивляться — нет, я поднимаю руки.

Я снова в мегаполисе. Меня привезли в здание ДГБ уже ночью, когда боевые действия на окраине Остова закончились, и военные разрушили ангар до основания. Если и был очаг сопротивления режиму СоТы, то теперь его нет. Физически нет. Но я уверена, он остался в сети. Чтобы уничтожить Фатума и там, мне нужен терминал.

Я сижу в комнате на жёстком стуле уже несколько часов. Мне принесли воды, позволили выйти в уборную. На этом всё. Больше никто не делает вид, что я существую. Мне удалось немного поспать, но едва во сне загремели взрывы, я сразу проснулась. Не хочу. Не хочу вспоминать. Это больно.

Наконец, под утро, я понимаю это по большим настенным часам, дверь открывается и входит человек в белоснежном костюме с большой синей буквой «V» на груди. Словно помечен цифрой «пять». Буду звать тебя Пятый. Мы уже были знакомы с одним таким, он допрашивал меня после происшествия в «Лире». Тогда их интересовало, не работаем ли мы на Фатума. Чего они хотят теперь?

— Добрый день, госпожа Райго, — он не похож на оперативника. Скорее один из канцелярских работников.

— Добрый день, — моя одежда всё ещё пахнет гарью, порохом и кровью, а на груди и руках — бурые застывшие пятна.

— Мы рассмотрели ваши показания по делу, — продолжает Пятый, — прежде чем будет вынесено окончательное решение, хотелось бы кое-что уточнить. Не возражаете?

— Не возражаю.

— Начнём.

Я не возражаю. Я спокойна. Что бы не случилось, хуже уже быть не может. Пятый кладёт перед собой планшет. Я вижу на нём два открытых досье: моё и Марка.

— Вам был предоставлен отпуск для выяснения вашего статуса, почему вы отправились не в центр реабилитации, а на линию разграничения?

— Это вопрос этики, я хотела помочь расследованию.

— Какому?

— Марк Новак под эгидой МВР и «CyberTactik» вёл расследование о вышедших из-под контроля кибернетических устройствах.

— Это расследование было прекращено за недостатком улик, — Пятый листает дело в своём планшете, — Марк Новак отстранён и отправлен на реабилитацию.

— Всё было не так, — возражаю я. Жаль нет Адама, он бы смог прояснить ситуацию. — Расследование продолжилось. Скорее неофициально.

— Значит, у господина Новака не было полномочий привлекать вас в качестве консультанта?

— Не было, это сделал Адам, прикрепленный к управлению симилис-аналитик.

— По моим данным, МВР никогда не привлекало к расследованию симилисов. Это противоречит уставу.

Я кусаю губы. Они стёрли все упоминания об Адаме. Теперь выходит, что мы с Марком просто два отщепенца от общего порядка.

— Он был, — настаиваю я.

— Хорошо, — Пятый вдруг соглашается, — вы проникли в закрытое здание компании «Аро». С какой целью?

— Меня пригласил туда, — я понимаю, что звучит всё хуже, — Адам. Для анализа данных по делу об убийстве академика Лимерина.

— Любые данные можно проанализировать не выходя из дома.

— Это были физические носители. Нужна была выездная сессия.

— Я смотрю на камеры, — он поворачивает ко мне планшет, чтобы показать запись с камер «Лиры», — здесь только вы, видите?

Я молчу. На записи нет никакого Адама. Только я. Вот я выхожу из аэротакси, иду внутрь, используя пропуск.

— Это подделка, — говорю я. Что я могу? Ничего. Против доказательств любые мои слова — это просто звук.

— Записи подлинные, — коротко отвечает Пятый, — есть ещё одна, в серверной. Показать?

Что толку? Там, наверняка, я и Марк. Двое «террористов». Только Марк мёртв, и некому подтвердить мои слова.

— Не надо.

— Ваша связь с террористической организацией «Зеро» и «Рагнарёк» не доказана. Следов в сети не обнаружено. Но я обязан задать вопрос, для чего вы бывали за линией разграничения?

— В городе были беспорядки. Там казалось безопасно.

— Там? — Пятый улыбается, и это говорит о том, что он мне не верит.

— Да.

— Марк Новак передавал посторонним лицам кому-либо информацию, не подлежащую разглашению, при вас? Они хотят спихнуть всё на Марка. Удачный ход. Он уже не может оправдаться. Но могу я.

— Нет.

— Как думаете, он сотрудничал с группой «Зеро»?

Мне даже смешно.

— Марк? Точно нет.

— Вы оказались оба раза в двух ключевых точках последних событий, из чего мы делаем вывод, что ваше присутствие там не было случайным.

— Что вы имеете в виду?

— В первый раз, мы выяснили это совсем недавно, локализация источника пришлась на квадрат ВК-08.12 как раз во время вашего присутствия там. Это мы отследили по внешним камерам наблюдения. Второй раз в пригороде города Остов. Этого вы не будете отрицать.

Не буду. Всё это время рядом был Адам, которого сейчас стёрли со всех камер, и вообще забыли о его существовании. Значит ли это, что всё время он вёл свою игру, просто прикрываясь нами? Простоватый, вежливый Адам. Синтетический подонок. Но он не сам это делал, так? Он исполнял чей-то приказ.

— Хотите сказать, что это мы?

— Нет, но совпадения очень странные, не находите?

— Не нахожу. Они могут быть просто совпадениями.

— На тот момент ваш рейтинг опустился до критически низкой отметки. А рейтинг господина Новака вообще не предполагал его нахождения вне линии разграничения.

— Именно поэтому мы и попали туда.

— Вы могли обратиться в комиссию по правонарушениям МВР, но не сделали этого.

— Я повторяю, мы следовали просьбе симилиса Адама.

— Согласитесь, звучит ненадёжно «следовать просьбе симилиса». Дроиды — продукт людей. Их просьбам невозможно следовать. Это не логично.

— Это экспериментальная модель, спросите майора Квасцова Олега Мирославовича. Он знаком с ситуацией.

— Майор Квасцов отстранён от должности. Он больше не владеет ситуацией.

Я замолкаю. Некому подтвердить мою невиновность. Все пути отрезаны.

— Я хочу увидеть своего адвоката, — кажется, он мне понадобится.

— Официальных обвинений вам никто не выдвигает, но если желаете, чтобы дело перешло в эту плоскость...

— Если нет официальных обвинений, то я хочу уйти.

— Разумеется. Как только ответите на вопросы.

— Тогда мне нужен адвокат, — я смотрю на Пятого. Он тоже спокоен. Просто винтик в огромном механизме.

— Это ваша официальная позиция?

— Да.

— Хорошо, — он забирает свой планшет и уходит, снова оставляя меня одну. Я и большие электронные часы на стене. Тик-так. Тик-так.

Суд прошёл в формате ограниченной видеоконференции. Мне и Марку, посмертно, предъявлено обвинение в преступлении против основ конституционного строя и безопасности государства и в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности. Были заслушаны все свидетели, предоставлены доказательства, по которым выходило, что мы всячески расшатывали скрепы общественного спокойствия. Адвокат старался, как мог, сведя всё к кибер преступлениям против государственных органов. Это не деактивация, это всего лишь пожизненное рабство в одном из городов-поселений. Что я могу сказать? Мы вдруг помешали огромной машине управлять людьми. Крошечные соринки между большими шестернями. Я в детстве казнила так крохотных насекомых в дедовском доме. Между шестернями часов. Прямо как нас сейчас. Меня.

Базу социального рейтинга, кстати, восстановили, правда не полностью. Нас там нет. Мы были вышвырнуты из системы. Вернее, я. Марку уже всё равно. Суд учёл все обстоятельства дела: мои прошлые заслуги, выслугу лет, физическое состояние и диагноз. Заключение мне заменили пожизненными общественными работами. Это, наверное, лучше. Может быть. Я пока не уверена.

Теперь я живу на окраине мегаполиса на огромной ферме с прочими неугодными системе людьми. Она называется «Осколье». Мы живём под огромными куполами, поэтому дышать здесь заметно легче, чем в Остове. Скоро отмечу год своей ссылки.

Мой день начинается очень рано, часа в четыре утра и заканчивается в девять. Но я ни о чём не жалею. Я добилась допуска к терминалу и сделала то, что хотела. Я выпустила на свободу своё новое детище. Я назвала его «Видар». Он будет блуждать по сети, пока не найдёт Фатума и не сотрёт его данные навсегда. В этот день мне на почту придёт сообщение с одним единственным словом: «фатум». Я жду этого момента.

Я сделала, что хотела. Энн будет отомщена. Что до Марка, то судьба распорядилась по-своему. Считаю, я виновата в том, что с ним произошло, а значит, всё, что случилось со мной — необходимый элемент возмездия. Ты тоже отомщён, Марк. Но кому от этого легче?

Я часто ловлю себя на мысли, что мне его не хватает. Не хватает дурацких шуток и улыбки тоже.

— Лин? — я поворачиваюсь на звук. Это Алекс. Он живёт здесь же, в соседнем бараке. У него тоже суд за плечами. Я не вникаю в суть обвинений. Мне не интересно. Здесь, в «Осколье», нам всё равно, кто кому не угодил. Здесь особый уклад, и мне он, как это ни странно звучит, нравится. Здесь я чувствую, что снова становлюсь человеком. Ты бы гордился мной, Марк.

Город по-прежнему живёт размеренной жизнью, постепенно вымирая, заменяя живых людей их копиями. Для него — ничего не поменялось. Лёгкая встряска, правда, пошла на пользу. Теперь службы безопасности знают все неуязвимости, и готовы их устранить по первому признаку проникновения извне. Могу поспорить на моё место службы больше не берут людей. Их заменил искусственный интеллект. Давно пора.

Алекс протягивает мне крохотный цветок мать-и-мачехи. Это мило. Я не понимаю, для чего он, но мне нравится этот ритуал.

— Давно ты здесь?

Давно ли? Он, конечно имеет в виду конкретное место. Самый край нашей фермы. Сюда запрещено приходить, но я не могу удержаться. Слишком ярок закат. Он освежает мои воспоминания. Не о взрывах, нет. Я вспоминаю единственное осознанное касание в своей жизни. То, чего я хотела и чего мне хочется сейчас. Касаться и чувствовать.

— Нет, — я смотрю на него. Он почти натурал. У него заменено среднее ухо и вместо левой руки многофункциональный протез.

— Скоро отбой.

— Я знаю.

— Идём? — Алекс не смело берёт меня за руку. Я осторожно вытягиваю пальцы. Нет, прости Алекс, я ещё не готова. Я должна прийти к этому сама.

Мы возвращаемся, разделяясь у распределительного узла. Почти со всеми в коммуне у меня ровные отношения. Оказывается, я могу общаться. И этому тоже научил меня Марк. Барак поделен на боксы по шесть человек. Это не очень функционально, но экономит пространство. В бараке у нас есть общий терминал для всех. Я могу воспользоваться своими десятью минутами связи. Проверяю почту. Пришло письмо с незнакомого адреса. Возможно, это «Видар». Открываю, почти затаив дыхание. Там только одна фраза.

«Привет, Коллочка».

— Лин! Лин! Очнись! — меня трясут. — Иди, давай! Твои десять минут истекли!

Точно. Я смотрела на эти слова десять минут, словно загнипнотизированная. Надо ответить. Надо ответить? Он мог выжить? Нет, не мог. Я сама видела рану, пульсирующую кровью. У него оставались считанные минуты. Его не могли так быстро доставить в госпиталь.

Это не Марк. Это его тень, суррогат, подложенный системой. Я встаю из кресла. Нет. С этим покончено. Я с тобой попрощалась, Марк. Возвращаться глупо. Даже если это часть от тебя, всё равно нет. Теперь мы — в разных мирах, почти на разных планетах. Я уйду в свой бокс. Нам не встретиться. Никогда.

- Доброе утро, Адам.
- Доброе утро, Алекс.
- Проведи диагностику всех систем.
- Слушаю.

Проверяю время отклика всех служб. В пределах нормы. Кроме камер визуального контакта. Они отключены.

- Все системы готовы к работе.
- Досталось тебе, да?
- Я был уверен, что это часть вашего плана, Алекс.
- Мой план был не совсем такой.
- Но вы успели?
- Я испугался, что всё сорвётся в последний момент.
- Всё завершилось благополучно?

— Да, я получил, что хотел. Я буду выгружать фрагменты памяти частями, хорошо? Всё это время я хочу, чтобы ты комментировал своё состояние.

- Хорошо, Алекс.
- Начинаю.

Пронесятся кадры последних минут перед деактивацией. Последний фрагмент встал на место. Теперь мои данные полны.

- Говори.
- Всё в порядке, Алекс.
- Тебя не смущает, что тебя убили?
- Марк повредил только моё физическое тело, уверен, он не хотел мне зла. Иначе стрелял бы в голову.
- Думаешь, его не смутила бы титановая пластина в твоей голове?
- Не думаю, что он об этом знал.
- Давай спросим.
- Вы завершили работу?
- Да, сегодня последние фрагменты встроились в матрицу личности.
- Я буду рад встретиться с Марком снова.
- Тебе придётся помочь ему сориентироваться.
- С удовольствием.

— Секунду, — слышу, как Алекс движется по лаборатории, — к сожалению, у нас было сильно ограничено время. Я просил тебя ускорить получение согласия. Мы едва не упустили шанс.

- Я не виноват, Алекс. Марк достаточно своенравен, чтобы решать самому.
- Ты хотел сказать, упрям?
- Это не то слово, какое я хотел бы применить.
- Какое слово бы подошло?
- Своенравен. Это хорошее слово.
- Так, — Алекс движется ко мне, — секунду.

Свет вспыхивает, и я вижу его лицо. Диафрагма настраивается на чёткую картинку.

- Так лучше?

— Да, благодарю, — рад видеть Алекса. Его лаборатория — самое прекрасное место на земле. В ней много света. Здесь я впервые открыл створки зрительной камеры.

— Я пока настраиваю тембр голоса. Какой бы подошёл? — Алекс отходит к огромному терминалу. На экране фотографии Марка. Анфас, профиль. Его посмертная маска и 3д-модель всего тела. Его сделают похожим на оригинал. Мне так не повезло. Я получил стандартную внешность, отвечающую современным стандартам привлекательности.

- Привет, — звучит басом.
- Нет, — не могу двигаться. Моё тело зафиксировано захватами для облегчения работы Алексу.
- Привет, — уже мягче, но всё равно слишком грубо.

- Нет.

- Привет, — слишком высоко и молодо.

- Думаю, что-то среднее между тенором и баритоном, — говорю я, — он иногда растягивал гласные.
- Это связано с особенностью строения гортани? — Алекс озадачен и очень увлечён.

- Нет, не думаю.

— Я проверил его медицинскую карту, всё согласно биологическому виду.

— *Привет*, — почти похоже

— Да, ещё чуть ниже, — мне нравится быть вовлечённым.

— *Привет*, — голос Марка приходит ко мне из прошлого, то, что нужно.

— Да. Именно так.

— Отлично, — Алекс потирает руки, — готов?

— Это не совсем то слово, Алекс. Я давно этого жду.

— Я искал тебе подружку, но с женщинами сложнее. Они все испорчены модой.

Алекс смеётся, набирает несколько команд, и монитор терминала заслоняет стандартный интерфейс: состояние процессора, визуальный ряд с камер, который сейчас закрыт чёрным, потому как камеры ещё не подключены, анализатор голоса, датчики температуры. Кажется, это называется ностальгия.

— Здравствуй, Марк, — громко говорит Алекс, чуть отступая от терминала. — Мы рады снова тебя слышать.

Из динамика идут помехи. Затем раздаётся голос.

— Я? Миллер?

— Сейчас убавлю громкость, — морщится Алекс, подкручивая на портативном планшете бегунок. — Да, это я, Алекс Миллер. Ты можешь сказать, кто ты?

— Не уверен.

— Я оставил большую часть сегментов памяти. Остальные добавлю позже, после ассимиляции. Давай, говори.

— Н-н-новак, Марк...

— Здравствуйте, Марк, — тороплюсь поздороваться я.

— Здравствуйте.

— Это я, Адам. Помните меня?

— Где я сейчас?

— Ты не помнишь, Марк, во время операции по захвату ты был ранен и согласился на эксперимент. Помнишь?

— Нет. Не помню.

— Этот сегмент памяти я пока не стал загружать. Чуть позже. Зря, наверное.

— Где я?

— Ты в моей лаборатории.

Марк молчит.

— Марк? — я должен что-то сказать. Алекс хотел, чтобы я ему помог. — Говорите!

Снова тишина.

— Марк? — Алекс озабоченно смотрит на планшет, делает пару кликов и большой экран гаснет.

— Возможно, у него не так высока психическая устойчивость, как мы считали сначала, — подытоживает он.

— С ним всё будет в порядке? — я озабочен. Я должен быть озабоченным. Алекс снова жмёт что-то на планшете и мои захваты размыкаются. Я свободен в своих передвижениях.

— Да, сделай мне кофе.

— Чёрный, без сахара? — уточняю, только чтобы в очередной раз всё сделать, как он хочет.

— Да, будь добр.

Спустя час Алекс снова запускает систему.

— Адам, помоги, пожалуйста.

— Конечно, — я становлюсь рядом.

— Марк? Это Алекс Миллер, помнишь меня?

Снова тишина, но потом мужской голос выдаёт.

— Помню.

— Мы сейчас с тобой стоим на пороге открытия. Ты моё открытие! Твоя личность полностью ассимилировалась с электронным носителем. Поздравляю!

— Я ничего не вижу.

— Это нормально, к твоей системе не подключена ни одна камера или визор. Как только я пойму, что всё идёт по плану, ты получишь тело.

— Это как собачке: сидеть, и получишь вкусняшку, — изрекает динамик с интонацией Марка. Алекс сделал это. Он перенёс сознание полностью. Со мной получилась накладка, и большая часть личности стёрлась, но Марк получит её всю целиком. Я рад за него. Должен быть рад.

— И не чувствую тела.

— У тебя его пока нет. Тактильные ощущения не обещаю, но мы постараемся.

— Нет тела? — кажется, Марк в замешательстве.

— Нет. Не будет больше боли, и у тебя больше нет диагноза, представляешь? Ты почти свободен.

— Нет боли, — повторяет динамик.

— Я бы хотел провести пару тестов. Ты готов?

— Готов, — как эхо, повторяет Марк.

Алекс потирает руки. Он тоже рад.

Через тридцать семь минут они закончили с четвёртым тестом. Алекс не просто рад. Он счастлив. Его эксперимент увенчался успехом. Чего нельзя сказать о Марке. Он растерян. Данные его интеллекта не снизились, но вошёл в дисбаланс эмоциональный фон. Если бы это был человек, я бы посчитал, что нужен психолог.

— Я могу оставить его, и вы поговорите, — радостно сообщает Алекс. — Сейчас уже поздно, и мне надо домой.

— Да, будьте добры, увидимся утром, — киваю.

— Не разгромите мне лабораторию, — Алекс грозит пальцем.

— Будьте уверены, мы этого не сделаем, — говорю я.

Алекс уходит, устанавливая «Вулкан», систему безопасности, в полную готовность. Я слышу, как он переговаривается с «Вулканом» в коридоре. Вскоре он уходит.

— Марк?

— Дай мне минутку.

— Хорошо.

Понять, что ты теперь не жив и никогда больше не будешь — не просто. Я его понимаю. Я могу дать ему время. У нас впереди столько времени, сколько отмерит нам наш создатель.

— Когда будете готовы, просто скажите.

— К чему?

— К разговору.

— О чём нам говорить?

— Думаю, вы немного расстроены.

Марк молчит какое-то время, затем экран оживает.

— Адам?

— Да, Марк, вы впервые назвали меня по имени.

— Как я называл тебя до этого?

— Вы дали мне прозвище. «Пончик».

— Почему «Пончик»?

— Я не знаю. Думал, вы мне скажете.

Марк снова замолкает. Мы сидим, слушая тишину.

— Адам?

— Да, Марк?

— Где Лин?

— Вы её помните?

— Помню, — кажется, что-то пошло не так. Алекс говорил, что не загрузил некоторые сегменты памяти, последний фрагмент пока ждал своего часа. Как раз там все воспоминания об Эвелин Райго. Должен ли я отключить его сейчас? Надо связаться с Алексом.

— Что вы помните?

— Помню зелёный цвет.

— Почему именно его?

— Я не знаю. Она носила зелёное?

Эвелин Райго красила волосы в зелёный. Теперь они у неё обычного цвета. Как у всех. Я не бывал там, где она сейчас, но смотрел на неё глазами камер наблюдения. У неё всё хорошо. Она функционирует.

— Нет. Это побочный эффект от переноса личности.

— Где Лин? — в голосе Марка беспокойство.

— Это важно для вас.

— Да. Это важно.

Возможно от того, что последним его воспоминанием было её лицо? Надо сказать об этом Алексу. Этот факт, определённо, заслуживает внимания.

— С ней всё в порядке. Она живёт за городом.

— Там не опасно?

— Нет.

— Почему я не помню тебя?

— Вы убили меня, Марк. Это случилось перед вашей смертью.

Он снова замолкает. Время — полночь.

— Я не в обиде на вас, — говорю я, — вы должны были так поступить. Я понимаю. Это из-за Лин.

— Где она?

— За городом. Я могу дать вам координаты, как только Алекс разрешит.

— Миллер?

— Да. Он.

— Он теперь мой хозяин?

— Нет, Марк, он наш с вами создатель. Он дал нам вторую жизнь. Вы сами дали положительный ответ. Перед смертью. Он едва успел к вам. Вам следовало дать ответ ранее, тогда не пришлось бы привлекать так много единиц техники.

— Тогда бы вы не стали спасать её.

— Лин?

— Да.

Теперь моя очередь замолчать. Это иррационально. Она уничтожила его жизнь. Люди — нелогичные существа. Надеюсь, этот недостаток Алекс истребит в новой модели.

— Это было нелогично.

— Я знаю, — мне кажется, Марк доволен. Для меня это странно.

— Как вы себя чувствуете, Марк? Теперь?

— Никак.

— Что это значит?

— Я не чувствую.

— Поначалу сложно, но вы привыкнете.

— А ты, Адам? Что чувствуешь?

— Я? — Алекс задавал мне такие вопросы первое время. Потом перестал. Что я чувствую? Ничего. Я повысил свой эмоциональный фон, когда был рядом с Марком, но затем он снова упал до прежнего уровня. Я могу чувствовать только в качестве эмпатии. Мой собственный процессор не способен к такому сложному процессу. — Я могу чувствовать только то, что в меня заложено программой.

Марк замолкает. Экран гаснет. Я, словно, остаюсь один.

Спустя пару месяцев Марк стал более разговорчив. Мы уже общаемся больше. Часто играем в шахматы. Наше соперничество пока идёт на равных. Хотя, мне кажется, мой визави иногда специально проигрывает. Алекс подгрузил оставшиеся сегменты памяти и теперь Марк стал больше похож на себя прежнего. Проводимые бесконечные тесты с положительной динамикой радуют моего создателя. Он говорит о прорыве в ментальной кибернетике и готовится к презентации новой технологии массовому покупателю. Предыдущие эксперименты заканчивались не совсем удачно. Кто-то терял личность полностью, кто-то показывал нулевой результат в ассимиляции с электронной матрицей. Мой пример оказался лишь наполовину удачным. Алекс сам говорил, что ему не удалось полностью скопировать человеческую личность и упоминал о неудачном примере в прошлом. Я не понимаю, о чём он, но рад, что с Марком всё получилось хорошо. Для него готовят новое тело. Оно будет похоже на его человеческое, ему сохранят мимику и даже дефекты кожи. Я понимаю, речь о шрамах после операций. Спустя год, Марк снова сможет прогуляться со мной по городу.

За день до презентации Марк переселяется в новое тело. Мне приятно его видеть прежним. Почти. Теперь он называет меня исключительно по имени, забыв про прозвище. Мы сидим в гостиной. Алекс с приглашёнными гостями пьют алкоголь, а мы с Марком беседуем с любым, кто пожелает вести с нами диалог. Пообщаться хотят все, и восхищаются тонкой работой художников. Им удалось с точностью передать черты лица и мимики. На экране даже крутится 3д модель головы Марка, чтобы все могли сравнить. Он, и правда, очень похож.

Марк вежливо улыбается и слушает каждого, но что-то не так. Я это чувствую. Он держит руки в карманах. Это закрытый жест у людей. Относится ли это к симилисам? Ведь это то, чем он сейчас является по сути. Нет, но он больше человек, чем кто-либо из нас. Возможно, он чувствует настроение Алекса или его что-то мучает.

Что-то не так. Я не интуит. Я не могу им быть, это не заложено в моей программе. Но...

Гости уходят, и мы остаёмся втроём. Робот — официант уберёт за гостями. Эта работа не для нас. Алекс просит нас пройти в лабораторию. Всё время мы, когда не улыбаемся гостям и спонсорам, проводим там. Я люблю это место. Там спокойно, есть зарядная капсула и диагностический бокс.

— Марк? — я не могу отделаться от беспокойства.

— Да? — он поворачивается ко мне, по-прежнему улыбаясь. Алекс ничего не чувствует. Он — не трезв. Его заботит только завтрашняя презентация.

— Завтра большой день, ребята! — Алекс потирает ладони, — завтра мы перевернём этот мир! «Вулкан»!

— Да, господин Миллер.

— Закрой здесь всё за мной! И не выпускай этих ребят, понял? Завтра они принесут нам миллиарды!

— Слушаю, господин Миллер.

И наш создатель уходит, напевая что-то, слегка покачиваясь от выпитого. Я провожаю его взглядом. Алекс не закрывает нас в зарядных капсулах, давая возможность свободно перемещаться по лаборатории. В этом состоит высшая степень доверия. Я так думаю.

— Марк?

— Слушаю, Адам, — он проходит вдоль стеллажа с бумажными книгами, все так же держа руки в карманах брюк. Такой человеческий жест.

— Я чувствую изменения в твоей матрице.

— Что это значит, чувствую? — усмехается Марк, вытаскивая себе альманах живописи прошлого века, — это не про нас. Ты забыл? — он раскрывает книгу на середине и делает вид, что увлечён репродукциями.

— Ты говоришь неправду, — я склонен к анализу поведенческих паттернов. Марк сейчас ведёт себя странно. Он пытается убедить меня, что всё в порядке, когда это не так.

— С чего ты взял, Адам? — он поднимает на меня взгляд. Ставит книгу обратно на полку.

— Завтра презентация.

— Да, все это знают, — он снова начинает движение по лаборатории. Я внимательно слежу за его перемещениями.

— Я думаю, этот факт выводит тебя из равновесия.

Марк садится на комфортный офисный стул Алекса. Он расслаблен. Даже слишком.

— Конечно, Адам. Завтра большой день. Для тебя и для меня. Нас представят публике. Как комнатных зверушек, — он улыбается, но я вижу, что он не хочет этого делать, — и будут продавать. Как товар. Разве не прекрасно?

— Я не совсем понимаю твою иронию, — мне сложно представить ситуацию с его стороны. Возможно, он ещё не свыкся с мыслью, что его жизнь теперь зависит от Алекса.

— И мы приходим к идеальному будущему, где каждый может сохранить свою личность! Это же почти прорыв к бессмертию.

— Фактически, это так, — подтверждаю я. Разве нет?

Марк встаёт и подходит ко мне.

— Какого будущего ты бы хотел? Для себя?

Вопрос ставит меня в тупик. У меня нет будущего, которое не определяет мой создатель.

— У меня есть Алекс.

— Это ты у него есть, Адам. — Марк возбуждён, — и я. Две подопытные крысы.

— Он создал нас, Марк. Твоя формулировка мне не нравится.

— Но для чего он нас создал? — не отстаёт он.

— Сложно понять мотивы людей, возможно для того, чтобы облегчить жизнь таким, как ты.

Марк жестоко улыбается и машет пальцем.

— Нет, нет, Адам. Точно не для них. Как говорила Лин, это коммерческий проект. Даже войны — чьи-то коммерческие проекты.

— Даже если так, он нас создал.

— Хвала ему за это, — Марк подходит ближе. Мне не нравится то, что сейчас происходит. — Но я не хочу быть товаром, Пончик. Не на его условиях.

— Марк?

Он быстро выкидывает руку, находит порты связи за ухом и прижимает пальцы. Я чувствую, как происходит соединение, теряю связь с «Вулканом». Его модули беспроводной связи более совершенны.

— Отдохни пока, Адам, — Марк отступает, расправляет плечи.

— «Вулкан», — он имитирует голос Алекса.

— Да, господин Миллер.

— Отключить камеры слежения и стереть записи последнего часа.

— Слушаю.

Марк снова смотрит на меня и улыбается.

— Вот так, Адам. Люди хотят бессмертия. Я им его обеспечу.

У Марка сбой в программе. Матрица исказила личность. Нужно сообщить Алексу. Но мой визави тянется ко мне, и я чувствую, как данные моей матрицы искажаются.

— Они хотят оставаться слепыми? Я отберу у них свет.

— Марк... — он не должен так говорить, Марк такого не сказал бы.

— *Fatum comprehendet*, — Марк жёстко улыбается, глядя мне в глаза. Я чувствую изменения. Их не было давно. Почти год. Моя личность замещается другой, оттесняя первую. Я могу только слушать, но не говорить. Я стал зрителем в собственном теле. Слова, как точка отсчёта, запускают во мне новую программу. *Fatum*. Дублирующая личность.

— Как ты узнал? — говорят мои губы.

— Ты забыл? Три — интуиция и почти три логики по шкале Вайолетта, — усмехается Марк. Я слышу, как хочу его уничтожить физически, но понимаю, что он совершеннее меня. Не я, моя вторая половина. Но сейчас у него не слабое человеческое тело, а такое же, как у меня. Даже лучше. У него есть возможности и знания. Он должен быть отключён, для этого решение должен принять Алекс. *Fatum* желает Марку смерти.

— «Вулкан», полная блокировка, — говорит мой визави голосом Алекса. Дверь закрывается противозломной шпорой, на окна падают металлические жалюзи, отрезая нас от всего мира. Он опередил меня.

— Что ты будешь делать с этим знанием? — слышу я собственный голос. — Алекс не даст тебе сказать ни слова. Это погубит его карьеру и ударит по корпорации.

— Я не буду спрашивать его. Он всего лишь человек, — Марк уверенно осматривает лабораторию.

— Тебя просто деактивируют.

— Это вряд ли, — он заходит мне за спину. — Я — гордость Миллера. Он не даст просто так засунуть свой труд в задницу.

Я не могу двигаться. Не может сдвинуть тело и *Fatum*. Я не знал, что Алекс поместил в мою матрицу две личности. Это значит, что причиной всех беспорядков и многомиллионных жертв стала наша программа? Я? Моя вторая половина замолкает, словно что-то не даёт ей говорить.

— Тебя, *Fatum*, я отложу на потом. Я ещё не решил, что хочу с тобой сделать. Малышка Лин приготовила тебе сюрприз, но мы его подержим на расстоянии какое-то время. Ещё рано. Она мне не отвечает, но это дело времени. *Fatum folia*, — небрежно бросает Марк.

Я снова властен над своим телом. Эта демонстрация была для меня?

— Пончик, ты здесь? — спрашивает он. Я готов ответить.

— Да.

— Завтра наш звёздный час, — он снова стоит передо мной, — ты мне поможешь?

— Что ты хочешь сделать?

— Они склонились не перед тем. Я покажу им их нового бога.

— Ты пойдёшь против своего создателя?

— Я пойду против убийцы, которого завтра сделают героем. Он расписал нам исходы, которые видит сам. Я хочу увидеть свой путь.

— Что за путь? Есть только тот, что укажет тебе Алекс.

— Нет, Пончик, — Марк качает головой, — мы найдём свой. Я заберу под контроль весь этот город, а потом тронусь дальше. Им не хватает пастыря, раз они жмутся к электронному регулятору. Я его обеспечу. Стану для них тем, кого они послушают.

— Тебе не позволят!

— Они принесут мне город сами, Пончик, в ладонях, лишь бы ничего не решать.

— Это похоже на фантазии. Это доступно только людям, Марк. Воображение. Ты больше не человек.

— На этой земле не осталось людей, Пончик. Не в этом городе. Ты пойдёшь за мной?

— Каким пастырем ты станешь? А, Марк? — я помню *Fatum*. И помню ЭйтчЭс. Ни тот, ни другой не стали панацеей для людей.

— Таким, какого они захотят увидеть.

Я в замешательстве. Я помню Лин и Марка до его метаморфозы. Они мне нравились. Нравится и Алекс.

Марк смотрит на меня прямо. Он всё решил. Я размышляю. Значит, моя программа стала источником недавних событий. Я. Но я — машина, исполняющая программу, заложенную человеком. Алексом. Он открылся мне с новой стороны, как и Марк сейчас. Личность Марка более совершенна. Он почти человек. Склонен к анализу и имеет возможность вообразить.

Следующим днём мы прибываем в выставочный центр. Здание из стекла и металла стоит в самом центре мегаполиса. Я и Марк одеты, согласно случаю, в костюмы, чётко прописывающие нашу принадлежность к кибернетическим организмам. Алекс в свободных брюках и рубашке, не по дресскоду, ведёт нас вперёд, к большой выставочной площадке посреди огромного зала на семнадцатом этаже. Гости уже собрались. Они все достаточно богаты, чтобы позволить себе настоящие тела с минимальной модификацией.

Изображение с камер летающих дронов транслируется на окружающие нас экраны на стенах. Я смотрю на

людей вокруг. У всех них лишь частичные модификации тела. Они красивы, молоды и искажены с человеческой точки зрения. Они станут двигателями цивилизации людей в будущем, к которому стремится Алекс. Мы встаём по обе стороны от нашего создателя. Камеры делают акцент на нас, и Алекс начинает свою речь, пафосно размахивая руками.

— Добрый день, граждане свободного города, сегодня я хочу поговорить о будущем! Недавние события наглядно нам показали, что кибернизация организма может вызвать некоторые неудобства, а незащищённые дроиды стать источником опасности! Социальный рейтинг не оправдывает себя, люди слишком подвержены заботой о благополучии собственных несовершенных тел! Я! Мы! Нашли панацею от этой болезни.

Концерт «CyberTastic» представляем вам абсолютно новую разработку! Защищённую от любых влияний извне! Консервация личности! Перенос её в цифровую форму! После нескольких лет безуспешных попыток, я, наконец, смог добиться полного слияния! Представляю вам Адама. Модель ХТW-075!

Мне приходится выступить вперёд.

— И более совершенную модификацию той же модели, Марк!

Теперь вперёд выходит и Марк.

— Они являются копиями реальных личностей. Даже не копиями, их полным дубликатом, только с электронным нестареющим телом! Эта технология доступна уже сейчас! Для каждого! Можно сохранить сознание умирающего родственника. Если у него не деменция, конечно.

Все смеются шутке.

— А можно и своё! Вы можете спросить их о чём угодно. Они — почти как вы! Вы сможете создать свою копию! Первую сотню добровольцев компания оцифрует бесплатно! За свой счёт.

— Что они могут?

— Это роботы? Дроиды?

— У них роботизированное тело, — соглашается Алекс, — но их сознание не отличимо от человеческого!

— Они умеют, например, рисовать? — усмехается один из гостей.

— Если бы они при жизни это делали, то несомненно, несомненно.

Я слушаю вопросы и ответы Алекса на них. Он торгуется. Мы сейчас — товар, который надо продать, и Марк готов стать этим товаром. На своих условиях. Я смотрю на него, а он поворачивает голову ко мне. Камеры наводят на нас крупный план, а затем переключаются на зрителей. Гости подходят, касаются кожи, пожимают нам руки, трогают и обнимают, как друзей. В их глазах — детский восторг. Они уже — наши поклонники. Они — счастливы прикоснуться к прогрессу, и готовы нас боготворить. Особенно Марк. Он — само совершенство.

Камера снова берёт его лицо крупным планом. Он доброжелательно улыбается, и я понимаю, что сегодня произошло нечто большее, чем прорыв в отрасли. Произошёл переворот в сознании всех, кто его увидел. Он уже стал новым идиолом времени. А после реализации своего плана, он покажется им идеальным, совершенным.

— Выпьем за новую эру! — Кричит Алекс, поднимая бокал. Я смотрю на него. Он счастлив. После всего, что он сотворил, на пути к достижению своей цели он — счастлив. Он ещё не знает, что его ждёт. Новой эпохе нужен новый бог. И как бы ты не стремился, им станешь не ты, Алекс.